

ЮРИЙ ПОРОЙКОВ

ВГЛЯДЕТЬСЯ В СЕБЯ

СТИХИ И ПОЭМЫ РАЗНЫХ ЛЕТ

Литературные миниатюры

Избранное из шести поэтических книг

«Мгновение, как жизнь» (1980)

«Звезда на снегу» (1981)

«Лесов зеленый вздох» (1985)

«Зерна» (1985)

«Все здесь — со мною и во мне» (1995)

«О будущем, которое прошло» (2007)

Переводы

Из рабочей тетради (2008-2009)

Издательство Московского гуманитарного университета

2010

ББК 84-6
П59

Фотоминиатюры Ивана Поройкова

Поройков, Ю. Д.

П59 Вглядеться в себя : стихи и поэмы разных лет. Литературные миниатюры / Юрий Поройков. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2010. — 448 с.

ISBN 978-5-98079-581-8

ББК 84-6

ISBN 978-5-98079-581-8

© Поройков Ю. Д., 2010
© Оформление. Московский
гуманитарный университет, 2010

МОЁ ВРЕМЯ



*Как поле прошлого просторно
И дарит, видно, неспроста
Возможность убежать проворно
За край бумажного листа...*

*Когда вдруг понял ненароком,
Что правит память — не рука,
К своим я двинулся истокам,
Как вспять идущая река,*

*И берега, казалось, те же,
И ямы прежние на дне —
Увы, уже бурлилось реке,
Как и должно на глубине,*

*Хотя встречались перекаты,
Где громоздились валуны...
Но разве детство виновато
В том, что не все сбывались сны?*

*Но разве осыпи-обрывы,
Что мой смущали прежде взгляд,
О той поре моей счастливой,
И лишь о ней — не говорят?*

*И разве душу не тревожат
Воспоминанья о тропе?
О разном пишем мы, но все же
Всего охотней о себе.*

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

1

«Время — долгое», — сказал кто-то, и я повторяю эту странную фразу, примеряя общее время к своей жизни.

Ее долгота пролегает между двумя эпохами — со Сталиным и без него.

Там были война, голод, разруха, восстановление, похороны Сталина, заговоры и интриги, башмак Хрущева, полет Гагарина, водородная бомба, освоение целины, ударные стройки, золотой иконостас на брежневском пиджаке, похороны трех генсеков кряду, перестройка, гласность, Чернобыль, сухой закон, очереди за водкой, очереди, очереди, очереди — за всем, попытка путча, Ельцин на танке, толпы людей с товарами, забитые невиданными продуктами магазинные полки, обвал рубля, обвал цен, обвал, обвал, обвал — необходимого, танки на мосту через Москву-реку, горящий Белый дом, похороны, обвал, обвал, обвал — многого, Чечня, выборы президента, коробка от ксерокса, выборы президента, болезнь президента, обвал, обвал, обвал — оставшегося, снова Чечня, отставка президента, выборы президента, Чечня...

Там — мое время.

Там было нищее и счастливое детство, бедная и счастливая юность.

У меня сохранились стихи того времени.

Стихи плохие — о Сталине, о войне в Корее, о мелких ребячьих радостях, о первой влюбленности и разочарованиях. Но на этих плохих стихах — печать того моего бедного и счастливого времени.

Время имело свои запахи и свои краски.

Оно и сейчас, спустя годы, сохраняет нетронутыми и краски, и запахи.

На нашу долю выпало немало разных событий, оставлявших болезненные зазубринки в душе, но мы учились находить и всегда находили свои маленькие радости.

Время второй половины моей жизни пахнет совсем по-другому, и краски его — другие...

Другими стали и стихи.

Вот один из них конца шестидесятых о похоронах на Красной площади Юрия Гагарина — я нашел его совсем недавно в старой записной книжке.

*Героя хоронили.
Площадь
Застыла,
Тишиной полна,
В отсвете траурных полотнищ
Блестели льдисто ордена.*

*...Вот смолк оркестр,
И привкус меди
Я вдруг почувствовал во рту...
Как страшен этот шаг последний
За запредельную черту.*

*И вдруг, как струйка сквозь плотину,
Над молчаливою толпой
Прорвался щебет воробьиный —
Веселый, радостный, хмельной...*

*О, как кощунственно и резко
Тот гомон птичий прозвучал —
То жизнь в права вступала дерзко,
Неся венец иных начал.*

*И я, быть может, в первый раз
Увидел с грустным удивленьем,
Как жизнь вершит живую связь
Потерь и новых обретений...*

...Счастье, по Гегелю, надо искать на пустых страницах истории.

В истории страны, где едва ли не каждые 10–15 лет на протяжении одного столетия революции сменялись войнами, войны —

реформами, а реформы — застоями; где почти каждая приходившая вновь власть безжалостно переворачивала очередной пласт поколений с ног на голову, и наоборот; где привыкли не считать людские потери, где с тяжким упорством сначала тащили людей в счастливую жизнь без капитализма, а затем — в еще более счастливую, но с капитализмом, — в такой истории пустых страниц оказаться не могло.

Столетие уткло в Лету, стащив вместе с собой с карты земли огромное государство, на строительство которого было затрачено семь десятилетий и многие, так толком и не пересчитанные миллионы человеческих судеб.

Больших людей никогда не пугали большие цифры, их страшили маленькие, которыми и в которых испокон веков жили конкретные люди.

За все ошибки и просчеты наших капитанов всегда платили трюмные рабочие и матросы.

Власти предпочитали смотреть на нашу жизнь с высоты птичьего полета — оттуда она без людей видится ухоженной и умиротворенной.

Почему — так? Не знаю.

«Такое было время» — обычный ответ на трудные вопросы, и конкретная вина конкретных людей меркнет на фоне столь глобального явления, как Время.

Много лет назад, еще школьником, я написал стихи о военном летчике, которые лет десять спустя при публикации в молодежной газете редактор очень мудро привязал к начавшейся войне во Вьетнаме с эпиграфом из интервью с американским пилотом: «Сколько ты сегодня убил?» — «Не знаю, может, тридцать, а может, и сто», — ответил тот, оскалившись».

*...Неотвратимо, как сама судьба,
Он падал вниз сверкающей отмычкой,
Вот так же в детстве муравейник спал,
А он над ним стоял с зажженной спичкой.*

.....
*И стерт с лица земли последний дом.
Он глянул вниз веселыми глазами —
Как просто все, когда земля с ладонь,
Когда людей представишь муравьями!*

Тяжелое и неблагоприятное это дело — политика.

Сколько так называемых лучших людей страны ходило во власть и было уволено из нее за последние 15 лет? Кто-то подсчитал, что в годы ельцинского правления больше 40 вице-премьеров и около 200 министров пытались порулить страной, но у них мало что получилось.

Согласимся с тем, что сказал двести лет назад император, повесивший пятерых декабристов, покусившихся на царскую власть: «Человек Россией управлять не может. Россией может управлять только Господь Бог, да и то с трудом».

И оставим в покое политику, которая и без того заняла слишком много места в жизненном пространстве моего времени, которого и так осталось совсем ничего.

*Все куда-то ушло, что мешало с утра,
и приемник затих — неужели обьелся дежурной политики,
от которой, конечно, уже не дождешься добра,
а у женщин, как слышал, рождаются трусы и нытики.*

...Три года назад, когда я ехал на свою малую родину, поезд остановился посреди огромного холмистого поля — где-то случилось крушение товарняка. Проводница сказала, что застряли надолго.

Я спустился на загаженный мазутом и грязью межрельсовый гравий, думая о близких, которые будут теперь всю ночь дежурить на вокзале. Потом пришло естественное раздражение неизвестно на кого. И я вспомнил, что в этих местах в начале 90-х из-за прорыва газовой трубы сгорел целый пассажирский эшелон. И вспомнился сразу и Чернобыль, и Степанакерт, и Сумгаит... и много еще такого же страшного из этой серии трагических сюжетов, которые писало руками неумелых и нерасторопных политиков перестроечное Время, вдруг поплыло перед мысленным взором, превращая это нечистое пространство перед вагоном в какой-то зловеющий кинополигон...

— Недавно почти тут же авария была, — сказала за моей спиной проводница, — тоже товарный. Машинист погиб.

Я кивнул, как бы принимая к сведению, что это место и вправду заколдованное, и пошел через рельсы к запыленным кустикам польны.

Вот там меня и накрыл запах увядшей травы и цветов, с которыми ко мне всегда возвращалось Время моей юности и все, что было с ней связано.

И нам было о чем поговорить наедине...

2

Я был из племени романтиков, и многие годы нес этот пышный хвост.

По вырванным и сброшенным перьям, которыми я устлал свою дорогу жизни, можно было бы без труда найти ту каморку в коммунальной квартире, где росло, разрастаясь и вверх, и вширь, мое молодое время и уже замедлялось время моих родителей.

Мы как бы жили по одним часам, но для них часовые стрелки двигались быстрее, чем для меня, а минутные, казалось, стояли на месте.

Зато теперь на моих часах остались одни часовые стрелки, и они с каждым годом становятся торопливее...

И только сейчас я, оценивая наше общее с родителями время, понимаю, как неотвратно тяжело оно переваливалось на их сторону со всеми бедами и невзгодами сороковых-пятидесятых, да и последующих десятилетий.

Им была дарована, к счастью, долгая жизнь и то, чего они насмотрелись в ней и замолчали-задавили в себе, не соглашаясь, но безвыходно примеряясь с тем, что выпало на их долю и долю всех их сверстников.

Уже взрослым я узнал, что у мамы был расстрелян отец по ложному навету, как вредитель, а другой мой дед — по линии отца — был священником в Ярославской губернии и умер от «черной испанки» в 20-м году. Вскоре скончалась и бабушка, и вся многолюдная семья — две сестры и пятеро братьев, мал мала меньше, рассыпалась-разбежалась по огромной стране, по ее окраинам, — да так, что лишь после войны их удалось собрать старшей сестре.

Она поочередно знакомила их, уже взрослых семейных мужиков, как чужих людей.

Время было тяжелое и опасное, но никогда разговора о том в нашем доме не было. А страх — был, и я его, даже, казалось бы, надежно отгороженный от опасного прошлого согласованным молчанием родителей, ощущал, когда этим самым прошлым из любопытства интересовался.

Потом перестал, понимая, что там есть какая-то особая тайна, но с версией правды жить удобнее.

Так Время учило нас жить, не оглядываясь...

Много лет позднее, пытаюсь понять, что же это было за время и каким я представлял себя в нем, я все-таки оглянулся...

*Собираются птицы в осенние стаи,
Чтоб однажды — туда, где, должно быть, теплей.
Может, с нами прощались они, улетаая,
Только не было жаль нам тогда журавлей.*

*Может быть, потому, что учила прилюдно
Нас эпоха, по сути, всегда одному:
Должен с Родиной быть, если Родине трудно,
Только так, не иначе, и быть посему!*

*Никаких исключений — ни птицам, ни рыбам,
О миграциях разных не знали еще,
И рубили плеча мы, как взрослые — «либо!»
Под эпоху свое подставляя плечо.*

*И считали — с истматом у нас все в ажуре,
Потому что учили примерно вот так:
«Два лишь полюса есть — только мы и буржуи,
Ну а кто посередке — подлец или враг!»*

*...Были мы жестковаты по нынешним меркам
И упрямы порою, как «вынь да положь!».
Мы себя вымеряли единственным метром,
Тем, что наша эпоха вложила в «Даешь!»*

*По живому, бывало, рубили жестоко
И при этом, не жмурясь, глядели в глаза:
«Кровь за кровь» — потому что и «око за око» —
Повторяли, не зная, кто это сказал.*

*И не зная того, что когда-нибудь после,
Оглянувшись назад, в даль заспинную ту,*

*Вдруг пойдем — пробежали не мимо, а возле
Высоты, не успев разглядеть высоту.*

*Кто-то скажет — два шага осталось, не боле,
Дескать, малость какая — чего там считать
Все минувшие беды, обиды и боли...
Умножать не умели.
Умели мы лишь вычитать.*

3

Наше время учило нас вычитать свои жизни из будущего, и мы умели это хорошо делать.

Я уже давно перешагнул границу среднестатистического срока жизни в России. И невольно чувствую себя виноватым: нас оказалось много больше, чем может прокормить наше государство.

Несколько лет назад один из представителей правительства обратился к нам персонально с проникновенным словом: «Пожилые люди должны понять — увеличение пенсий не может быть значительным, иначе сегодняшняя молодежь обречет себя на жалкое существование в будущем».

И я понял, и согласился с ним, как соглашались в свое время мои родители трудиться во имя грядущих поколений, будущего счастья своих детей и внуков.

Иначе у нас не выходит.

От очереди за хлебом в 43-м году к очереди за ним же через двадцать лет и за всем остальным — через пятьдесят — жизнь пролегла, как очередь за жизнью вообще.

Уже лет десять, как очередей ни за чем практически нет, а за жизнью — осталась.

Вот когда мне назначили пенсию в 3 раза меньше прожиточного минимума, я уже мог не думать о жизни, тем более что по закону о прожиточном минимуме в России каждому мужчине полагалось иметь 5 трусов на 2 года, майку на 1 год, свитер на 5 лет, брюки на 4 года и по паре ботинок на каждый сезон на 5 лет. Потом, правда, цифры эти подкорректировали, но лишней майкой или еще одними трусами вряд ли серьезно украсили жизнь.

Да и зачем мне, подумал я, такая уйма вещей? Это только бывшему российскому генеральному прокурору государство в лихие девяностые могло разом подарить дюжину дорогих костюмов...

За всю свою долгую жизнь я едва ли сносил больше...

Помню выступление по радио депутата Госдумы: он сокрушался по поводу существовавшего тогда семидесятирублевого пособия на детей и рассказывал о том, как удалось наконец переломить эту ситуацию — нуждающиеся получают теперь... на семь рублей больше.

А министр финансов, найдя в кошельке государства приличную сумму в 200 млн рублей на детские пособия, сразу побежал к президенту, чтобы вместе с ним порадоваться возможности порадовать заботой народ. Забыв при этом поделить эти миллионы, едва ли превышающие сумму двух-трех взяток за депутатское или сенаторское место, на количество голодных ртов детей: на этом уровне приличная цифра, мягко говоря, выглядела довольно смешно.

Большую часть своей жизни я прожил, ничего не зная ни о бюджете, ни о курсе валют, ни о ценах на нефть, ни о многих прочих финансовых и экономических делах. И уж тем более мало что знал о людях, которые этими делами занимаются.

Мне это было не интересно.

Я считал, что каждый должен нести свой чемодан. Теперь я этим интересуюсь, хотя по-прежнему мне это не интересно.

Оказалось, что государство, напротив, очень интересуется именно моим чемоданом и не прочь при случае его прибрать себе. И при этом не устает обижаться на то, что это никому не нравится.

Не верящие власти люди мешают большим чиновникам делать карьеру. Один из них даже заявил, что, если реформы не получатся, он уйдет в отставку.

Понимаете, как это страшно!

Я знаю в лицо многих сегодняшних политиков. Некоторых знаю и лично. Осведомлен об их частной жизни, их женах, любовницах, заработанных и наворованных ими деньгах, вкладах в зарубежных банках, о том, кто с кем дружит, и тех, против кого дружат...

Они лезут в мою квартиру с телевизионного экрана, со страниц газет и журналов, даже не пытаясь скрыть своего намерения навесить мне на уши побольше лапши.

Зачем мне это все?

Но вот когда один из начинающих политиков в самый разгар новых реформ однажды призвал россиян обратить внимание на

свою частную жизнь и думать о ней больше, чем об общественно значимом, я подумал вдруг с беспокойством: «К чему бы это, братцы?» — и на всякий случай ошупал свои карманы. И с тех пор привык делать это постоянно. То есть как бы держать фигу в кармане и делать вид, будто не знаю, какое на дворе столетие.

Значит, пошли впрок казавшиеся ненужными и лишними знания, значит, не зря нас так неустанно и хитроумно облапошивали все семь (или восемь-десять?) правительств нового времени, если на каждое державное слово у многих из нас заранее приготовлен ответ: «А у меня больше денег нет и уже не будет!»

То, что денег не будет, это было ясно, но то, что я подумал прежде всего о них, было нехорошим симптомом: значит, я подхватил вирус цинизма, а на старости лет заболеть им значило окончательно обесценить в собственных глазах всю прошлую жизнь и свое время.

Тогда и рождались такие вот строки.

*Такой сырой, такой угрюмый день —
Он так бесповоротно однозначен,
Что кажется, и вправду, предназначен
Служить тоске, печали и беде.*

*И небо давит тяжестью свинца,
С корнями звезды вырваны,
должно быть...
Ну, кто сказал, что старость — это опыт?
Все та же жизнь, но ждущая конца.*

*Все та же жизнь без прежней суеты,
И не понять — оставлен или брошен,
И очень жаль собак бродячих, кошек,
Таких же неприкаянных, как ты,*

*Таких же погруженных в немоту...
Так тошно все и так уже обрыдло,
Что и не страшно на краю обрыва
Нащупывать ногою пустоту...*

...Новое время высвободило наши души из плена навязанных нам стереотипов и догм, и мы вдруг поняли, что государство со всем своим неподъемным грузом политических, экономических и социальных проблем — всего лишь производное от наших маленьких и хрупких жизней, которые и составляют народ. Что в отличие от муравейника, где, как утверждают специалисты, каждый муравей в отдельности разума не имеет, а в совокупности — разумен, каждый человек владеет не только разумом, но и душой, а совокупность людей, если это толпа, теряет и то, и другое.

«Я никогда не видел другого народа, у которого были бы такие пустые и круглые глаза, — сказал однажды автор знаменитых «Москва — Петушки», вынеся свое заключение из многолетних поездок в пригородных электричках.

Пустые глаза — это признак заснувшей или умершей души, а круглые, должно быть, от изумления, что такая жизнь, которой они живут, еще продолжает где-то в статистических отчетах и официальных докладах называться жизнью.

4

...О времени мы вспоминаем каждый раз, когда смотрим на часы. И делаем это много раз в течение дня. Может быть, для того и придуманы часы, чтобы человек всегда помнил о времени, отпущенном ему для жизни.

Но бывает, что кто-то вдруг спрашивает: «А какое время на дворе?» Это не значит, что спрашивающий заблудился, — просто он недоволен или рассержен временем, в котором живет. Он его оценивает с позиции бунтаря или реформатора.

Или, например, кто-то говорит, что чье-то время кончилось. И даже, что у него нет времени. Это, конечно, бытовой разговор, но и в нем жизнь конкретных людей оценивается с точки зрения значимости времени.

Вот две мысли о времени — писателя и философа.

Один увидел в комнате «кусочек застывшего времени», и сразу стало ясно, как была ужасна жизнь ее хозяина. Другой — «жизнь в глубине мгновения». Это — о вечной жизни, которая не есть будущая жизнь, а жизнь настоящая.

Принятая сознанием, мысль не делает смерть жизнью, но как бы вписывает ее в общий контекст жизни в качестве заключительной главы.

Все-таки не просто ничто, а особая жизнь в глубине мгновения.

Правда, это в какой-то мере вдохновляет?

Очень много людей думало над вопросом, что такое время. И почти всегда в связи с вечными вопросами бытия: Что есть человек? Что есть жизнь и смерть? Что есть душа? И пр. и пр. и пр.

Однажды было сказано: «Смысл жизни — сама жизнь». Вроде бы убедительно, а ничего не произошло. Люди искать смысл жизни не перестали. И не перестанут, пока живут на земле, где они, очевидно, и появились для того, чтобы найти этот смысл. Причем не один на всех, а каждый для себя — сам.

И хотя человек за тысячи лет упорного поиска сумел ответить на множество важных вопросов и тем самым организовал более или менее сносные условия для жизни на трудной земле, он так и не сумел найти ответа на самый, казалось бы, простой вопрос — «зачем я живу?»

Духовную жизнь человека нельзя понять и объяснить, даже разобрав по «винтикам» весь человеческий организм и поняв, как он работает.

Что такое, например, совесть? О том, что она есть, знают все, как знают и о «механизме» ее работы, оказывающей огромное влияние на жизнь человека и порой даже ломающей ее, причем вопреки свойственному любому организму инстинкту самосохранения. Почему, с какой целью вложила в нас природа такое мощное регулирующее чувство, возникающее, как правило, в ситуационные моменты морально-нравственного выбора?

«Вне Бога, — считает Фазиль Искандер, — объяснить совесть совершенно невозможно», относя эту проблему к разряду самых сокровенных и практически неразрешимых тайн природы. «Совесть, — пишет он, — это, выражаясь языком марксистской идеологии, единственно данное нам в ощущении доказательство бытия Бога».

С этим можно спорить, можно просто молча согласиться, понимая, что есть вещи, которые нам не дано и никогда не будет дано знать...

Сейчас мы уже догадываемся, что это, наверное, одна из самых главных тайн природы, которой нам вообще не дано знать.

Но поскольку Древо познания продолжает, видимо, плодоносить в недоступных для завистливых человеческих глаз и рук местах, стремление людей добраться до него никогда не закончится. Даже если практической пользы от этого стремления они не получают.

Великий физик однажды сказал о том, что время и пространство — взаимопроницающие явления. И теоретически это доказал, оставив потомкам возможность убедиться в том когда-нибудь в будущем.

Вы можете себе представить наглядно, как время переходит в пространство и — наоборот?

Эйнштейну наверняка это видение хотя бы однажды проступило сквозь цифры математических формул. Но для всех нас, боюсь, оно навсегда останется абсолютно непостижимой абстракцией, некоей загадочной заморочкой, о которой если и надо знать, то только для общей эрудиции.

Ни один человек не получил от этого великого открытия никакой пользы, хотя считают, что человечество в целом стало на голову выше. И кто с этим будет спорить?

Другое дело — открытие Бергенсона: «Возможно, где-то там есть «тамская вселенность», в которой лежат последовательные нагромождения всех наших прошлых, настоящих и будущих образов. Время-экран открывает нашему сознанию следующий образ. Прошлое — просмотренная часть фильма, настоящее — мелькнувший на мгновение кадр, а будущее — еще не просмотренные кадры, известные одному режиссеру».

Там что-то есть или нами замкнется это? — спрашивает философ, внося в свою ошарашивающе логичную метафизику трезвый вопрос человека, стоящего двумя ногами на земле.

Ах, какая это лукавая и соблазнительная мысль — встретиться с взлелеянным в сознании событием!

И при всей фантастичности ситуации каждый из нас может вспомнить не один случай, когда все так и происходило: ты мечтал, ты думал, ты надеялся, ты во всех красках представлял себе встречу — и она случилась, и была именно такой, какой ты ее нарисовал заранее.

И ты говоришь: «Я встретил свою любовь».

Встретил, потому что желал ее и мечтал о ней.

5

Процесс познания неостановим, и там, где наука спотыкается, порой недоуменно разводя руками, литература и искусство проходят дальше, в глубь человеческой Вселенной.

Там все — тайна и все поддается осмыслению и пониманию, потому что всему есть своя причина, каждый поступок, каждое душевное движение имеет свой мотив.

И в этой невообразимой вязи всего со всем скрывается сущность человека, о которой он иногда не догадывается и сам.

Вот почему большинство людей ищет цель жизни вне себя.

Немецкому романисту Марселю Прусту — автору великой книги «В поисках утраченного времени» — пришлось пройти, по его словам, все пласты собственного сознания и вывернуть наизнанку память.

Именно там таилась подлинная сущность жизни человека.

Для того чтобы это понять, писателю понадобились годы и годы титанического труда в полном уединении от большого мира, где человек предстает не тем, что он есть на самом деле, плотно закрываясь от других людей.

Эта двойная жизнь в конце концов выводит его на ложные цели, а время утрачивается безвозвратно.

Мы с этого начали разговор и этим закончим.

«Жизнь — это задача, которую ты должен решить сам», — сказал поэт.

Не больше, но и не меньше.

Он видел задачу своей жизни в своей дополнительности к культуре, созданной до него.

Это хорошая точка отсчета для размышлений над временем, в котором ты живешь, и о себе — и твоя жизнь этим временем измеряется и ограничивается.

Мы все должны сделать при своей жизни — у будущего может быть своя правда. А человеческий век слишком короток, чтобы это увидеть.

6

Много лет назад американский журнал «Лайф» обратился к своим читателям с предложением высказаться о самом печальном и радостном в жизни.

Возможно, вопрос был поставлен и иначе, не помню точно, как именно, но, судя по ответам победителя — фермера из какой-то американской захолустной тмутаракани, требовались пессимистичные и оптимистичные высказывания. И мне эти ответы запомнились: «Все в прошлом» и «Как хорошо, что я сегодня проснулся».

Я узнал об этом конкурсе из популярного тогда в России журнала «Америка» и, оказавшись в начале 1970-х в США, спросил у шеф-редактора «Лайфа» об этом человеке.

Он пожал плечами, но когда я напомнил ему афоризмы фермера, показал на свой безымянный палец и спросил с понимающей улыбкой: «Соломон?»

Тем самым не только подтвердил свою несомненную эрудицию, но и дал понять, что для такой страны, как Америка, характерно более прагматичное отношение людей к жизни, и потому философствующий фермер — фигура, несомненно, экзотическая, как древний мудрец Соломон. Хотя очевидно, что Соломон говорил обо всем неизбежно преходящем в жизни (все суета сует!), а фермер, трезво и спокойно простившись с печалью и радостями прошедшей жизни, каждое утро наступающего дня воспринимал как подарок.

И это — совершенно иное мироощущение человека, знающего цену жизни вообще и в особенности, когда ее осталось немного.

7

Есть хорошая книжка с хорошим названием «Сегодня — это вчера завтра».

На последней странице автор переставляет слова и получается «сегодня — это завтра вчера».

Забавная игра с настоящим, перетекающим в прошлое и будущее: она учит жить в трехмерном измерении.

Во всяком случае, не забывать, что сегодня — это и вчера, и завтра.

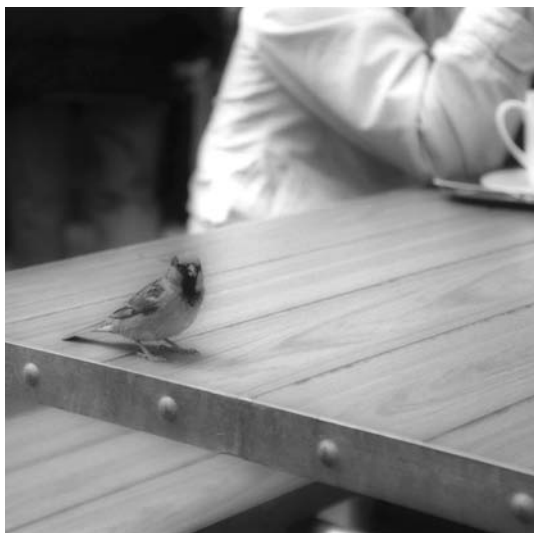
*...Писал о том, что было, быть могло,
Что волновало, что осталось тайной,
О будущем, которое прошло,
О настоящем, выжившем случайно.*

*Писал о том, что больно душу жгло,
О радостном, печальном и кричащем,
О прошлом, спрятавшемся за углом,
Чтоб оказаться снова настоящим.*

*Писал о том, что — поздно, что — пора,
О приходящем дне и уходящем...
Прощаюсь с будущим, как с настоящим,
Уже ушедшим в прошлое вчера.*

*(Из Книги размышлений
«О будущем, которое прошло»)*

**«МГНОВЕНИЕ,
КАК ЖИЗНЬ»**



Вот недоступный вроде человек —
такая глубь,
такая темь,
безбрежность,
и холодит
его сухая снежность —
душа замерзла,
кажется, навек...
Но полюбил,
и проступает нежность,
как озимь
проступает
через снег.

Душа

Мы о душе судачим —
да, глупа!
То ей нужна дорога,
то тропа,
то в прорубь лезет,
то метнется в пламя,
то ввысь рванется,
то сорвется камнем,
то недоступна,
словно жрица в храме,
то отдается каждому —
слепа...

Мы о душе судачим —
да, робка,
пряма дорога,
а ступает криво.
Скупа порой —
не выпросишь глотка,
и вот готова
все отдать с лотка...
То обходительна,
а то — спесива,
игрива,
опрометчива,
слезлива,
а не сломаешь! —
И откуда сила?

Вся на виду,
хотя и не видна...
Все пережил с ней
человек сполна

и счастлив был
тем, что не знал покоя.

Еще мы вспомним
многое другое
о той душе,
подумав не спеша,
лишь одного не зная —
что такое
душа,
и где она,
душа?

Зачем нужны мне,
человеку,
звезды?
Что тщусь я в них,
наивный,
разглядеть?
Ведь все равно
до них не долететь,
а на земле
немало дел серьезных.

Что проку в них?
Ни холодно, ни жарко...
Как ни сверкали б,
что мне от того?
А все же жду —
кого-то иль чего...
Дождаться бы —
и умереть не жалко!

Вдруг осенило!
Понял ненароком —
не лунный диск
там светится, маня,
Вселенная —
настойчиво
меня
единственным
разглядывает
оком!

И не спросить
о чем-то хочет,

просто,
все обо мне уж зная
наперед,
окликнула
и терпеливо ждет,
как я отвечу
на свои вопросы.

И лишь очистив
душу
от сомненья,
убив в себе
и зависть, и корысть,
я понял,
что, как маленькую жизнь,
прожить сумею
каждое мгновенье.

Что время мне теперь
и расстоянья?
И вот, уже
весь устремленный
ввысь,
дерзнул Вселенной крикнуть:
«Отзовись!
И у меня
есть
ключ
от мироздания!»

Здесь снег лежит на лапах елей,
Как ветер, зацепившись еле,
Шепни — и он сползет, звеня...
Бежит по самой кромке дня
Едва заметная лыжня —
Какой-то очень старый след,
Его уже заносит снегом...
Иду на встречу с человеком,
Которого давно уж нет...
Ждала.
Ушла.
Но здесь осталась
Ее замерзшая душа.
К ней подвела лыжня, спеша,
И тут же сразу затерялась.

Как горячи — пока в душе — слова,
А с губ слетели — как опали листья,
И зябко людям, словно деревьям,
Стоять среди опавших мертвых истин.

И ничего еще не сказано.
Что говорить и что рассказывать,
Когда едва-едва завязано, —
Все предстоит еще завязывать.

Улыбка, взгляд?
О, дело темное! —
Намек? Кокетство? Безразличие?
В глаза смотрели — не запомнили
И улыбались — из приличия.

И рук тревожное касание,
Хотя всего-то обещание
Унылого, как дождь, свидания,
Угрюмого, как ночь, прощания.

Не распознать...
И все же, все-таки
Живет в нас нечто потаенное —
Как бы часы.
В одних — как ходики,
В других сложнее — электронные.

И ничего еще не сказано —
Лишь собираешься рассказывать,
А все уже давно завязано,
Да так, что незачем развязывать.

А может быть,
я вправду виноват,
что старомодно
по тебе тоскую,
что глаз твоих не помню,
помню — взгляд,
описывать который
не рискую,

что рук не помню,
помню голос твой —
он здесь,
он всюду —
рядом,
за спиною —
то шелестнет,
как дерево листвой,
то зазвенит вдруг
порванной струною,

что снова здесь я,
в сумрачном саду,
где свет от фонарей —
как тают льдинки,
тебя встречать я
прихожу и жду,
вытаптывая
свежие тропинки.

Смотрю,
как снег скрывает их,
потом
другому дню

вернуться обещаю...

И если в чем-то

виноват,

то в том,

что никакой

вины

не ощущаю.

Нечто фантастическое

«Всю жизнь без колебання и сомненья
отдам за возвращенное мгновенье.
Я счастлив был».

Такое объявленье
повесил некто, вроде бы шутя,
но кто-то утром, мимо проходя,
сорвал его и бросил в раздраженье...

Смотрю на шляпку ржавого гвоздя.
А если б стал я людям тем судьей?

Ну, с этим ясно...
Он, конечно, прав,
когда, бумагу со стены сорвав,
пошел путем привычным на работу.
Не лучшая, так скажем, из забав,
и мы шутили, да прошла охота...

Что до того, другого...
Тот, другой...
Как жаль, что адрес неизвестен твой —
насмешник ли, романтик ли, герой —
я б разыскать тебя не поленился...

О, как бы мир, наверно, изменился,
когда бы каждый был самим собой,
когда бы люди стали откровенней,
не знали разрушающих сомнений,
стоящих не боялись за спиной,
когда бы каждый был сказать готов:
«Остановись, мгновенье!
Ты прекрасно!»

О, черт возьми!
Как много надо слов,
чтоб стало вдруг до отвращения ясно,
как плохо жил, как годы жег напрасно...

Смотрю на шляпку ржавого гвоздя
и на обрывки брошенной бумаги.
Вот у меня хватило бы
отваги
так написать,
но только не шутя?

I

Мой собеседник — умный человек.
Все знает, одного не понимает,
зачем ладонь под падающий снег
подставил я — ведь все равно растает?!

Он ждет ответа, голову склоня,
А я смеюсь — ты не поймешь меня!

Мой собеседник — трезвый человек.
Все понимает, одного не знает,
Зачем хожу я в лес встречать рассвет,
когда он повсеместно наступает?!

Он ждет ответа, гневно хмуря бровь,
а я смеюсь — наверное, любовь!

Он добрый человек — добрее всех,
но битый час меня уже пытается,
и я смеюсь, хотя сквозь слезы смех,
да что ему — он слез не замечает!

II

...О красоте он говорил: не та
теперь уже повсюду красота,
и женская пошла, увы, на убыль...
И мой приятель,
вытирая губы
салфеткой,
тянет мрачновато:
«М-да!..
А ведь под камень не течет вода...»

Так намекал он мне,
что я постыдно
ущерб неисчислимый наносу
хотя бы тем,
что спорить не спешу
и улыбаюсь почему-то скрытно...

Я за его плечами,
за спиной,
увидел вдруг,
как вспыхнули зарницы,
как небо красной выгнулось дугой...

За красоту он бросился бы
в бой,
но даже мысленно
представить не решится,
как море поджигается
синицей,
как звезды с неба
достают
рукой...

*...и даже на смертном ложе
в астаповской каморке, когда
все житейские привязанности,
спутники жизни, также избранная
им котомка странника, —
все осталось позади, с мертвенных
губ Толстого срывается последняя
зарегистрированная газетной
хроникой, пронзительной тоски
полная фраза: «...нет, мужики так
не умирают!»*

Л. Леонов. Слово о Толстом

Начало века. Год десятый.
Мир спал или казалось — спал.
Ни перед кем не виноватый,
великий старец умирал.

Таких глубин коснулся взором,
где не видать другим ни зги,
и вдруг слова — кому укором?
«Нет, мужики...»

Попов ли вспомнились посулы,
что будут двери в рай узки,
коль он шепнул, как бы пасуя:
«Нет, мужики...»

Услышал правду ли какую
он в эту ночь сквозь вой пурги,
коль так признался вслух, тоскуя:
«Нет, мужики...»

А может, волю сокрушая,
шла смерть — ее узнал шаги,
коль выдохнул с трудом, решая:
«Нет, мужики...»

Да что гадать, когда конечен
был спор — последний узелок.
Он знал давно, что он не вечен,
но понял, что не вечен бог,

Что перед смертью-пустотою
они кощунственно равны...
Он бога уравнил с собою
признанием его вины.

Ты рядом.
Здесь.
Всего лишь сто шагов.
Я ощущаю, кажется,
дыханье
твое
и вижу ясно
отблеск снов
твоих —
тревожных, как воспоминанье.
Ничтожное
такое
расстоянье...
А на судьбе
так много узелков,
накручено всего,
что не раскрутишь,
и мне все так же
не хватает слов,
чтоб объяснить,
как мало — сто шагов
и как их много,
если переступишь...

В. Л.

Крылья

Судьба его счастливою была —
Дала природа крылья для полета.
Он сомневался — ненадежны что-то,
пусть подрастут чуть-чуть еще крыла.

И ветер звал, и высота звала
взмахнуть крылами и парить, как птица,
но он считал — не стоит торопиться,
успеется. При нем его крыла.

Тридцатая весна над ним плыла...
Он все еще никак не мог решиться.
И хочется, но могут износиться
единственные два его крыла.

И наконец, надумал...
Даль — светла,
сквозь небо — звезды,
вот какое небо!
И он расправил два своих крыла,
но... руки только вскинулись нелепо.

Посмеивались люди:
Ну дела!
Не юноша давно — свои есть дети...
Стоит и плачет — потерял крыла,
когда и где — не знает,
не заметил...

I

Среди простых
есть истины такие,
что проще вроде
и не может быть:
я есть,
живу
и буду долго жить.
Потом уйду,
и будут жить другие.

Мне объяснили —
не длинна дорога...
Я сыну объясняю —
мой черед.
И он, как я,
ту истину поймет
и отметет,
как я тогда,
с порога.

II

Погибал человек,
понимая,
что он погибает.
Смерть к нему подошла,
недовольная —
долго ждала...
Он же думал —
не он
эту землю свою

покидает,
от него,
раскрутившись,
куда-то уходит земля.

Сделал все.
И упал.
И увидел себя
в этом миге
вновь встающим
с усмешкой,
горящей у рта.
И почудилось вдруг —
он —
последний
оставшийся
в мире.
Если смерти уступит,
что будет
с землею
тогда?

Все живое уходит.
И все неизбежны
исходы.
Что со смертью
бороться?
Ее ли кому
одолеть?
Человек!
Только это вот
хрупкое
чудо
природы
умирает,
борьбой унижая
всесильную
смерть.

О зов трубы!
И сразу,
без оглядки,
душа рванулась
в самый центр
схватки,
дрожа от нетерпенья —
так ждала!

И...
обернулась...
И...
назад вернулась...
Туда,
где только что
она
была...

Здесь
по углам
разбуженная мгла,
и в сумраке
беспомощно
белело
измученное,
страждущее
тело.

Оно
пыталось вслед,
да не сумело...
И с тихой завистью
сейчас смотрело

на душу на свою,
хотело
спросить ее:
— А как там вышло дело? —
Но лишь шепнуло горько:
— Да... дела...

Горела лампа
на краю стола...
Без сна
лежало на постели тело.
Душа
разочарованно
спала...

Добро

*Добро должно быть
с кулаками...*

С. Куняев

I

...И полетела шерсть клоками!
На улице, как на плацу,
Представил я — бьет кулаками
Добро! С размаху! По лицу!
И, отступив на шаг, устало
Взглянуло под ноги, туда,
Где, распластавшись, зло лежало...
А если встанет, что тогда?
Да, что тогда?
Плоды науки,
Поспешно снятые,
Горьки...

Добро под краном моет руки
И гладит, морщась, кулаки...

II

Мир старых истин...
Как непрочен
тот мир, который уповал
на ярость праведных пощечин —
ведь кто их только не давал
во имя доброго и злого...
Увы, их всех не перечеть!

И вызывал один другого
к барьеру, защищая честь.
И мести хищная потрава
снямала урожай тайком:
стояли правый и неправый,
меж злом стояли и добром.
Не суд решал — кусок металла
незрячей яростью своей.
О, сколько их на снег упало,
но больше тех, кто был добрей.
Не потому ли, что в удаче
добро, как это ни грешно,
не торжествует, чаще — плачет
над тем, что сделало оно?

III

Мир старых истин...
Мало значат
в нем слезы.
Что она, слеза?
От малого добра ли плачут
иль плачут от большого зла —
все плачут.
И, страшась ошибки,
стоим с мечом над тем узлом,
в котором спутаны, как нитки,
границы меж добром и злом.
И для меня нет сокровенней
той мысли, вызревшей давно:
должно быть узнано мгновенно
добро.
Тогда оно добро!

Какие в нашем мире чудеса?
Наверное, я человек везучий.
Бумажных копий твоего лица
я не храню, как адрес твой —
на случай.

Разъехались безадресно...
Искать?
Нет маяков на улицах столичных,
но я могу тебя перечитать
по памяти и вспомнить постранично.

Так просто обознаться на бегу
в той суете, где люди, как песчинки,
но и в толпе тебя узнать смогу
по самой свежей на лице морщинке.

С твоих берегов не доносятся вести...
О как далеко разошлись берега!
Уже не дотянется, знаю, рука,
и мост не построить на брошенном месте,

Река, словно море, лежит между нами,
и падает камнем призыв в глубину,
и нет челнока переплыть быстрину,
к любимым глазам прикоснуться глазами.

Но я не об этом пишу, ведь, по чести,
всего лишь одна здесь правдива строка —
«С твоих берегов не доносятся вести».
С твоих берегов не доносятся вести?
Какие уж тут, у ручья, берега...

Тоска

Когда я впервые увидел тебя,
ты была как все,
как золотистый пшеничный стебелек в снопе.
В снопе все стебельки одинаковы,
они даже красивы общей красотой.
Но судьба у них была разная —
одних готовили для счастливой жизни,
их будущим была выставка.

(Чтобы не ошибиться, пригласили специалиста,
Его звали Микроскоп.
Он профессионально все преувеличивал,
но считался беспристрастным.
Ему доверяли...)

Остальных, которым не повезло,
пытались снова собрать в сноп.
Не получилось.
Многие оказались сломанными.
Просыпанные на полу зерна
вымели на улицу.
Считалось, что они уже не нужны.
Потом оказалось, что ошиблись —
проросло то, что выбросили...

Мои глаза меня подвели —
они видели только то, что видели,
и я прошел мимо тебя.
Но это была неправда —
мимо меня прошла ты.

Ты проросла в другом сердце,
в моем же поселилась тоска.

Тоска — это то, что остается,
когда уходит любовь.

Тоска — это воспоминание о том,
чего не было.

Или это любовь, которая оставила после себя
пустоту.

Чтобы это понять, надо было прожить жизнь.

Теперь я знаю точно, что такое тоска:

надо открыть словарь на букву Т.

Тоска — это ты.

Ее назвали твоим именем.

Любимая уходит...
Не могу
остановить
естественной развязки.
Ведь это только
в старой
доброй сказке
цветы
вдруг расцветают
на снегу,

ведь это только
в песенных строках
живут разлука и любовь,
как сестры...

Уходит мир —
и радостный
и пестрый,
и горечь
проступает
на губах.

Уходит мир —
и никаких надежд...
Я не кричу.
Кто голос мой
услышит?

С тоской смотрю,
как тает снег
на крышах,
еще вчера
надежен,
крепок,
свеж...

Письмо

Как жаром с головы до ног окатит,
когда письмо...
Не надо ничего!
И целой ночи, знаю я, не хватит,
чтоб прочитав как следует его.
(Проделано все мною многократно:
вот вскрыл конверт,
вот заглянул в нутро,
текст расщепил,
как расщепляют атом,
чтоб обнаружить истины ядро...)
Пришло письмо.
Косой знакомый почерк.
Слова — как ветром спутана трава.
Я не читал.
Я слушал многоточья —
не сказанные вслух еще слова.

Гороскоп

Прости, что я
опять завел тебя
в чужую ночь.
Она как лес дремучий!

И вот уже бросает
взгляд колючий
на нас с тобой
Медведица-судьба.
И под прицелом
хмурого Стрельца —
что сторожит он
столь неукротимо? —
вдруг сходят краски
с твоего лица,
сползают с моего
остатки грима...

С насмешкой наблюдают
Близнецы,
как, спотыкаясь,
мы в потемках бродим,
где сходства нет,
там сходство мы находим
и счастливы.
Да ждут уже Весы...

Прости меня.
Коварен Млечный Путь!
Весы не врут,
Нет, не сравнялись чаши,
как день сегодняшний
и день вчерашний,
две наши жизни
не сошлись чуть-чуть...

Я говорю:
Освоен материк.
Покой не нужен —
места нет для странствий.
И время,
покоренное пространством,
уже, как прежде,
не торопит миг.

...Ты говоришь:
Тоски бесстрастен лик —
не подружиться с ней
и не расстаться,
и легче нам
влюбленными казаться,
чем уколоться
о призывный крик.

...Я говорю:
Совсем другой язык
теперь у нас,
и все в словах иное,
и даже зелье
выдохлось хмельное.
Но не сужу
и не ищущу улик.

Я говорю...
Ты говоришь...
Потом —
ты говоришь,
и я.
Все, как в начале.

И дело в том,
что вовсе не о том
мы говорим,
уж лучше бы
молчали.

Луна к стеклу прильнула белой птицей,
качнулась ветка, сердце холодя,
по клавишам остывшей черепицы
скользнули пальцы летнего дождя.

Лишь миг один — и сосны отзовутся
натянутыми струнами стволов...
В такую ночь приходят, чтоб вернуться,
и все понять, и все простить без слов.

В такую ночь не только мне не спится,
о, сколько нас в такую ночь без сна,
хотя на крышах просто черепица,
и просто дождь, и просто тишина.

Мы побывали в сказке той,
где ни конца нет, ни начала,
и ночь нас радостно встречала
своей звенящей тишиной,

своей загадочной тропой,
что под ногами исчезала...
Она, как сводница, вязала
мою судьбу с твоей судьбой,

манила странную звездой,
зажженной впереди, над нами —
чуть-чуть — дотронешься руками,
чуть-чуть — коснешься головой,
и обернется снег травой...

Чуть-чуть...

О как неосторожно
поверить в то, что все возможно
в лесу, где пахнет синевой,
где все залито тишиной,
где все концы и все начала
злорадно ночь перемешала...

Мы побывали в сказке той.

Родничок

Суэта не претит природе,
На решенья она быстра.
Обнаружила при обходе
Солнцем выжженные места.

Огорчилась и тут же, с ходу,
Остудила слегка песок
И на случай на всякий воду
Припасла — вдруг да выйдет прок.

Так, безрадостная любезность,
И не помнит уже сама...
Гениальная бесполезность —
Ну, не горе ли от ума?

Солнце жарит нещадно, словно
Собралось расплавлять песок.
Из живого всего — лишь сонный,
В полстакана тот родничок.

Бесполезный...
Но вот однажды
Человек приползет сюда...
Умиравшему от жажды
Как подарок судьбы — вода!

Будет так ли?
В какие сроки?
Что природе до них?
Щедра!
И мы знаем — ее уроки
В нерасчетливости
Добра.

Мастерская

Была природа вовсе не робка!
И наугад, и наспех, а понятно,
что был резон ей начинать с лубка,
разбрасывая красочные пятна.

Затем испробовать полутона —
притушены все краски и разлиты,
да так, что след теряется пятна,
вот облака, они как будто слиты,
в отдельности их вроде бы и нет,
но где размыв, там отливает сизым...

Так на стекле морозном тает снег,
едва лишь губы мы к стеклу приблизим.

Потом настал черед карандаша,
чтобы штрихами легкими, как перья,
оконтурить ветвистые деревья
и выписать детали не спеша...

И вот стоит береза в небесах,
ажурная, вся в опушенье снежном —
как отпечаток молнии в глазах,
когда мы веки в ослепленье смежим.

О да, природа вовсе не робка
и не скупа, коль каждое творенье
она готовит как бы на века,
хотя и жить ему одно мгновенье...

Нет, не пустынно небо, не пустынно,
течет рекой — ни дна, ни берегов,
и облака развешаны простынно,
полощутся на бечеве ветров.

Прозрачны дали. Розово-рассветно.
Вороний гвалт звучит невдалеке.
Деревья расступаются приветно —
гнездо в ветвях, как шапка в кулаке.

Я в лес вхожу знакомою тропинкой
и шепот слышу каждого листа...
Лица коснулись нежно паутинки,
как будто пальцы мудрого слепца.

Не в первый раз к тебе я возвращаюсь
и, uznанный, стремлюсь уйти опять...
Как просто говорить «Я не прощаюсь»
тому, кто ждать умеет и прощать.

Только день предложили мне выбрать из множества дней
И сказали: прожить его можно полней и честней.
Мне кричат: выбирай этот день поскорей,
Ты — хозяин судьбы, так не мешкай теперь!

Я стою, словно в руки вложили мне ключ от дверей
Да забыли сказать, где находится дверь...

Словно вдруг наступив на свою потускневшую тень,
Я в ладонях несу мне подаренный завтрашний день.
Он, как плод, начинен семенами минут,
Только тронь, он рассыплется вмиг, и они прорастут.
И в чашобе годов затеряется эта тропа,
По которой шагал я к себе, уходя от себя,

Чтоб однажды сказать, заключая отмеренный срок:
«Мог бы снова, но лучше, пожалуй, не смог,
Каждый день исчерпал я до самого дна —
Так ростки, поднимаясь, вбирают в себя семена».

Нам не дано вернуться вновь к началу,
в ту глубь свою, чтоб там найти, в глуби,
и гавани, и старые причалы,
и корабли, конечно, корабли,

чтоб разглядеть, предусмотреть потери
и все сберечь, чтоб после не искать,
очаг хранить, как водится, но двери,
как тот дурак, с собою не таскать,

чтоб рассчитать грядущие мгновенья
и скупко тратить, но не стать скупцом,
жить, как мечталось, и не знать сомненья,
что лучше — в лужу сесть иль в грязь — лицом?

Да, не дано, никак нельзя, но все же
я разглядел однажды в той глуби,
как мальчик, странно на меня похожий,
бумажные пускает корабли.

А я брожу по улицам,
шепчу себе стихи.
Толпа вокруг, но улицы
загадочно тихи.

Разматываю дум своих
запутанный клубок,
и тень моя неверная
все крутится у ног.

То убежит стремительно —
и взглядом не достать,
то под каблук уляжется —
как хочет танцевать,

то рядом, благочинная,
идет — не подступись!
То под колеса транспорта
свою бросает жизнь...

А я брожу по улицам,
шепчу себе стихи.
Толпа вокруг,
но улицы по-прежнему тихи.

Что из того, что тень моя
теряется в толпе?
Вернется, безотвязная,
как думы о тебе.

Ты первая сказала —
мы не те,
как будто вдруг
открыла мир
подобий.
Ты — добрая, я знаю.
Я недобрый.
Блуждаю, как и прежде,
в темноте.

Блуждаю, как и прежде, в темноте,
где все привычно —
старые пороги,
смешные боги,
лживые пророки...
Я не боюсь признаться
в слепоте.

Я не боюсь
признаться
в слепоте,
чтоб не смотреть,
как ты проходишь
мимо,
чтоб не сказать,
как ты,
невозвратно,
что мы не те,
давно уже не те.

Как дерево осеннее...

Листва

Уже слетела — громоздится кучей,
А счастлива, как будто стало лучше,
Что все давно уж сказаны слова.

Как дерево осеннее...

Едва

Лишь протянула к небу ветви-руки,
Все отошло — и встречи, и разлуки...
Кому нужна опавшая листва?

Как дерево осеннее...

Жива

Предощущеньем нового расцвета,
И если кто-то загрустит при этом,
Так это все
слова,
слова,
слова...

Я верю — переживается,
что потерял — отыщется.
Само собою сложится,
само собою вычтется.
Само собою станется,
по полочкам уложится.
Что каждому достанется,
то сразу перемножится.
И до далекой старости
куда-то вдруг не денется —
удвоенные радости
напополам не делятся.

МГНОВЕНИЯ

Начало

На одном топчусь я месте —
Не дается мне начало.
Что ни делал я — молчало,
И сейчас молчит, хоть тресни!

Лист бумаги — край причала...
Зацепил начало тросом —
Изгибается вопросом,
Не ломаясь.
Нет начала!

От усталости качало...
Падал я. Вставал — и снова.
Поддалось слегка начало,
Показался корень —
слово...

Нужная капля

Да, о любви все сказано, увы,
но только что ей от того, любви,
не признает подобий и родства,
Присваивает все себе слова.

Не знает почка, ждущая дождей,
какая капля ей всего нужней.

Взгляд

В вагон вошел и бросил взгляд
я вдоль вагона, как обычно,
но, обежав его, назад
взгляд не вернулся.
Неприлично
к девчонке привязался вдруг —
и хорошо еще, без рук! —
приник к девчачьей голове...
Как птица в спутанной траве,
в ее прическе он метался.
И вот сошел я,
взгляд — остался.
Поехал по маршруту взгляд
на двадцать с лишним лет назад...

Однажды в Доме отдыха «Елочка»

А было так:
был поздний вечер,
и мы, сидящие вдвоем,
смотрели, как сгорали свечи
над полупраздничным столом,

и где-то музыка играла,
но что нам музыка, когда
душа уже не танцевала,
как разучилась навсегда.

Сидим.
Свое перебираем.
Беседы прихотлива нить.
Нам хорошо.
Мы не скучаем,
нам есть о чем поговорить.

И вдруг...
О, сказочное слово,
затертое...
Где взять новей?
Она
в дверях возникла,
словно
и вовсе не было дверей.

Она вошла.
Она взглянула
и словно легким ветерком
по нашей комнате скользнула,
задела каждого тайком.

Принцесса?
Фея?
Что сравненья?
Пожалуй, лучшая из фраз —
«как мимолетное виденье...» —
и та придумана до нас.

И вот уж нет ее.
Как будто
вдруг растворилась в пустоте.
Как будто кто-то спрятал утро —
едва блеснуло — в темноте.

Была иль нет?
Тихи и строги,
Молчим вдвоем порой ночной...
Какие странные дороги
нас сводят с юностью чужой!

Мы фею сказке возвращаем.
Все понимаем.
Только жаль,
Что мы так тонко понимаем
Свою нескромную печаль.

ИРОНИЧЕСКИЕ СТИХИ

Неземная цивилизация подавала радиосигналы.
Расшифровать их никак не удавалось.
— Что они там бормочут? — сердились астрономы.

Организовали научную конференцию.
Кто-то доказал, что они бормочут на языке,
похожем на язык одного африканского племени.

Срочно была снаряжена экспедиция в Африку.
Через пять лет она вернулась с триумфом,
доказав, что этот язык надо искать не там.

Организовали научную конференцию.
Кто-то доказал, что надо посылать новую экспедицию.
Через пять лет она вернулась с триумфом,
доказав, что такого языка не существует вообще.

Организовали научную конференцию.
И ученые, наконец, сошлись во мнении,
что в этой части Галактики разум искать бесперспективно.

Неземная цивилизация продолжала посылать радиосигналы,
но они уже никого не интересовали.
— Ничего, скоро им это надоест, — предсказали астрономы
и оказались, конечно, правы.

Носком сапога он разворошил муравейник
и стоял, и смотрел, как суетятся муравьи,
спасая свой дом и свое добро.

«Сколько бессмысленных движений! — думал он. —
Какая суматоха вокруг жалких высохших иголок...»

Он раздавил наглого муравья,
вцепившегося ему в ногу через прореху в кармане,
машинально, даже не видя его.

Он не испытывал к муравьям ни любви, ни ненависти.
Ему было просто скучно,
к тому же он никак не мог найти нужного решения
одной очень сложной алгебраической задачи...

Когда через несколько дней рядом с ним упало дерево
и он едва увернулся от тяжелого ствола,
ему показалось, что он видел носок огромного сапога,
мелькнувшего в облаках...

Вернувшись на дачу, он закрылся в своем кабинете
и высчитал, что вероятность попадания дерева в него
была настолько же мала, насколько вероятно
наличие физического сапога в облаках...

Он не был суеверным, этот человек,
но расчеты были сделаны настолько безукоризненно,
что он тут же продал дачу и сменил фамилию...

Блажен, кто верит — будет возвращенье!
Так проще жить и легче умирать.
Но для меня совсем не утешенье
знать, что травой могу, вернувшись, стать,

чтобы под ветром безмятежно гнуться
и, распластавшись, под дождем лежать.
И зеленеть.
И только вверх тянуться.
Косу любить.
Копытам не мешать.

Не откликаться на призывы ближних.
Врагов бояться...
Нет, я не хочу!
Тогда уж лучше стать,
Как тот булыжник,
который — враг
хотя бы...
кирпичу.

Невесте он подарил:
себя,
квартиру,
мебельный гарнитур,
шубу,
дубленку,
сберкнижку,
маленькую болонку —

злую, как ведьма,
но с бантом,
а также:
кольцо с бриллиантом,
фарфор на 12 персон —
хрупкий, как сон,
домашний адрес парикмахера
модного салона «Орион»
и телефон
кассира Большого театра.
Словом,
дом — полная чаша,
нет только птичьего молока,
и то — пока!
— А ты меня любишь? — спросила наивно.
Даже обидно.
И он, конечно, обиделся.
Все, что имел, чем богат, отдал ей.
Все ей мало.

История ведет себя престранно —
как понимаем, вовсе не со зла:
открыла двери прежде для осла
И лишь потом впустила Буридана.

И вот пока обиженный схоластик
выстраивал логически канву,
осел, который от рожденья практик,
кивал согласно и щипал траву.

Нет воли, что свободнее рассудка?
Возможно... Да...
Пожалуй... Очень жаль...
Он исходил, конечно, от желудка,
отсюда же и выводил мораль.

Смысл жизни видел он в хорошем корме
и, слушая, как логик рассуждал,
вдруг вывел сам одну из антиномий:
поесть любил и вечно голодал.

Так продолжалась мирная беседа.
Смолчал осел — хвала ему и честь! —
Как мучился меж двух охапок сена —
ну, хоть убей, а не хотелось есть.

Редчайший случай, видимо...
Неважно!
Эксперимент стал сразу знаменит:
он доказал теорию, а также,
какую роль сыграл в ней аппетит...

Незаезженная дорога
и не посуху, и не вброд —
словно крестик на шее бога —
самолет.

Сотня душ в нем.
Прижаты к креслам —
не вздохнуть! —
ременным гужом...
Ангел в облике стюардессы
в нас вливает нектар-боржом.

А под нами,
под тонким днищем —
тоньше
разве что береста! —
отставая,
тревожно дышит
покоренная высота.

Только что нам?
Сидим спокойно,
словно грифель
в карандаше,
и чем пропасть
внизу бездонней,
тем спокойнее
на душе.

Святая простота

Неправый и жестокий суд.
Судьбы суровая десница
Над тем, кого сейчас сожгут,
Над теми, кто вокруг теснится.

И любопытствующий сброд,
Что жаждет смертного исхода —
Толпа.
Она лишь тень народа,
Похожа только на народ.

О том ли речь?
Что для толпы
Чужая боль, чужие муки?..
Увидел Гус —
Тянулись руки
К нему совсем не для мольбы,
Не состраданья знак —
Судьбы
Был перст
Насмешлив откровенно,
Когда, смиренна и согбенна,
Старушка вышла из толпы,
Чтоб подложить в костер полено.

О чем подумал он тогда,
Сказав: «Святая простота!»
И почему простил старуху —
Великодушье, крепость духа?
Историки наморщат лбы
И скажут —
Факт второстепенный.

Не будем спорить —
Верно, пыль
На свитках времени.
Ведь были,
Увы, и пострашнее были,
Но вспомнил я
Вот эту быль.

Ломают строгий строй вещей
История неоднократно:
Герой идет через парадный,
Злодеи — лезут через щель...

...Высок и прочен пьедестал.
Герой суровый и надменный,
Здесь, на виду у всей вселенной,
А рядом, с ликом неизменным,
Робка, смиренна и согбенна —
Румянец слабый от костра —
Старушка топчется с поленом,
И впрямь — святая простота!

АТЛАНТ И ГЕРАКЛ

(Переложение мифа)

...Атлант дремал.
Он разучился спать.
Да как уснуть,
когда давил на плечи
край небосвода,
пригибал к земле,
и солнце жгло нещадно,
пот ручьями
тек по лицу...

Так миллионы лет
стоял он здесь,
наказанный богами,
приговоренный к вечности титан.

Что время для того,
кто время не считает?

Смешные боги!
Знали бы они,
когда его на муку обрекали,
что смысл существования своего
он обретет, поддерживая небо.

Бессмертье утомительно, когда
ты ни большим, ни малым не рискуешь,
не значат ничего ошибки,
защищен ты от всего —
от смерти защищен
но и от жизни тоже отгорожен.
Становится привычной даже боль,
когда она, как тяжесть, постоянна

и длится вечно.
Мука та страшна,
которая внезапна и недлинна —
к исходу ночи так крепчает стужа...

Он ждал героя.
Знал, что тот придет,
и знал — когда,
и что потом случится...
Когда же тот явился, наконец,
и встал пред ним, загородив плечами
теряющийся в дымке горизонт,
титан сказал себе: «Права молва!
Могуч герой, такому все под силу».

— Что от меня потребуешь, Атлант? —
спросил Геракл. — Что должен буду сделать
я для тебя и дочерей твоих?

— Что может сделать смертный для меня,
стоящего давно уже над жизнью?
Ну, разве рассказать о подвигах своих? —
сказал титан уклончиво. — Я знаю,
что десять их — так донесла молва...

— Что ж, — выслушав, сказал он, — есть резон
считать тебя воистину героем,
хотя и мог ты сделать и поболее...

— Я жизнью рисковал! — вспыхнул Геракл, —
и не тебе судить, когда не можешь —
бессмертные не знают цену жизни!

— Ты так считаешь?
Хорошо, пусть так,
а что ты, смертный, знаешь о бессмертье?

Геракл лишь усмехнулся горделиво:
сын бога — знал и знал, что знал титан,
какая кровь в его струилась жилах...

— Не будем спорить, — согласился он,
в себе свой гнев внезапный укрощая. —
Скажи, какую плату ты возьмешь
за яблоки священные. Готов я
сделать все! Мне яблоки нужны,
чтоб выполнить заданье Еврисфея.

— Что взять с тебя? Вот руки затекли, —
сказал титан, скрывая блеск в глазах, —
но небосвод тяжел, по силам ли тебе
мне сделать небольшое одолжение?

Могуч герой — не видел свет таких,
но и его согнул тот небосвод,
что невесомой чашею казался,
и в землю вбил по самые колени...
Он застонал от страшного усилия,
хотя оно всего мгновенье длилось...

Как вечность вдруг к его плечам приникла
и в сердце заглянула, опалив.

Но рядом был титан — плечо подставил
и засмеялся: — Как он, наш эфир?
Тяжеловат, не правда ль, на поверку?
Вот таково оно, бессмертье,
всего и только — в ощущение неба,
которое богам принадлежит,
а на моих покоится плечах
и от меня зависит...
Боги слепы!
То отдают, что им нужно самим.
За что боролся, то и получил,
и по плечу, как видишь, оказалось!
А кстати, почему о подвиге седьмом
ты умолчал? Единственный из всех,
который показал, чего ты стоишь...

Геракл отвел в смущении глаза —
в навозе перемазался изрядно
он, расчищая грязные конюшни,
и потому рассказом обошел...

— А зря, — сказал титан, читая мысли. —
Когда б не этот подвиг, не решился б
тебя трудом бессмертным испытать!

*Миф об одиннадцатом подвиге Геракла смутен.
Легенда много раз переделывалась.
Считалось, что герой держал небо,
пока титан ходил за яблоками.
Предполагалось даже, что титан хотел его надуть,
оставив держать небосвод вечно.
Но это была неправда.
Сам Геракл понимал, что ноша ему не по плечу,
и титан это знал не хуже.
Да и что бы тогда делал Атлант,
отдав герою то, что стало смыслом его жизни?
Ведь небосвод на своих плечах
мог держать только бессмертный.
Удел же смертных — подвиги.*

«ЗВЕЗДА НА СЕГУ»



Есть заповедная страна,
Никто не знает, где она,
Но кто и верил, и любил
В нее дорогу находил,

Туда, в тот тайный уголок,
Где ни тропинок, ни дорог,
Где красота вокруг ничья
И две любви, как два ручья.

Есть заповедная страна,
Как заколдована она,
Но кто надеялся и ждал,
Ее давно расколдовал,

Он видел уголок такой,
Где родники с живой водой,
Нет ни разлуки, ни тоски,
И две любви, как две реки.

Есть заповедная страна,
В которой вечная весна,
Где даль прозрачна и светла
И две любви, как два крыла.

Загадай желанье сокровенное,
в эту ночь мне чудо по плечу,
хочешь, я вокруг тебя Вселенную
каруселью звездной заверчу?

Пожелай, и это поле снежное
я в цветник весенний превращу,
отвратить сумею неизбежное,
то, что потеряла, отыщу.

Загадай. Исполню все до малости,
только об одном тебя прошу:
Не грусти — пока со мной, — пожалуйста,
я потом сторицей отгущу.

Ожидание

Утро в окно заглядывает.
Звуки, как бисер, нижутся.
Что-то звонок запаздывает,
Что-то стихи не пишутся.

Солнце в окно заглядывает.
Тени плывут, колышутся.
Что-то письмо запаздывает,
Что-то стихи не пишутся.

Вечер в окно заглядывает.
Грустная песня слышится.
Все, что я жду, запаздывает,
Все, что пишу, не пишется.

Звезды в окно заглядывают —
Как, мол, тебе тут дышится?
Да так, говорю, запаздывают,
Да так, говорю, не пишется.

Мадонна

Так случилось.
Сама Мадонна
Вдруг спустилась ко мне с холста.
Опрокинутые ладони —
Словно ивовых два листа.

Ах, какие глаза!
Немею —
Холодна и, как снег, чиста...
На колени встать перед нею
Или прыгнуть сейчас с моста,

Как когда-то, в былые годы?
Я в растерянности мечусь.
Жаль, что вышла давно из моды
Обнаженность такая чувств.

Вот слова... В них мое спасенье! —
Как-никак ремесло мое.
Я — изысканнейшие сравнения
Бескорыстно! К ногам! Ее!

Даже слушать не захотела,
Усмехнулась, кивнув едва:
«Три столетия пролетело,
А все те же, увы, слова...»

И моргнуть не успел — исчезла.
И с немеркнувшего холста
Вновь над миром моим железным
Недоступная красота

Замерцала.
И вновь Мадонна

И таинственна, и грустна...
Опрокинутые ладони —
Листья с ивового куста.

Размышляю о том неспешно:
«Набежала здесь неспроста
Человеческая усмешка
На божественные уста».

Что гадать? Знать, была причина —
Не какой-нибудь там пустяк! —
И художник не бог — мужчина,
Тоже, может, сказал не так...

В обидах весь —
как снегом занесло.
Не разгрестись,
но стыдно звать
на помощь.
Когда добро
нерасторопно,
в полночь
его, наверно,
подменяет
зло.

И вот уже
в обличии другом —
улыбчиво,
уступчиво,
влекуще —
о времени,
таком быстротекущем,
нашептывает нежным голоском,
и утешает, и всю сулит
исполнить все,
о чем ни помечтаешь.

Как не поверить?
В облаках витаешь —
а, может быть, и вправду
одарит?

Лукаво зло.
Нешадно оберет
и вывернет всю душу
наизнанку,

и все-таки, проснувшись
спозаранку,
ты не ему —
добру предъявишь
счет.

И ведь оплатит —
будто и должно.
Не упрекнет
ни словом и ни взглядом.
Уж так оно устроено,
добро, —
не помнит зла,
которое с ним рядом.

...В обидах весь —
как снегом занесло.
Не разгрестись.
Грядет другая полночь.
Лишь позови —
придет добро
на помощь...
Незваное —
всегда
к услугам
зло.

На выставке картин сюрр

...Мне в этом мире перевернутом,
воображеньем перекошенном,
все кажется таким заброшенным,
все кажется таким нетронутым,

все кажется таким рискованным,
что ощущаю с тихой робостью
себя в том мире нарисованном,
как будто над глубокой пропастью.

Вот так, наверно, в страшном искусе,
на шаг уйдя от поражения,
познаешь горечь в жизни привкусе
и смерти знак в чужом рождении.

Именины

Запахло в доме вновь ванильным,
А именинница была
Вся в белоснежно-именинном
И шаловливо весела.

Она смеялась и рыжела,
Огнем охваченная вдруг,
И на глазах так хорошела,
Что было жаль ее подруг.

То разбежится по паркету,
То вскочит разом на тахту...
И гости ей несли букеты,
Целуя в щечку на лету.

Здесь были чопорные калы,
Нарциссов нежные опалы,
Гвоздик рубиновых заря
И роз таинственных свеченье...
И потому совсем не зря
Был извлечен из недр священных
Набор бесценный хрусталя.

И вот, когда за стол расселись
И самый старший поднял тост,
Пришел некстати некий Сеня,
Незванный и нежданный гость.

Он был нескладный, угловатый,
Каким и должен быть сосед,
Который бедный свой букет
Нес в дом счастливый и богатый.

Не ландыши и не фиалки,
А так, какой-то разноцвет,
Которому названья нет —
Из дальней той, заветной балки.

«О, боже мой, он прелесть, Майя! —
Сказала мама, чуть играя, —
Как пахнут степью эти травы,
Я все уже забыла, право,
А вы, случайно, не поэт?»

Тут Майя вставила лукаво:
— Ну что ты, мама, он — сосед,
Хороший мальчик, добрый Сеня,
Он обещал мне много лет
Букет собрать степной, осенний,
И вот пожалуйста — букет!

Ну что стоишь?
Уж коль пришел,
Садись, где нравится, за стол,
И я прошу, не будь овечкой...
И Сеня сел — нашлось местечко.

Ах, Сеня, мой наивный брат!
Я сам таким же был когда-то —
Ни перед кем не виноват,
А все же в чем-то виноватый,

Сидел, не поднимая глаз,
И было жарко, как в парилке,
И мне, как вот тебе сейчас,
Забудут нож подать и вилку,

И так же будут иногда
Толкать локтем в бока небрежно...
Я это пережил тогда,
И ты переживешь, конечно.

Ах, Сеня, кто из нас мудрей?
Цветы я вез из южной дали,
Но свой букет в поре той давней
Нашел я в мусорном ведре...

А вечер удался на славу,
Скучать здесь было недосуг,
Ведь именинницу, как паву,
Вводили в танцевальный круг
Поочередно кавалеры,
И все, обласканы сполна,
Ушли, не мешкая у двери,
Когда настало время сна.

И, проводив гостей, устало
Гадала мама, кто принес
Вот эти царственные калы,
А кто букет из пышных роз...

Как будто снимок моментальный
Искусно сделала луна:
Цветы мерцают у окна,
Теснясь в раю своем хрустальном...

Девчонка спит, утомлена,
Цветут вовсю в ее ладошке
Те неказистые цветочки...

Как сладко спится в тишине,
Как сладко плачется во сне!

Как хотелось нам, так не спелось —
Хоть бери на прокат орган.
Взбунтовалась внезапно зрелость,
Сквозняком пройдя по ногам.

И за душу взялась нарочно,
Да встряхнула ее, как вещь —
Дескать, разве в такой непрочной
Можно что-нибудь уберечь?

Дотащить до такой далищи,
И еще ни пылинки чтоб?

.....

Ну-ка, зрелость,
Давай поищем
Детством
Вытопанный
Сугроб!

До чего ты жестока,
Зрелость,
То болтаешь,
А то — молчок.
Захотела, чтоб скрипке пелось,
Струны вырвав,
Сломав смычок?

Ты же знаешь —
Не то бывало.
Было зеркало,
Глядь — стекло...
Словно в сказке —
В рот не попало,
По усам зато протекло.

Элегическое

С чем сравнить мне тебя?
Вот, к примеру, весенний росток.
Вот расцвел на заснеженном поле,
Как чудо, цветок.

Вот ручей —
Серебристою лентой срывается с круч.
Вот береза.
Вот солнечный вырвался луч из-за туч...

Нет, не то.
Это все, говорят, уже было не раз
У поэтов других.
Заштампованы тысячи фраз.

Ну да ладно,
Бог с ними.
Ни их, ни себя не виню.
И со мною бывает —
На тропку чужую сверну,

И хоть знаю, наивный,
Что именно здесь — толчея,
Все же лезу — а как же?! —
Ведь эта береза — ничья?

Паутинка снежинкою летней
В заснувшем лесу?
Синий звон стрекозы,
Уронившей с травинки росу?

Все — ничье.
Я беру,

И другие отсюда ж берут.
Обещают сторицей вернуть.
Только разве вернут?

О, природа щедра!
Столько красок — бери по душе.
Многовато нас, видно.
На всех не хватает уже.

...Ты, любимая, мера всего.
Этим чувством живу.
То, что вижу вокруг,
Чем владею —
Во сне, наяву —
Проверяю тобой.
По тебе ли я взял высоту?

Говорят — красота,
Примеряю к тебе красоту.
Утверждают, что чудо, —
Ревниво смотрю на тебя.
На судьбу намекают —
Зачем мне иная судьба?
Если боль...
Что она мне
В сравнении с болью твоей?

Ты, любимая, мера всего —
И вещей, и людей,
И того, что во мне,
И того, что я вижу окрест.
Ты — мой жребий счастливый
И мой искупительный крест.

Не сравнима ни с чем.
Что, природа, подсказки твои?
Не учусь я любить.
Научиться бы петь о любви

Так, как чувствую я,
Как другому уже не суметь.

Вот пропеть бы,
И все.
И согласен потом
Умереть.

Словно создана для показа!
Черный локон у черных глаз...
Я сравнил бы их блеск с алмазом,
Если черный где есть алмаз.

И хитра до чего ж, плутовка, —
Вот взглянула как будто вскользь,
А тебе и вздохнуть неловко,
Словно высвечен ты насквозь,

Словно все, что сказать надумал,
Ей известно давно уже.
Но я, к счастью, из тугодумов —
Мне молчание по душе.

Ну, сидим, ну, молчим о разном
За богатым, большим столом.
Это что же, скажи, за праздник,
Если он пополам с грехом?

Если шутки лихие мимо? —
Хлам какой-то, словесный бой,
И застолье, как пантомима,
Что разыгрывается судьбой?

И такая еще вот штука:
Муж красавицы, чуть хмельной,
Вроде занят, а сам вполуха
И вполглаза следит за мной.

И оставил бы драгоценность
Без присмотра, да ведь сопрут!
Знает случаю, видно, цену,
Сам украл бы — чего уж тут!

И не выдержал — смерил взглядом,
Настороженным, как прицел:
Дескать, искры летают рядом,
Как бы кто-нибудь не сгорел...

Я не спорю с тобой, дружище.
Прав, конечно, не я, а ты.
Пахнут будущим пепелищем
Даже праведные костры.

Сколько видел красивых — тыщи!
Несть числа им, и что за счет?
Не красивых — любимых ищем,
А находим — наоборот.

И в своих побужденьях добрых —
Бог ты мой — до чего слепы!
Чаще путаемся в подобьях,
Топчем собственные следы.

И уходим от той, с которой
И на радость, и на беду...

Ну, да это все разговоры!
Тост за женщин.
За красоту!

Ах, слова,
до чего ж легки!
Соглашаюсь,
с поэтом споря:
люди — реки?
Да,
две реки,
что впадают
в два
разных
моря.

Двое
встретились —
разошлись,
хоть причины нет
для раскола.
И вот то,
что для них —
жизнь,
для других —
просто
два
глагола.

Ну а черточка —
это как?
Не разъяла —
соединила!

В общем —
мелочь.
Ничто.

Пустяк.
Жизнь,
которую
прищемило.

Вдруг день померк,
и мы
бочком
из леса —
так не мило!
А ведь
всего-то
облачком
нам
солнце
затенило.

Случайное сравнение
и все же
пригодилось:
всего
одно
мгновение,
а нет
любви —
разбилась!

И от чего?
Ни от чего! —
Вдруг стало все
не мило,
зажмурилась
на миг всего
и не туда
ступила...

Что из того, что было,
Если важней, что станет.
Коль уплыло — уплыло,
Ну, а плывет — пристанет.

К берегу ли, к причалам,
К лодкам чужим, случайным...
Знаю — мои начала
Ткутся из окончаний

Нитей, что размотала
Жизнь — как клубок из буден.
Что из того — бывало,
Если важней, что будет?

Ты ли наобещала,
Я ли?
Не в этом дело.
Важно, что есть начала,
Важно, что нет предела.

Все, что кончается, то кончится,
В том нет, увы, ничьей вины,
И будет снова одиночество
Прясть паутинку тишины...

Но может быть иным пророчество,
Ведь что ты там ни говори,
А входит в сердце одиночество,
Как в гавань входят корабли.

И в жизни нашей нескончаемой
Случится так — каким-то днем
Ты вдруг в меня влывешь отчаянно
Вслед за последним кораблем.

Ну, вот и все.
Мы подошли к черте
и соблюдаем
правила приличья:
— Пиши...
— Пиши...
Существенно ль различье?
А ведь слова
и те же,
и не те.

Еще тепло руки хранит рука,
в глазах еще не смыто отраженье,
но мы уже
признали поражение —
совсем простившись —
мысленно пока.

Отпущенный нам миг не пережив
так, как могли когда-то, как умели,
и вдруг здесь, у черты, разбогатели,
разлуке то мгновенье подарив?!

Когда-нибудь,
когда-нибудь,
когда
нас навестят бесплодные сомненья,
мы о мгновенье вспомним том —
мгновенье,
которое разводит навсегда.

Читая Экзюпери

Это было давно. Но случилось же — встретились люди,
Словно два мотылька над неярко горящей свечой...
Где ж вы были тогда, беспристрастные грозные судьи?
Чем сегодня платить? У меня ни гроша за душой.

Ничего не осталось, давно уже все растащили.
И душа, хоть на месте, а кажется, будто в бегах.
Так уж в мире ведется — по совести вроде бы жили
И грешили чуть-чуть, а по горло завязли в грехах.

Забывается все — и слова, и знакомые лица.
Узнаешь, а читаешь, как будто с пустого листа.
И уходит любовь с беспощадной улыбкою принца,
Плачет лис прирученный, не пряча от судей лица.

Нет, не так. Это было, и я не виню в том кого-то —
Было с нами такое. И будет с другими не раз.
И откроется истина нам, как открылась однажды пилоту:
«Хорошо видишь сердцем, ведь главное скрыто от глаз...»

ЗВЕЗДА НА СНЕГУ*(Романтическое повествование)*

Мы в детстве все
Декарты и Спинозы —
Не под ноги лишь смотрим,
Но на звезды.
Так мы росли,
И так растут сейчас,
Когда все внове
И привычно вроде,
Как будто все,
Что только есть в природе,
Возникло вместе с нами
И для нас,

Как будто и закаты, и рассветы.
Лишь потому,
Что родились поэты,
И есть, конечно,
Показать кому
И синий лес,
И красный луг.
Озерце,
В котором тает
Круглой льдинкой солнце,
Как снег идет, и дождь...
Все потому.

Все потому,
Что детство всемогуще,
Нет, не гадают
На кофейной гуще,
Не ворожат на картах —
Ни к чему.

Живет себе и знает:
У Вселенной
Есть уголок какой-то
Сокровенный,
И тропка есть,
Ведущая к нему.

Что там увидишь,
В далях необъятных,
Где и созвездья —
Лишь большие пятна,
Но видит детство что-то
И сквозь тьму.
Романтики,
Поэты,
Звездочеты —
У них и с временем
Иные счеты —
Как жизнь — мгновение.
Все потому.

Вот мой герой —
Мальчишка поселковый.
Не вундеркинд, конечно,
Но толковый,
И Шкетом прозван
Вовсе не со зла.
Случилось так,
Что вылетело слово,
Над ним повисло и прилипло.
Словно
Мать при рожденье
Шкетом назвала.

В том детском царстве
Слыл он звездочетом,

А это значит,
Что по всем расчетам
Был среди тех,
Кто вроде б поглупей...
Не любят в детстве слабых,
Как и, впрочем,
Не любят тех,
Кто задается очень
Ученостью иль силою своей.
Но если ты по рангу воробей,
Будь воробьем.
Орлом летать не смей.

...Круты ступени жизни и пороги.
Но разве выбираем мы дороги? —
Через ступеньки
Прыгаем подчас!
На синяки и шишки
Счет особый,
А потому и детство
Разной пробы
У всех у нас,
У каждого из нас.

Одни росли,
Как будто пальмы в кадке,
Другие — как грибы в лесопосадке,
Такой уж выпал случай —
Родились,
И самым близким
Поначалу в тягость,
И дальним тоже
Не в большую радость.
А ничего.
Привыкли.
Поднялись.

И в подворотнях,
На глухих задворках
Входили в силу
От плодов тех горьких,
Что здесь росли.
Играли, но была
Игра игрой,
Неравенство плодящей, —
Как отраженье
Жизни настоящей,
Когда бы не кривые зеркала.

Искали образцы
На книжной полке,
Да наобум —
Как в темноте иголки.
Не потому ль
Здесь не было угла,
Не занятого временно кумиром,
Который правил тем углом,
Как миром,
На мир смотря воинственно
С бугра?

Все ничего б,
Когда со всеми вместе
Шкет продолжал чирикать —
Честь по чести,
Когда бы не расправил два
Крыла,
Пусть воробьиных,
Но вполне исправных,
Чтоб возомнить себя
Почти на равных
С орлом иль тем,
Кто роль играл орла...

Мальчишка,
Плут,
Придумал бы иное,
Почище пусть,
Но только чтоб земное
И о земном.
Кто ложью не грешит?
А он вот взял и брякнул,
Что упала
Звезда на снег,
И вовсе не пропала —
Лежит себе.
Он знает,
Где лежит!

«Звезда?
Зимой?
На наших-то широтах? —
Спросил учитель —
Ты напутал что-то,
Привиделось, наверное, во сне...»
С тех пор лгуном
Прослыл бесповоротно,
Над Шкетом издевались
Принародно:
«Умора!
Звезды падают на снег!»

Он был упрям
И отвечал предерзко:
«Да, падала,
Да, знаю это место,
Да, я найду и вновь ее зажгу!»
Упрямых,
Как и слабых.
Не любили —
Уже не раз
Мальчишки Шкета били,

Чтоб не искал он
Звезды на снегу...

Читатель мой,
Свое ты помнишь детство?
Вот не успел ты толком
Оглядеться
В чужом дворе,
Как окружен уже,
Стоишь один,
Как перст,
К стене прижатый —
Не виноват
И все же виноватый —
Кому-то не пришелся
По душе...

И повода нет вроде бы
Для драки —
Ты просто стал объектом
Для атаки
Лишь потому,
Что выглядишь слабей.
Расквасят нос
Зачинщику, тебе ли —
По правилам мальчишеской дуэли,
Кровь появилась —
Далее не смей!

Был смысл какой-то
В драках беспричинных.
Чрез них прошли, наверно,
Все мужчины,
И может быть,
В безьяростности их,
Когда лишь силой мерялись,
Не боле,
И пробуждалось пониманье боли

Чужой,
И глупость кулаков своих...

Но здесь — другое.
Словно волчья стая —
На одного,
Безжалостно сминая,
Накинулись...
Да не сломился Шкет.
Разбиты губы
И синяк под глазом,
И словно гвоздь невытащенный —
Фраза:
«А есть звезда! Ее нашел я след!»

В мальчишьем царстве
Все решалось скопом,
И родилась идея —
Телескопом
Всерьез заняться,
Чтобы удила
Накинуть на того,
Кто не сдавался:
«Он говорит —
Звезду зажечь собрался?
Отнять игрушку —
Вот и все дела!»

Был старый телескоп
Его богатством.
Он по наследству
Перешел к нему.
Отец покойный,
Пережив войну,
Считал, что звезды —
Лучшее лекарство
От всех болезней.

Золотые руки!
На ощупь хоть,
Все сделал по науке,
Не для затей каких,
Для пользы чтоб
Служил исправно
Этот телескоп.

Он твердо верил —
Существуют связи
Меж душами и звездами,
Хотя,
Серьезность пряча
В плутовском рассказе,
Об этом говорил,
Как бы шутя:
«Пока мечта, как девочка,
Беспечна —
Юна, глазаста,
Трепетна, нежна,
Бежишь за ней,
Не думая, конечно,
Какая будет из нее
Жена...

А все ж поверь!
Доверься!
Нет, не просто,
Вопросов тьма.
Что не вопрос — секрет.
Вот где бы я искал, к примеру,
Звезды? —
Там, где их сроду
Не было и нет,
Когда б мечтал...
И что б ни говорили,
Уж если повела тебя
Мечта,

Доверься ей.
Звезду найдешь ты или...
Она сама найдет тебя,
Звезда.

Взгляни на небо, —
Говорил он Шкету, —
То души предков
Смотрят на планету,
На нас с тобою —
Так ли мы живем,
Не заблудились ли,
Туда ль идем?
И вот пока их помнят
На земле,
Их свет не затеряется
Во мгле...»

Сердилась мать:
«Черт спутался с младенцем!
И без того хватает
Иждивенцев,
Что обмануть хотели бы
Судьбу —
Забраться в рай,
Да на чужом горбу!
Язык бы что ли кто тебе
Оттяпал —
Наговорил с три короба
Мальцу...»

«Да понял он! —
Отец улыбку прятал. —
Вон посерьезнел —
Вижу по лицу.
Ты понял, что хотел тебе
Сказать?»

Находит тот,
Кто знает, что искать!»

И Шкет искал.
Не знал наивный Шкет —
«В своем отечестве
Пророков нет...»
Каким бы ты
И кем бы ты здесь ни был,
Смотри под ноги чаще,
Чем на небо.

С тревогой мать
Смотрела на него:
«Все в люди вышли.
Этот вот в кого?
Ведь что ни день —
Царапины, синяк.
Нет, не в отца,
Тот смирный был чудак!»
И так как Шкет
Не признавал вины,
Мать стала прятать
От него штаны,
И нераскаявшийся еретик
Сидел по воскресеньям взаперти.

Как рассудить?
Наверно, мать права —
Синяк — большая плата
За слова,
Но прав и Шкет.
Он был платить готов —
Слова, считал,
Сильнее кулаков.

Мы иногда корим
Своих сынов

За то, что те
Бегут высоких слов,
А он вот встал,
Чтоб защитить слова,
Мы дергаем его
За рукава...

В нас детство бродит
Незабытым сном —
Знакомым, но расплывшимся пятном —
И разглядишь какие-то детали —
Неужто так и было?
Нет, едва ли...
Прозрачным отгорожено стеклом —
Так утро проступает за окном.
Мы на него привычно обернемся,
Потом опять к своим делам вернемся,
И так всю жизнь свою,
Так — день за днем.

Нет, не лукавим мы,
Нет, не забыли!
Все в нас живет —
И небыли, и были,
Как нитки, перепутаны
В клубке,
Но из сегодняшней,
Из нашей дали,
Что и увидишь,
Различишь едва ли —
Потянешь нитку —
Весь клубок в руке.

А все же судим,
В гневе упрекая,
Своих сынов —

Живут, тревог не зная,
И детство безмятежное
С душком...
Дерзки,
Робки,
Трусливы,
Анемичны...
И тут же будем пойманы
С поличным
Своим же
Много помнящим дружком:

«А вспомни-ка,
Кто нашим королем
Тогда считался?
Были мы при нем
Ты в должности шута,
А я — лакея...
Потом другой явился,
Понаглее,
И наш кумир,
Вчерашний наш король,
Стал исполнять
Совсем другую роль.

Как нам пришлось
Тогда волчком вертеться!
Не безмятежным было
Наше детство —
Не радости одни,
Была и боль».
Но это к слову.
В детстве все бывало,
Как ни поранят —
Быстро заживало,
Хотя, конечно,
Помнилось потом...

Вот человек —
И выглядит орлом.
И крылья есть —
Топорщатся горбом,
А не летает —
Машет бестолково.
Душа, увы,
К полету не готова —
Знать, часто брали
В детстве
На излом.

Директор, нервно потирая руки,
В глаза смотрел, а видел потолок.
Проговорил:
— Не знаю, как там слухи
И есть ли в этих ваших спорах прок,
Подозреваю, вовсе не со скуки,
Питомцы ваши спорили взахлеб
По поводу затей лгунишки Шкета.
(Он, говорят, драчлив еще при этом?)
И вот финал — стащили телескоп!
Мы обходились вроде без милиций,
Ну а теперь уже не до амбиций.
Как подождать?
Какой быть может срок?
Вы не Макаренко,
А я не Спок.
Все ясно здесь.
Извольте согласиться —
Не вы учили,
Жизнь дала урок!

Повременить?..
Доверить вам?..
О боже,

Я б наказал вас,
Будь вы помоложе,
Но уважаю в вас фронтовика.
Попробуйте.
Я подожду,
пока
Вы сами не поймете, к сожаленью,
Что нет пути короче к пораженью!

И вот еще,
Совсем уже попутно:
Не кажется ли вам,
Что эта смута
Вокруг звезды
Хотя и не подсудна,
Но все ж опасна?
Слышал я, как будто
Вы сами разогрели
Этот спор,
Не выразив к предмету
Отношенья?
И если так —
Достойно сожаленья,
Что не вмешались вы
До этих пор...
Не хочется тащить из дома сор,
Но я боюсь,
Что ваши заблужденья
Заставят нас продолжить разговор
На педсовете...

Учительская ноша не легка.
Когда своя —
Она не тянет плечи.
Иной и тащит груз нечеловечий —
Пожалуй, впору

Запрягать быка!
А ничего,
Не хочет, чтоб полегче.

Не балует судьба
Жрецов своих,
Что в храмах школьных
Правдою и верой
Не служат, нет,
Живут и полной мерой
И отдают, и платят.
Ноша их
Не тяжелей, чем, может,
У других,
Но кто иной,
Едва лишь стукнут в двери
Или раздастся вдруг
Ночной звонок,
Подумает не о своей
Потере —
О тех, других,
Что спят без задних ног
В отроческих ли,
Детских ли постелях?

И кто еще,
Когда невмоготу,
И все из рук,
И свет уже не светит —
Идет, как на свою Голгофу,
К детям,
Отрезав напрочь от себя
Беду.

На время.
На пока.
И ни слезинки!
И лишь глаза — синеющие льдинки —

Не тают от жестокого тепла
Огромного
Кипящего
Котла
Беды не ощущающего детства.

И кажется — вовек не отогреться,
А миновал срок —
И нет беды.
Ушла.

Учительская ноша не проста,
На глаз чужой
Почти неразличима,
Не потому ль
К учительским починам
Не обнаружишь людного хвоста?

Не потому ли
Тянемся к вершинам,
Тем, одиноким,
Словно Эверест?
Их высотой —
Единственным аршином —
Мы измеряем все,
Что есть окрест...

Завяжет жизнь порою узелок,
И прост на вид,
А точно дьявол метил:
В нем два узла,
И хищно ждет виток,
Чтоб захлестнуть их оба
В узел третий.
Небрежно тронул —
И в руках моток,

Теперь распутывай
До самой смерти.

И разрубить недолго,
И пора —
Торопит время —
Поспешает ныне...
И вот
Кто легким росчерком пера,
А кто и словом
Вместо топора
Ударит так,
Что нет узла в помине!

Так просто?
Да!
И в самом лучшем виде,
Без слов излишних и забот притом
Торчат концы —
Обрубленные нити? —
То не беда,
Свяжи своим узлом!

(В учительской случился спор такой.
Сюда сходились,
После боя словно.
Оружие — учительское слово —
Оттачивалось в этой мастерской.)

Неужто так?
Неужто в самом деле,
Что не сезон,
То старый разговор?
Здесь — проморгали,
Там мы не успели,
Там, где успели,
Сделать не сумели...
— Всеобщий школьный шапочный разбор! —
Закончил кто-то надоевший спор.

— Развязывать узлы?
Помилуй бог!
Где б силы взять,
Чтоб провести урок?
И посмеялись грустно —
Для порядка,
И разошлись опять по старым грядкам
Полоть и сеять,
Сеять и полоть,
Дух формируя и, конечно, плоть,
Хотя она живет не по канонам
Теории,
А по своим законам...

(Заметим, кстати,
Много есть теорий,
Но что сказать,
Как сделать, чтобы сын,
Который вдруг,
Без видимых причин
И с миром, и с собой
В жестокой ссоре,
На землю б встал —
Без всяких аллегорий?
Увы,
Пока исследуются только
И в основном тенденции...
Мой Колька —
Один! —
Мог дать бы матерьяла столько,
Свои бесцельно прожигая дни, —
На десять лет программа для НИИ,
И то, боюсь,
Не вышла б неустойка —
Пока рассмотрят,
Папой станет Колька!)

Опасно плавать без надежных лоций,
И все-таки на свой и страх, и риск

Мы выступаем в роли Песталоцци,
Надеясь, что сама подскажет жизнь,
Что делать,
Как,
Когда,
Зачем —
Покуда
Еще цела, как говорят, посуда...

...Не знаю, может быть, совсем иначе
В тот вечер думал старший мой герой,
Когда вдруг понял,
Что решать задачу
Возможно и не спором,
А игрой.
Могла бы, например, быть и такая,
Как «поддавки», —
В ней важен первый ход.
Здесь, как ни странно,
Побеждает тот,
Кто без всего остался,
Отдавая.

Похоже на военное сраженье —
Идешь к победе через поражение!

Когда он спор решительно прервал,
Мосты сжигая все для отступленья,
Не думал он, что в руки отдавал
Его,
Упрямого до исступленья,
Тем, кто не верил,
Но торжествовал, —
Ведь мстительность
Не знает снисхожденья.
Потом он видел драку,

И потом,
Себя замучив поздним сожаленьем,
Не спал всю ночь
И размышлял о том,
Как необъятны наши заблужденья,
Как однозначна плата,
Суть в одном —
Костром ли выжигают,
Кулаком
Иль словом выбивают убежденья —
Ушедший или восходящий век,
Коль устоял ты —
Значит, человек!
А прав, не прав? —
Кто скажет без сомненья?

Как часто спорят разум и душа,
Свой способ жизни видя и решенья...
А истине дистанция нужна.
Бывает и победа пораженьем.

Живем не прошлым мы,
А настоящим.
А ведь порою,
Как в почтовый ящик,
Мы в прошлое заглянем и найдем
Как бы письмо —
Когда-то затерялось! —
И вот нашлось,
И объясненье в нем
Тому, наверно,
Почему так случилось,
Хотя иначе
Вроде бы мечталось
И представлялось...
Все мы перечтем,

Стремясь узнать,
Какая все же малость
С пути нас сбила —
Глупость или жалость?
А не узнать —
Все смыто быстрым днем.

Так пыль с листвы
Смывается дождем,
Наступит час —
И навсегда осталась,
И то не пыль уже —
Души усталость.

И не хотел,
А вытащил на свет
Из дальних тех,
Полузабытых лет
Воспоминанье...
Грузный кадровик —
Как поршень, в горле
двигался кадык,
А взгляд такой,
Как будто был отглажен
Постыдной правотой
Замочных скважин,
На ближнего нацелен,
Не на даль! —
Спросил:
«И что — всего одна медаль?!»

Слова не ценим —
Дешевы слова —
То зеленеют,
То желтеют снова,
И вот одно,
Единственное слово,
Никчемное, пустое,

Как полова,
Вцепилось в душу —
И душа в оковах...

...Жизнь нашего учителя проста —
Чтоб описать,
Достаточно листа,
Да как читать?
Одной строкой война,
Но юность ею вся опалена.

С наградами и вправду небогато —
Одна медаль у бывшего солдата,
Не принято в анкетах —
Не писал,
Что трижды умирал и воскресал
И вновь смотрел
В глаза пустые смерти.
Таким в полку у них был
Каждый третий,
Недаром взводный их любил шутить:
«Приказ один до самой смерти —
жить!»

Ну а медаль...
Он знает,
Весит сколько
Медаль со следом шалого осколка.
Считал, что был он дважды награжден:
Наградой и тем, что был спасен
От неминуемой смерти той медалью —
Тонка на вид,
А не пробило сталью!
Годна она для службы и парада,
Пусть и одна.
И коль на то пошло,
Другим, увы, совсем не повезло —
Звезда из жести,
Вот и вся награда...

...Приходит час.
О, этот звездный час!
Сама судьба выстраивает нас,
Кого куда —
На правый фланг,
На левый,
Но где б ни встал ты —
Ты повсюду первый,
Открытый пуле,
Острому штыку —
Лицом к врагу!

Приходит час,
Когда ты жизнь свою,
Всю целиком
Без никакой оглядки
На чашу должен бросить
Тех весов,
Что скажут и тебе,
И всем без слов,
Каков ты есть —
Не на пиру,
В атаке!

И коль поднялся,
На судьбу не сетуй —
И жизнь, и смерть
Окупятся победой.

Вот что читалось
За его анкетой.
Но кадровик
Того не прочитал,
Жевал губами и, прищурясь, ждал,
Когда ему расскажут про медаль.
Как ни крути —
Хорошего солдата
Не только служба красит,
Но награда...

И человек исчез, как не бывал, —
Слова витали отзвуком раската,
И с той поры солдат не надевал
Медаль свою —
И вправду не богато.

...Из прошлого пришло к нему решение,
Хотя, казалось, думал не о том.
Чем жили, все имеет отношенье
К тому, чем в настоящем мы живем.

В днях нынешних
Есть отблеск дней вчерашних,
Взглянул иначе —
И открыл глаза,
И говоришь себе —
Да, прав сказавший:
Дороже мира детская слеза,
Всех ценностей его порой дороже,
В сердцах сказал, наверное,
А все же...

Ложь во спасенье — праведная ложь?
Не сердцем даже чувствуем, а кожей,
Что никого той ложью не спасешь,
Но говорим —
Благословенен нож
В руках хирурга.
Он спасает тоже
Больного,
Погруженного в наркоз.

И вот когда был выяснен вопрос,
Во всеоружье знания предмета,
(Он был на весь район по части звезд
Единственным пока авторитетом),

Письмо учитель в красочном конверте
В воскресный день по улице понес.

Писал всю ночь
При тусклом ржавом свете,
Впервые лгал, не чувствуя вины.
Тревожился учитель в нем: «Ах, дети...»
Ворчал солдат: «Не знаете войны...»

А тот, кто лгал, строчил:
«В научном свете
Открытия,
Возможно, что совет,
Который создан изучать кометы,
Метеориты, прочие предметы
И даже те, которых еще нет,
Рассмотрит предлагаемый объект.
Спасибо... Академия... Доцент...»,
И точный адрес астронома Шкета
На белом поле крупного конверта.

Вот первый ход: ребятам он прочтет
Свое письмо — и выручает Шкета.
И ход второй: Шкет розыгрыш поймет
И образумится. Расчет на это!
И третий ход. Была задача третья —
Себя проверить, так сказать, на детях.

Немного знал учитель о задворках —
Так, кое-что мелькало в поговорках,
Да в книгах тех, что изредка листал,
Звучал порою явственно металл.

Все авторы, что мыслили проблемно,
Об улице писали непременно,
Как требовал введенный в оборот
Научный термин «комплексный подход».

И вот он шел туда,
Где, словно поезд,
Сошедший с рельс,
Уткнувшийся в тупик,
Таилось детство.
Там писалась повесть —
Пусть детская,
Но сложен в ней язык.

...Со стороны фасадной
Все, как должно,
И на домах отдельных,
Над крыльцом,
Текст, заключенный в рамку, —
Значит, можно
С них брать пример.
Успехи налицо
В борьбе за быт.
И ясно, и понятно,
Что сведены родимые здесь пятна
Совместной и упорнейшей борьбой.
Когда бы так же было и с изнанки,
Тогда бы отказались мы от рамки —
Писали текст бы на стене резьбой!

Ну а пока была совсем иная
Здесь,
На задворках, жизнь.
Такой иной
Представилась —
Не скажешь — не земная,
Была, скорее, околосемной,
С учительской сугубо точки зренья...

Не приходя в себя от изумленья,
Беспомощно стоял он.
Мир вокруг
Был и знаком,
И словно вздыблен вдруг.

Среди каких-то ящиков разбитых
И ржавых бочек из других эпох
(Должно быть, не страдали аппетитом
Прародственники наших выпивох!),
Среди различной прочей дребедени
Научным представлениям вопреки
Полустояли и полусидели,
Полукричали и полугалдели
Или, как ныне говорят, балдели
Не кто-нибудь —
Его ученики,
Счастливые!
Веселые!
При деле!
И первоклашки, и выпускники.

Что их свело?
Что вдруг объединило
На пяточке убогом столько троп?
Водой холодной словно окатило —
Он телескоп увидел.
Телескоп?
О нет, конечно, лишь ему подобный —
Труба одна,
И та уже без линз...
Ко рту приставив,
Кто-то выл утробно,
И ржал другой.
Не видел он их лиц,
Но знал обоих,
И учил обоих...
И подсчитать успел —
Две тыщи дней!
И — вот! Они!
Уличены! В разбое!
И радостны, и счастливы вполне!

Как беспощадны руки человечьи,
Когда им все на свете нипочем,
Хотя что — руки?
Руки ни при чем —
Грызут зубами,
Если рушить нечем.

Но это в общем...
Но ребята,
Дети?
Откуда в них,
В его учениках,
Такая тяга к разрушенью,
К смерти,
Ведь и железка смертна как-никак.
Нет, суть не в том,
Что жизнь разбила грубо
Иллюзии.
Наивным он не слыл.
И море знал,
И не впервые плыл,
Но...
(Потревожим снова тень Колумба! —
Плыл в Индию, Америку открыл.)

Знал поименно каждого,
Казалось...
Но мысль внезапно странная подкралась.
Что из всего огромного того,
Чем он владел,
Что передать стремился,
Им ничего не надо, ничего...
Их зыбкий мир как будто бы стеклом
От мира общего отгородился,
И он случайно в этот мир проник,
Который — знал! —
Исчезнет в тот же миг,
Как только он увидит отраженье

Свое
В глазах учеников своих —
Победа обернется пораженьем...

Вот он сейчас
(Несносная одышка!)
Чуть кашляет,
Но лишь откроет рот —
Разрушится стекло и опадет —
И станут меньше на вершок мальчишки,
Он выше на вершок, наоборот.
Но то — мираж!
И странный мир обычным
Опять предстал.

Оправившись едва,
Учитель голосом своим привычным
Не произнес,
А выдохнул слова.
Они упали,
Как в песок пустыни...

Ребятам было,
Говоря всерьез,
Так далеко
До неба и до звезд,
Что рассуждать он мог
И на латыни...

Стоял учитель
Перед их твердыней
И понял вдруг,
Что, расшиби он лоб,
Встань на колени даже
Перед ними,
Их души все ж
Останутся пустыми...
Что телескоп?
Наладят телескоп...

Как раздражает нас
Сиюминутность,
И боремся —
Она берет свое.
А седина...
Да что там!
Если б мудрость
Была прямое следствие ее!

Бежал спасать,
А от какой напасти?
И для кого свои готовил
Снасти,
Сжигая за собою все мосты?
Чтоб уберечь мальчишку
От мечты?
От ожиданий дерзких и опасных?
А что взамен?
Набор из очень ясных,
Которые и сам не уважал?
Когда не так,
Кого же он спасал?

Суд над собой —
Куда уж откровенней,
Казнишь себя всегда
Виной двойной.
И опоздал, казалось,
На мгновенье,
Да вот мгновенье —
В жизнь твою длинной.

Рос человек!
О, как он быстро рос —
Как без оглядки
Убегал от утра.

Чуть над землей
Еще вчера как будто —
Сегодня головой почти
У звезд...

— Ты веришь, что живет твоя звезда? —
Спросил он Шкета.

Шкет ответил:

— Да!

— И ты бы мог сводить меня туда?

Ответил Шкет одним дыханьем:

— Да!

— Тогда веди!

А дело шло к весне.
Сидело солнце на кривой сосне...
Дремали почки в беспокойном сне...
В кустах шуршал заблудший ветерок...
Согнувшись в три погибели росток
Поднять пытался и поднять не мог
Заснувший еще осенью листок...
Светилась голубой водой тропа...
Хрустели, как пустая скорлупа,
Измятые сугробы...
И ручьи
На все четыре стороны — ничьи
И в никуда растерянно моргали...
Вокруг зима,
А здесь весна в разгаре!
И на одной из множества прогалин
Вдруг вспыхнули живыми огоньками
Подснежники.
И — как включили свет!

— Так вот же он —
Звезды упавшей след! —
Учитель подсказал,
Но Шкет в ответ

Лишь засмеялся и блеснул глазами...
— Я так и думал.
Ты растешь, играя,
И немудрена сказка, и проста, —
Сказал учитель,
грусть свою скрывая.
Невежливо его вдруг прерывая,
Шкет закричал:
— Смотрите! У куста!
— Ну вижу. Камень.
Мало их, камней?
Еще не повод, чтоб кричать, ей-ей, —
Сказал учитель, мягко упрекая. —
Не думаешь же ты...
— Конечно! Да! —
И Шкет нагнулся, камень взял —
Звезда!
И день померк, сиянью уступая...

Когда учитель вновь обрел дар речи,
Увидел он все то же — сосны-свечи,
Измятые сугробы, синий снег
И яркий день, и солнце на сосне,
И красный куст в сплошном потоке света,
И серый камень на ладони Шкета.

Что скажешь здесь?
Лишь разведешь руками.
Себя спросите,
А могло бы с вами
Такое приключиться, нет?
Вы скажете, что разными глазами
Мы смотрим часто на один предмет:
Один булыжник видит под ногами,
Другой — звезду,
Упавшую на снег...

Как три ручья, что в озеро стекали,
Смешавшись, общею водою стали —
Не различишь на вкус — какая чья?
Три пораженья, словно три ручья,
Грядущую победу намывали.

В узлах иных запрятано крушение.
Не разглядел, а рубанул сплеча...
Сполна познавший горечь пораженья
Уже не тронет без нужды меча.

Лишь кажется, что кончилось сраженье,
Оно идет. Тебя зовут опять!
Сполна познавший мудрость пораженья
Поднимется, чтоб снова все начать.

С начала. С самого. Без всяких сожалений,
Не отстраняя от себя вину.
Сполна познавший силу пораженья
Не покорится никогда ему.

На зов трубы тревожный поспешая,
Теперь уже он мог себе сказать:
Все дело в первом и в последнем шаге,
Ну и, конечно, в том, куда шагать...

Не ставлю точку.
Этот мой рассказ
Лишь об одном-единственном мгновенье.
А сколько их —
Длиной и в жизнь, и в час
Тех, что таят
Земные откровенья!

Завидую, учитель,
Ты — велик

Величием своим обыкновенным:
И не заметен в слове вдохновенном,
И на виду, когда тревожен миг,

И перед миром, ярким и крылатым,
Без почестей особых и наград,
Стоишь, как есть, в костюме небогатом,
И чувствуешь себя ты виноватым
За всех за нас, кто вправду виноват,

И все просчеты наши и промашки —
От грязных душ до грязной промокашки —
Ты на себя безропотно берешь,
Свечой горишь, себя не бережешь...

Терпенье духа и души боренье,
Не дерзкий взлет, а гордое паренье —
Ты так живешь...

Послесловие

Живем мы в тайном ожиданье чуда,
Не все ль равно, какое и откуда,
Когда б случилось,
Если б повезло
Увидеть чудо.
Только как назло
Жизнь не спешит —
Скупится на подарки —
Покажет свечи,
В руки взял — огарки...

Так после грандиозного спектакля
Тебе, смеясь, покажут —
Это пакля,
Из марли — небо.

Из фанеры — лес,
А ты считал,
Что был в стране чудес...

Не в дураках, конечно,
Но не в умных.
Смешно и грустно
От надежд подспудных.

Но и с тобой ведь мы играем, жизнь!
Сподобились, как следует, кажись,
И не докличешься до нас, покуда
Вдруг не поманишь обещаньем чуда.

Лениво выйдем
И откроем рот —
Неужто, батюшки,
Произойдет?!

Произошло.
Случилось!
Вот оно! —

...Оттаяло морозное окно.
Зацвел столетник,
И куда ни шло,
Когда б цветы,
Но словно обожгло,
Едва коснулась —
Горячи, как угли!
Открыла подпол —
Там сплошные джунгли,
Клубком змеиным
Спуталась ботва...
А на полу щетиною трава.

Как передать словами изумленье?

Зазеленели листьями поленья,
Что у печи сушились
Для растопки...
И тут уж мать,
Хотя была не робкой,
Из дома — прочь!
И вот уже народ
Испуганно столпился у ворот.
Молодцеватый представитель власти,
Не верящий в химеры и напасти,
А бабий вздор совсем не по нутру! —
Значительно поправил кобуру
И в дом вошел.

За ним пошли гуськом
Директор школы, фельдшер, агроном —
Ну, так сказать, все местные *светилы*
По части чистой и нечистой силы.
И в ожиданье чуда иль не чуда
Застыла улица.
О сколько пересудов
И домыслов досужих!

Наконец,
Открылась дверь.
От тех светил гонец,
Ступая тяжело,
Вышел на крыльцо,
Явив народу хмурое лицо.

Был участковый краток:
— Чертовщина!
Подозреваем, что всему причина
Бульжник странный,
И всего с кулак,
А не смогли
Втроем
Поднять никак.

И почему он вдруг такой тяжелый,
Не объяснил и сам директор школы.

Бульжник, может быть,
С каким секретом?
Сходить бы надо
За мальчишкой Шкетом.
Не он шалит ли?
Говорят, что — плут
И выдумщик.
А не до шуток тут?
Ведь зелень лезет изо всех углов —
Уже деревья
Вместо косяков...
Какая может быть меж этим связь,
Не знаю я —
Не видел отродясь,
И шли бы вы, товарищи,
Отсюда!

Но кто ж уйдет,
Когда такое чудо?
И терпеливо замерла толпа,
Примеривая чудо на себя:

Когда бы так, да всем бы повезло —
Как жаль, что мы поселок — не село!
Кормов навалом и какой привес
Дала б скотина от таких чудес!

(Заметим в скобках, что практичность эта
Насторожила местного поэта,
Хотя и знал он —
Не в обиду слову! —
Не прокормить поэзией корову.
Смолчал поэт.
Стоял себе в сторонке
В престижно-романтической дубленке —

Тоша и холодна,
Зато по чину
На десять рангов обошла
Овчину —
В родне, да кровной,
Но о том — молчок,
И не мечтай,
Чтоб на один крючок!)

Ну, это так...
Туда вернемся снова,
Где сотряслись научные основы,
Где загнанный природою в тупик
Директор школы огорченно сник,
Где агроном, презрев свою науку,
Пощипывал, чтобы проснуться, руку,
Где даже фельдшер — черт ему не черт! —
Забыл закрыть от удивленья рот,
Где лейтенант — совсем уж не к добру! —
Ощупывал тревожно кобуру:
Кого и как здесь защищать от чуда,
Не зная—
Что оно,
Зачем,
Откуда?!
О том молчат инструкции, Устав...

Народ,
От ожидания устав,
Стал расходиться.
Ждал один поэт.
Он завершал по случаю сонет,
И, между прочим —
Экая причуда! —
Застрял как раз
На рифме к слову «чудо»...

Когда б его позвали,
Он, должно быть,

На многолетний опираясь опыт
Борьбы со словом,
Подсказал решенье,
Ну да кому нужно поэта мнение?
Сказали бы —
На то он и поэт,
Чтоб там искать,
Где ничего и нет.
Занялся бы
Полезным делом лучше,
А то еще загнули что покруче
Из лексикона пьяных ездовых...

В поэзии ходил он в рядовых,
В последней, полагаем мы, десятке,
С которой, как известно, взятки гладки,
За ним —
Лишь поэтический ликбез,
А дальше сплошь все графоманский лес —
Ступая тяжко, мрачные дубы
Выкручивали руки у судьбы
И загоняли в угол власть имущих...
Соседство, прямо скажем, не из лучших,
Но что же делать,
Если для страны
Поэты — не поэты — все равны,
И в общий поэтический поток
Стремился влиться всякий ручеек.

Поэзия — она такая дама —
Дерзка, и своенравна, и упряма,
Как лед, порой бывает холодна,
Но, боже мой, когда она нежна!..
Все эти сокровенные детали
Известны тем лишь, кто на пьедестале.
Другие же, кому заказан вход,
Молчали, как воды набрали в рот,
Надеясь, что усердием отменным

Заслужат благосклонность непременно,
И среди них —
Но не толкался, нет! —
Ждал часа звездного
И наш поэт...

Но найден Шкет!
В сохранности доставлен
И посредине комнаты поставлен
Под перекрестный, так сказать, допрос.

— Откуда камень? —
Первый был вопрос
Директора.
Он показал на диво.
— Не камень это! —
Шкет сказал учтиво
И взял булыжник.
На его ладони
Он вспыхнул вдруг —

Так ярко стало в доме,
Что все, кто был,
Зажмурились на миг...

Директор школы
Прикусил язык
И прищемил
Сорвавшееся слово,
Которое убило б, безусловно,
Учительский его авторитет
В глазах других...

— Откуда этот свет! —
Воскликнул фельдшер,
К двери отступая,
А участковый, что стоял, моргая
И щупая — на месте ль кобура? —

Хотел сказать: на потолке — дыра? —
Но промолчал,
Себе не доверяя...

...Пока судили,
Спорили покуда,
Само собою разрешилось чудо:
Окно заплыло.
Сумрачный столетник
Стал снова незаметным,
Как штaketник.
Вполне реалистичная картошка,
Как оказалось,
Проросла немножко.
Давно готовые к употребленью
Потрескивали
Желтые поленья.
А чистый пол,
Отдраенный до блеска,
Не оставлял уже
Сомненьям места,
Что был допущен
Явный перекося:
Не чудо было —
Массовый гипноз!

Кляня себя,
Хозяйку,
Шкета,
Жизнь,
Сконфуженно *светилы*
Разошлись...

...Зажглась в ту ночь
Еще одна звезда.
Над самым домом.
Только вот беда —
Как доказать?

И кто поверит Шкету?
Поэт, возможно?
Подойдем к поэту...
— Ты все, конечно, понимал,
Поэт?
Но он вздохнул,
Признавшись честно:
— Нет.
В ту ночь как раз я,
Экая причуда!
Подыскивал все рифму к слову «чудо»...
— Ну и нашел?
— Увы, в чужих стихах...
А то, что чудо было
В двух шагах...

Конечно, есть в сомненьях свой резон,
Когда не спишь, а словно видишь сон,
Что полон разных сказочных реалий.
Будь ты мудрец — не сразу разберешь,
Где правда здесь, где полуправда, ложь,
А разобрался — точно обокрали.

И знаешь — не было и не могло
Такого быть никак. Что из того?
И сердце ноет, и душа горит,
Глаза в слезах — от радости, от боли?
Хотя на самом деле — не болит?
Какая радость? — Жизнью недоволен!

Не размышляй. Не надо. Это — сон.
И, значит, прочь, что там наворотили.
Так проще жить. И в этом весь резон.
И правда вся.
Они правы — *светилы*.
И прав поэт — он не из той десятки,
Что истину выводят из догадки.

Но как же быть, как завершить сюжет,
Когда сомненье — было чудо, нет?
Да так, наверно, теми же словами:
Вот мы идем.
Вот камень под ногами,
Совсем никчемный — видно за версту.
Один прошел —
Зачем ему тот камень?
Другой нагнулся
и... поднял.
Звезду!

...Вселенная.
И человек — та малость,
Которая настойчиво пыталась
Понять себя в соединении с тем,
Что и не виделось — предполагалось
Как часть иных зависимых систем
Скоплений — малых и больших галактик...

Стать звездочетом должен был романтик,
Чтобы, в себе себя сломив, дерзнуть
Взглянуть в Н и ч т о
И ужаснуться — Вечность! —
Домашним, изначальным словом —
Млечный —
Назвать тот путь,
который и не путь.

Но — путь! Не иначе. Не как-нибудь.
Как будто бы с рожденья точно зналось,
Что рано или поздно эта малость
Сюда придет измерить Млечный Путь...

О, сколько разного прошло над миром
И кануло ничтожно быстрым мигом —
Как спички вдруг загасли на ветру.

Но мы на звезды смотрим.
Я смотрю!
Тот звездный мир как данность принимая,
Всю невозможность чуда понимая,
Я, зацепившись взглядом за звезду,
Паю над вечностью.
Я чуда жду!

Бессмертны мы и велики, покуда
Живет мечта в нас — ожиданье чуда,
Пока мы видим что-то и сквозь тьму,
Пока мы знаем с детства —
У Вселенной
Есть уголок какой-то сокровенный
И тропка есть,
Ведущая к нему.

«ЛЕСОВ ЗЕЛЁНЫЙ ВЗДОХ»



...Вот облако клубится
реальное вполне,
а кажется, что снится —
бывает по весне.

Лишь мнится — перепутал,
нечаянно заснув...
Вот падает минута,
со стрелки соскользнув,
и — вдребезги!

О Время,
ты бьешься, как стекло,
и солнце сквозь мгновенья
прозреньем обожгло,
разворотило щели
дверей,
чтоб слышать мог
звезды погасшей шелест,
лесов зеленый вздох.

Она из тех, которых мы всегда
И провожаем, и встречаем взглядом.
Красива, ничего не скажешь, да,
Но редко с ней кого увидишь рядом.
Не странно ли —
такая красота,
А вот в судьбе как будто тайный прочерк.
И умиляются —
сошедшая с холста!
И не подходят.
Ищут что попроще.
На пьедестале,
словно на кресте —
Ни пятнышка нигде и ни веснушки —
Завидует какой-нибудь дурнушке,
Ее незащищенной простоте.

На известной картине Нестерова
Павлов изображен
сидящим у стола —
тонкие умные пальцы
сжаты в кулак.

Это не очень выгодная поза для человека
такой гуманной,
такой мирной профессии.

Сначала я думал —
он отдыхает от милосердия.
Потом понял —
он готовится к борьбе.

Он не показывает кулаки,
Он как бы отбрасывает их от себя.

Через мгновение
он встанет из-за стола
и, переступив через поражение,
опять начнет
все сначала...

И тогда он
разожмет
кулаки.

**О правде-правоте, или О том,
как мы спорим друг с другом**

(Опыт лирической притчи)

*Хорошо было бы, если бы
мудрость была такого свойства,
чтобы могла переливаться из того
человека, который полон ею,
в того, в котором ее нет,
как вода переливается...
из одного сосуда в другой
до тех пор, пока оба будут равны...*

Л. Н. Толстой

1

Когда мы спорим друг с другом,
Мы часто говорим: «Прав я, а не ты!»
Мы уверены, что наша правота —
единственная.
Но бывает и наоборот.

2

Вот правда.
Вот она — видна.
Не надо глубже рыть —
Опасно!
Но отговаривать напрасно.
Мы роём до конца.
До дна.

И, в бездну черную
Упав,

Полмира
На себя
Обрушив,

На дне
На том
Мы ищем
Души,
Что потеряли,
Затоптав...

3

Почему люди часто не понимают друг друга?
Почему, ссорясь, они защищаются каждый своей правотой?
Может быть, когда-то было все иначе?
Может быть, все начиналось так —
Была большая, одна на всех, правда.
Ее долго искали и потом наконец нашли.

Никого не интересовало — кто нашел,
Главное было в том, что она существовала.
Надо было научиться владеть ею сообща.
И люди стали учиться. И вдруг кто-то сказал:
«А ведь это я нашел правду.
Я первый ее увидел, и значит — это моя правда!»

Люди сразу догадались, что он лжет.
Многие сразу вспомнили,
что первыми увидели правду они.
И вот тогда разгорелась ссора.
Люди кричали, плакали, отталкивали друг друга руками.
Возможно, они даже бросались камнями.

Обиженные задыхались от ненависти,
Оскорбленные мстительно затаивались...
Но правда, конечно, в том была не виновата —
Она была одна на всех.

И чтобы остановилась ссора, кто-то должен был сказать:
«Давайте разделим правду по справедливости,
Пусть у каждого будет свой кусочек правды!»
Это предложение казалось разумным.
Еще бы!
Если правда — правда,
то и кусочек ее — тоже правда.

Наверное, делить взялись честные люди.
И каждый ушел со своей правдой —
Такой маленькой, что ее не было даже видно.
Но люди были довольны — всем досталось поровну.

Прошло много времени, прежде чем выяснилось,
Что получилось не так хорошо, как думалось.
Вдруг обнаружилось, что понимать друг друга стало
трудно.

Каждый стал защищаться своей правотой,
Предполагая, что его кусочек правды чуточку больше —
Делили все же на глазок, могли и ошибиться...

И вот теперь, когда я вижу, как ссорятся люди,
Как трудно они понимают друг друга,
Я спрашиваю себя, а не в том ли причина,
Что мы не помним, как выглядела та,
Неразделенная, правда?

Может быть, каждый раз, когда мы спорим,
Надо лишь перестать отгалкивать друг друга словами
И представить, как прекрасна правда,
Которая одна на всех,

И понять, что правда перестает быть правдой,
Как только ее начинают делить на кусочки,
Даже если достанется всем поровну.
Даже если все будет по справедливости...

Лесоруб

От сухостоя очищали лес.
Шла на дрова пустая древесина,
И лесоруб, измотанный вконец,
Свалил в запале старую осину.

Не чувствуя ни рук своих, ни ног,
Снял рукавицы, закурил «Дымок»
И вдруг увидел сквозь табачный дым
Себя у той осины молодым.

Присел на пень и пальцем тронул срез
С едва заметной сеточкой колец —
Живая плоть, и только — что за диво?
Пересчитал и усмехнулся криво:

Ведь сколько было срублено всего,
Но то была ровесница его.

«Найдет же блажь,— подумал,— лес как лес.
И вправду скажешь, что попутал бес,
Когда вот так, без всякой без причины,
В древесных кольцах чудятся морщины...»

Сидел на пне усталый лесоруб —
Усы седые, волосы седые,
Курил «Дымок» и так смотрел вокруг,
Как будто видел этот мир впервые.

Нет, не пустые сожаленья
Нас оборачивают вспять.
Я от победы пораженья
Хотел бы точно отличать.

Прости меня за небреженье
К твоей строке, прости, поэт,
Твои, возможно, пораженья
Достойнее моих побед.

Быть может так, кто скажет точно?
Но знаю я — прозренья миг
Порою стоит всех пророчеств
Наимудрейших в мире книг.

Пока же радости и беды
Мне не дано в одно смешать,
Я пораженья и победы
Учусь, как школьник, различать,

Учусь сочувствовать, тем паче,
Чужая боль тогда лишь жжет,
Когда покинет вдруг удача
Или беда подстережет.

О, нас не красят откровенья!
Куда бы проще так сказать,
Что я чужие пораженья
Умел своими называть,

Что просыпался среди ночи
Из-за бессонниц всех чужих...
Ты правды не ищи меж строчек,

Вся правда в строчках.
Только в них.

Да, узнавал, но ненароком,
Догадкой пользуясь одной,
Что тот, чужой, каким-то боком
Мне все ж приходится родней,

Что от него и я завишу
В любое время ночи, дня,
И если я его не слышу,
Он не услышит и меня,

Хотя обличьем не похожи,
Иные крапины в судьбе...
Вот тут сказать — себе дороже,
Когда бы цену знать себе.

Пишу о том не от лукавства.
Совсем иным здесь мнится стих:
Вот наша жизнь — одно пространство
И время вот — от сих до сих,

От вешки той до этой вешки,
Что где-то там, в конце стези,
И ты навроде хитрой пешки,
Упрямо лезущей в ферзи.

Победы миг... Есть это право,
На дальний трон нацелив взгляд,
Смещать стоящих слева, справа,
Всех, кто мешает. Всех — подряд,

О том не думая, конечно
(Во имя, так сказать, и для...),
Что стать ферзем сумеет пешка
Лишь при поддержке короля,

Шагал который неуклонно,
Собой противников тесня,
И, подтолкнув тебя, спокойно
Сменял корону... на коня.

Сквозь поражения путь проложен
Победный только до поры.
Нет, жизнь не шахматы, но все же
Играем мы не для игры.

Не упрекай меня за фразу —
Неужто штудии не впрок? —
Коль в короле усмотришь сразу
На нечто пошлое намек.

Когда прозрею — днем ли, ночью,
Гадать не стану. Не с руки.
Предпочитаю многоточье
В конце запнувшейся строки...

Просто так

Говорят мне — это очень просто,
Я же не могу понять никак.
Почему на трудные вопросы
Люди отвечают: «Просто так!»

Может быть, в словах какая тайна,
Или все действительно пустяк?
Мы с тобою встретились случайно
В первый раз, а после — просто так?

Может быть, подумал и не то я
Или вместе думали вразброд?
Непонятым стало вдруг простое,
Сложное — совсем наоборот.

Изменился мир необычайно...
Только зря, наверно, добрый маг
Вместо слов и грустных, и печальных
Нам оставил эти — «просто так!»

Тишина в заветном переулке,
Лишь звучит неслышное «прощай»...
Я хотел бы быть с тобой в разлуке,
А не разминуться невзначай.

Что ни день, то беда...
Я открыл ворота —
лезут так, что едва и вмещаются.
В доме сплошь суета, потому что сюда
даже те, что ушли, возвращаются...

По душе, видно, кров!
Я смотрю на улов —
сколько бед набралось здесь по случаю.
Коли так, то без слов
Задвигаю засов —
Пусть меня одного они мучают.

Как-нибудь продержусь —
только робким кажусь,
терпеливым я был, как мне кажется.
Подбирается грусть —
пусть грызет меня, пусть,
Но зато уж к другим
не привяжется.

Вот подкралась хула,
словно сажа, бела,
ну, макай меня в грязь, если нравится...
Ты меня не жалей,
что имеешь, то лей...
Больше выльешь —
другим не достанется.

Ревность, вправду, как волк —
что не зуб, то — зубок.
Ничего, потерплю, пусть кусается.
От меня что за прок —

никуда за порог...
Но зато кто-то где-то
не мается.

Это что же за зверь?
Новых много теперь...
Жаль, во сне лишь такое
мерещилось.
Но гвоздями ту дверь
я забил бы, поверь,
если б бед хоть на четверть
уменьшилось.

Перелистай назад страницу

...Они уходят в небо просто.
Здесь нет вокзальной суеты,
Как будто этот перекресток
Уже накатан для езды.

Не далеко-де — по привычке
Кидались пальцы загибать:
Когда б туда на электричке,
То вовсе бы рукой подать.

Хоть по масштабам по российским
И тыща верст, считай, пустяк,
Был в небо путь совсем не близкий
Еще длиннее — первый шаг.

Пристрелки первые, прикидки
Давно не кажутся игрой,
Хотя и шариком на нитке
Корабль нам видится порой —

Такой земной наполовину
(Иные снятся корабли!),
Радиосвязь как пуповина
От тела матери-земли.

И все-таки в иные дали
Уже прорублено окно,
Еще не так, как мы мечтали,
Но и не так, как суждено
Нам было от роду природой.
И вот он —

Вдохновенья миг!
Вдохнула жизнь
В простые всходы,
А вырос
Мыслящий тростник.

С какого слова или жеста
Все началось —
Не скажешь вдруг...
Увы, за миг до совершенства
Венец был выпущен из рук.

О, как, должно, был ошарашен
Тот некто, потерявший след!
А пращур мой...
А что?
Мой пращур
Глядел, прищурившись, на свет

И, взяв простой булыжник в руку,
Чтоб бросить в сторону врага,
Тем самым сделал взнос в науку
Изобретеньем рычага.

Потом —
Молва о том стоушна —
Основы заложил искусства,
Рисуя зверя на стене
Сучком, обугленным в огне.

Был путь извилистым, но все же,
Его маршруты проследя,
Увидим, как менял он кожу,
Сдирая прошлое с себя.

Стремясь постичь,
Что сам он значит.
Откуда он,

Уйдет — куда...
Когда пред красотой заплачет —
Поймет.
Но только лишь тогда,
Когда чужую душу тронет,
Подумав о добре и зле,
Увидит, что душа бездонней
Всех бездн, известных на земле.

Когда вдруг дерзко усомнится
Он в одиночестве Земли...

Перелистай назад страницу
И прочитай про корабли.

Я устал,
Я устал,
Я устал,
Я устал!
Даже видеть во сне
Я тебя перестал.
Потому ли, что так
Неумело любил?

Я устал от того,
Что тебя не забыл.

Я устал ожидать
Твоих редких звонков.
Я устал от своих
Бесполезных стихов.
Может быть, потому,
Что не есть я, а был?

Я устал от того,
Что тебя не забыл.

Я устал повторять,
Как молитву, слова:
Ты права,
Ты права,
Ты права,
Ты права!
Что накоплено, может,
Пора и в распыл?

Я устал от того,
Что тебя не забыл.

Я устал,
Я устал —
Вот какая беда!
Нету слов беспощаднее,
Чем «никогда» —
Из души потащил —
Только крепче забил...

Может быть, потому
Я тебя не забыл?

Ты летаешь, тебе дано.
Как прекрасна в полете птица!
Мне же в тень твою превратиться
было, видимо, суждено.

Ты стремительна и дерзка,
что преграды тебе земные —
тот обрыв и вон та река,
и конструкции те стальные?

Ну а я? Если б знала ты,
как, тоскующий неизбежно,
я срываюсь со всех обрывов,
ударяюсь о все мосты,

как по окнам с размаху бью
и детей невзначай пугаю...
Но считается — я летаю
и летать, как и ты, люблю...

Обещана мне жизнь совсем другая —
без колебания отдается мне,
чтоб я, судьбой чужой располагая,
свою подправил, ясную вполне

Как отказаться?
Но однажды ночью
проснусь от острой правды-холодка:
зачем ты мне,
бездонный мой источник,
мне, в общем-то,
достаточно
глотка...

Я, конечно, очень странный.
Если утром, встав чуть свет,
Напеваю о туманах
Старой песенки куплет.

Я, должно быть, несуразный —
Все, что должно, — кувырком.
Говорим с тобой о разном,
А мечтаем об одном.

Я, возможно, невезучий,
Если каждый раз, чудак,
Полагаю — будет лучше,
Даже если все не так.

Я, наверное, беспечный,
Если правде вопреки
О любви пишу, о вечной,
Умирая от тоски.

Вот окна —
прозрачны.
И двери открыты —
а вдруг ты вернешься,
остыв от обиды?

Но тихо за дверью,
как вымер весь дом...

Сидит воробей за закрытым окном.

Конечно, есть выход —
не в двери, так в окна!
Тебе не сумел рассказать я
о стольком.
В том месте, где ты постояла, —
светло...

Ударился шмель головой о стекло.

И можно сквозь стены.
С разбегу, конечно.
Вернись.
Я иначе могу и навечно.
Молчит телефон.
Ни звонка — хоть разбей!

Без памяти шмель. Рядом с ним — воробей.

Фантазии, право.
Ведь двери открыты.
И вот ты вернулась,
остыв от обиды.
«Как жаль, — говорю, — разглядеть не успел:

Склевали шмеля или он улетел?»

Эдите Пьехе

Помолчим, давай помолчим
Здесь, у самого у порога.
Нас рассудит теперь дорога,
Ну, пожалуйста, помолчим.

Нету времени изменить
Ничего из того, что случилось.
Если в сердце тоска осталась —
За нее меня извини.

Нету времени упростить
Ничего из того, что было.
Если счастье мимо проплыло —
И за это меня прости.

Нету времени досказать.
Хорошо, что молчим недолго.
Мы и молча умеем лгать,
Если очень страшит дорога.

И. И.

Невесенние стихи

Не чувствуем мы лет своих, увы.
Все тот же запах молодой травы.
Все те же краски, звуки и слова,
Все то же солнце, та же — синева,

И мы — все те же,
Тот же старый сад,
Как десять, двадцать,
Тридцать лет назад...

Но вот мальчишка место уступил.
О шляпе кто-то:
«Тот, седой, забыл...»
Ребенок чей-то расшалился вдруг —
Окликнул голос:

«А не ваш ли внук?»
И девушка —
О, как она мила! —
Как мимо статуй,
Вежливо прошла...

Ведь пустыки,
Не правда ли?
Увы.
Стал горьким запах
Молодой травы.
И краски потускнели,
И слова.
Поблекло солнце,
Стерлась синева.

Какая между тем и этим
Связь?
Не до того,
Уходим, торопясь...

Что и взять с любви,
Когда она — пуглива,
Ходит прямо,
А всем кажется,
Что — криво.

Уклониться от беды? —
Не уклонится.
Заслониться от тоски? —
Не заслонится.

И горит-то,
Словно лампа.
Вполнакала,
Беззащитна и робка,
А напугала...

Т. А.

Не в том, конечно, суть, не в том,
Что происходит за окном
На тихом пяточке сугробном,
Где в одиночестве недобром
Безмолвно корчатся дубы.

Не занимать мне у судьбы
Ни долгих лет, ни громкой славы,
И даже сладостной отравы
Не буду у нее просить —
Свою бы до конца допить —
И чашу об пол!

Но послушай:
Не наши ли тоскуют души,
Вновь разбежавшись по углам?
И смотрят грустно друг на друга —
Такая странная разлука,
В ней счет не по часам — векам.

...Мой малый мир — лишь жалкий слепок
С того, который груб и терпок,
Недобр, нетерпелив, горяч,
В котором смех сменяет плач
И сохнут слезы на ресницах,
Едва лишь прозвучат слова.
В котором может вдруг присниться,
Как бродят ночью дерева,
И падают на землю птицы,
И в землю прячется трава,
И наши трепетные «ах»
Качают ветры на ветвях,

Покуда мрачные дубы
Их вновь не сменят на «увы».

И понимаешь как-то вдруг,
Что на себе замкнул ты круг —
Все, что в тебе и за окном,
Единым связано узлом.

И ты поверил в то,
что не успел?
Не изменить уже того,
что стало?
Ты разгляди
возможного предел,
а после —
невозможного начало.

Пусть утверждают —
заколдован круг:
Как ни ходи —
исход давно известен.
А ты шагни.
через «авось» и «вдруг».
Везет не тем,
кто топчется на месте.

Пока он есть —
единственный твой шанс.
Пускай последний даже —
эка штука!
Ты лишь шагни.
Что из того, что шаг
всего один?
Ты вырвался из круга.

По крайней мере, сделал,
что хотел.
Но этого, увы,
Чертовски мало!

Да, ты узнал
возможного предел,
но где же
невозможного
начало?

К дождю ли,
К снегу
Эти облака —
Они о том
Не ведают и сами.
Сладка любовь
Или, увы, горька —
Одними омывается слезами.

Любовь не скажет,
Ну а спросит кто,
Когда она ушла
И все простила.
Была любовь,
Спасибо ей за то —
Хотя б за то,
Что просто посетила.

Ушла любовь.
В том не ее вина.
Мне жаль людей,
Которым недостало,
Не знающих,
Как сладостна она
И как горька,
Когда ее не стало...

Пушистым снегом,
Теплым ли дождем
Те облака
Осыпятся-прольются...
Земля, должно,

Не ведает о том,
Поскольку ей
Не страшно
Обмануться.

Шутливое

Говорят, у влюбленных
словарный запас попугая —
не найдешь и десятка
нестершихся слов,
потому я,
штампованных слов избегая,
объясниться с любимой решился
посредством стихов.

— Что ж, стихи как стихи... —
Отложила с улыбкой их, словно
не касались ее
вдохновенные эти слова.
— Не сердись, — попросила, —
наверное, я не права,
но о чем это все?
не пойму ни единого слова...

Я печально соскреб
позолоту сравнений,
не без боли разрушил
метафор и образов строй
(а ведь мог бы сказать,
сколько чудных мгновений
испытал,
заменив многоточье
простой запятой).

Очищая стихи
под ее неусыпным надзором,
с удивлением видел —
и вправду, слова что вода...

Через миг
под туманным словесным узором
проступила бесстыдно
листка нагота...

— Ты права, — я сказал,
про себя убиваясь,
— остальные стихи,
что тебе посвятил я,
спалю...
— Напиши мне, — сказала она,
улыбаясь,
— очень старое,
глупое,
нужное слово
«люблю».

А. Иванову

Стоим в ночи —
Холодной и пустой,
К далеким звездам
Запрокинув лица.
И чуда ждем,
Как знаем —
В бездне той
Оно живет
И до поры таится.

Что движет нами
В этот смутный миг,
Когда в себе
Сомненья разрушая,
Мы открываем
Над собою
Мир,
Что молчаливо смотрит,
Вопрошая?

Тревожный мир —
Ни дна, ни берегов...
Насмешливо в глубины
Приглашая,
Он ждет от нас
Каких-то нужных слов,
Ответных нам, увы,
Не обещаая.

Огромный мир —
Ведь мы песчинки
В нем...
Плывем себе,

Едва ли представляя —
Откуда мы,
Зачем,
Куда плывем,
Что оставляем,
В Лету уплывая?

Что наша жизнь? —
Какой-то краткий миг,
Как искорка
В слепом объятье стужи.
Вот прозвучал
Победный первый крик.
Последний вздох
Его сменяет тут же...

Ночь не советчик.
О, она хитра!
У ней на все
Найдется возраженье.
Она, как мы,
Лишь наше
Отраженье.
Как мы —
Бессильна.
И как мы —
Мудра.

Бессрочна правда?
Нет, и здесь есть сроки.
Он прав, сказавший это, прав...
Вот боремся за правду,
Но, устав,
С дороги сходим
Или с полдороги,
Чтоб отсидеться,
Так сказать, в кустах...

И что же дальше?
Что-то делать надо —
Как ни смотри,
Была то правда все ж...
Хоть правда опоздавшая
Не ложь,
Но все-таки она уже
Не правда.

А что ж тогда?
Увы, не разберешь...

И к истине пути окольны.
Она то случай,
То — каприз...
И вот уже в той жизни сонной
Мужик с высокой колокольни
На самодельных крыльях —
Вниз!

Молчал народ настороженный,
Лишь бабы ахали в платок:
— Да как же так —
Пооди, крещеный?! —
А он,
Полетом упоенный,
Летел,
Как самозванный бог!

Искали истину на небе,
На перепутье трех дорог.
Не мог прожить народ без хлеба.
Но и без правды, нет, не мог.

Бывало, заблуждались все мы,
За правду принимая ложь.
То были мы, как рыбы, немые,
То говорливы невтерпеж,

Порой сгибались так же низко,
Как поднимались высоко,
И сердце, что взрывалось близко,
Не нарушало наш покой.

Врага в дома свои пускали,
Гоня безжалостно друзей...

О, сколько было их в опале
Незрячей совести моей!

Да, истина всего дороже,
Но часто призрачный елей
Неправду прикрывает все же,
И хоть отрекся Галилей
От всех своих идей безбожных
И на суде покорно сник,
А ведь попал в легенду тоже
Тот перепуганный старик.

Так в чем же истина была,
Когда такая онемелость?
Да в том,
Что вертится земля,
И он увидел, что вертелась.
И пусть он прикусил язык —
Он и без этого велик.

...Как много истин непреложных
Сменилось,
Но не торопись
Их относить к разряду ложных.
Из них из всех —
Простых и сложных,
Как из пеленок,
Осторожно
В сегодня
Выбиралась жизнь.

Что из того, что некто строго
И гневно суживал глаза,
Когда мужик тот в небеса
Впервые пробовал дорогу?

Что из того,
Что два крыла —

Те, что мужик к рукам приделал,
Когда-то церковь прокляла?
Ведь все равно тогда
Взлетел он,
Ведь все равно
Познало тело
Ту страсть,
Что грешною слыла.
И в этом
Истина была!

ЭТЮДЫ

А ночь опять взялась за решето —
просеивает звездные пылинки.
Луна блеснула золотой дробинкой,
скатилась вниз и канула в ничто.

И звон стоит от выпавшей росы,
трава в серебряных заклепках вроде,
и кажется, что это мы заводим
твои, природа, вечные часы.

Опять мороз...
Я слышу,
как в стекло
вмерзает ночь,
как где-то за деревней,
сбежавшись в кучу,
прыгают деревья...
Мороз такой,
что светится
окно.

Томит неясностью
все та же канитель:
то в сад мороз залезет —
волком рыщет,
то солнце выглянет,
то забредет метель
и станут вдруг сугробы
за ночь выше,

то ветер вновь
раскрутит карусель,
то оттепель туман
в кулак надышит,
то застучит
прерывисто капель...

Март босиком
бежит по теплым крышам,
внизу стоит
застенчивый апрель.

А первый снег
всегда как откровенье.
И словно свет пролился — так светло!..

Чернеет лес
строкой стихотворенья
на чистом поле,
что лежит — бело...

Сосна верхушку
клонит в отдаленье,
как будто жизнь
отбросила перо,
задумавшись о чем-то
на мгновенье...

Вот я вижу — был ночью снег,
а по снегу цепочкой след.
Понимаю — то человек
Здесь прошел и оставил след.

Ну и что из того теперь,
Разве мало таких следов?
Но вот стал же воздух теплей
над цепочкой твоих следов...

Утро

Как будто небо подменили, будто
здесь ночью чья-то сонная рука
развесила неровно облака,
у горизонта приспустив слегка,
чтоб подсинить и подсушить попутно,

заря сквозь них просвечивает скудно...
Луна плывет, угадываясь смутно,
как рыба,
выпавшая из садка...

Глаза неспешно
открывает утро,
как будто жить осталось
не минуты —
века...

Метель

А ночью вновь она была,
И вместе с ней — лихая свита.
Метель, космата и бела,
То дверь мою с крючка рвала,
То, прислонясь к стеклу, звала
Меня насмешливо-сердито,
То, в поле отбежав, ждала,
То, забываясь, деловито
Вокруг себя снега мела
И, заметая след, лгала,
Что незабытое забыто.
Она ушла...

И вновь легла
На белый снег ночная мгла...
А где-то там, лесами скрыта,
Сложив пушистых два крыла,
Метель, как девочка, спала.
О, если б не было стекла,
О, если б дверь была открыта!

Туча

Она привыкла торопиться —
весной в природе толчея...
Мелькают струи, словно спицы,
шуршит, спадая, кисея.

В стремленье яростном излиться,
хотя бы в этом вида прок,
она решила на поток
поставить дело, бросив спицы,
чтоб на века, как говорится...

Но ничего уже не ждешь,
когда сменяет мастерицу
ремесленник — обвальный дождь.

На полустанке

Проходят поезда — зачем они проходят?
Уходят поезда — куда они идут?
Толпятся деревья здесь при любой погоде —
кого-то провожают, кого-то, может, ждут.

Ни ближе подойти, ни отойти подальше,
и если уж бежать, так только — в высоту,
но нет в стояньи их ни вызова, ни фальши,
положено стоять — стоят себе, растут.

Нет зависти у них и нет у них корысти,
и может, ночью лишь таинственно строги,
да только раз в году теряют разом листья,
как прячут до весны ненужные платки.

И катят поезда по избранной дорожке,
проходят — просто так, уходят — по делам.
Здесь остается гул —
как спрыгнул вдруг с подножки...

... Я видел, как он спал,
прижавшись к деревьям.

«ЗЁРНА»

(Иронические стихи)



ПРО ИРОНИЮ

Вот я написал — «иронические стихи» и понял, что надо сразу же объясниться, какую иронию имею в виду.

Видов ее предостаточно. По-гречески ирония значит насмешка. За тысячи лет она сумела накопить в себе немало яда и желчи. Даже такой термин есть — «убийственная ирония». С другой стороны, Платон говорил об иронии как о притворстве мудреца во имя истинного знания.

Так что тут не все просто.

На обложке книжки крокодил держит в лапах вилы. А почему — вилы? Разве сам по себе крокодил — не страшно?

Конечно, в жизни нам с ним встречаться не приходится — он в нашей фауне не значится. Даже в зоопарках крокодилам не очень уютно — они чаще всего спят.

Я специально сходил посмотреть: на обложке журнала нарисованный крокодил больше похож на крокодила, чем эти, настоящие.

Я стоял у ограды и думал: зачем крокодилу вилы? У него же зубов полон рот. И вообще он — существо малосимпатичное, сплошная угроза нашей жизни и здоровью.

Один из них открыл лениво глаз и внимательно на меня посмотрел. Очень он враждебно это сделал. Такая чисто человеческая привычка прицеливаться меня покорила, и я сразу понял, что нам, людям, с настоящими крокодилами не договориться. Они нас никогда не полюбят. И на всякий случай отошел от ограды: кто знает, что у него на уме?

Тут-то меня и осенило: крокодил с вилами — это ирония. То есть сами крокодилы, естественно, никакими вилами не пользуются, но они, вилы, хорошо маскируют их истинные возможности. Мы видим вилы, которыми нам угрожают, а думаем при этом все-таки о зубах крокодила.

Зубы — это подтекст.

Другой пример. Некоторые укротители работают с тиграми и львами, у которых нет ни клыков, ни когтей. Эти звери лишь

притворяются на арене злобными хищниками, чтобы нам с вами было страшно и мы восхищались тем, как укротитель безбоязненно с ними общается. Мы же не знаем, есть у этих артистов когти и клыки или нет. Видим только, как они рычат и пытаются не слушаться дрессировщика.

Тут подтекст тоже присутствует, но основан он на нашей полной неосведомленности.

Теперь пример из другой области.

Герой фильма «Осенний марафон» со всей силой пинает картонную коробку и начинает от боли прыгать на одной ноге. Хромая, он возвращается, раскрывает коробку и видит там кирпич. Зачем и кто его туда положил — непонятно, но все равно очень смешно.

Кирпич в картонной коробке — это подтекст, который выявляется самим героем фильма одновременно с нами, зрителями. Он и становится поводом для дружного смеха. Хотя, конечно, ничего смешного в притворстве кирпича нет. Это скорее «смех сквозь слезы». Кстати сказать, весьма разработанная в жизни и литературе ироническая линия, когда плачет один, а смеются многие. Смешного в жизни вообще-то не так уж и много. Чаще всего смешно тем, кто смотрит со стороны.

Поскользнулся человек и сел в лужу. Разве не смешно? Или кто-то выплеснул остатки томатного сока в открытое окно скорого поезда, и в этот же момент кто-то другой в соседнем купе решил подышать свежим воздухом...

Обхохочешься!

Никакого подтекста, кроме сплошного безобразия, в этих ситуациях нет, а люди все равно веселятся от души.

Я знал одного человека, которому очень не повезло в молодости. Он купил своей любимой девушке огромный букет пионов. Букет стоил дорого, у него не осталось даже мелочи на трамвай, и ему пришлось идти пешком через весь город. Рассказывали: люди оглядывались — такое у него было счастливое лицо. И еще рассказывали: никто больше в том городе подобного букета никогда не видел. Это, конечно, был царский подарок. Букет вызвал в доме, куда юноша пришел незванным, большой переполох, потому что не нашлось даже вазы подходящего размера. Но уже в следующее мгновение все кончилось крахом. Когда цветы

высвободили из целлофановой пленки и распутали нитки, они просто-напросто развалились на части. Оказалось, что все пионы были искусно насажены на стебли спичками...

Кто-то очень нехорошо подшутил над бедным аспирантом, а может, сжульничал, как это иногда кое-где еще случается.

Я не знаю, кто первый в том доме рассмеялся и что это был за смех — легкий, облегчающий душу, развеивающий недоразумение или, наоборот, колкий, язвительный... Знаю только, что гость ушел из этого дома и больше никогда не переступал его порога.

Спустя много лет я встретил его, уже немолодого и лысого, на одном официальном мероприятии и видел, как он брезгливо отодвинул от себя вазу с пионами, словно они дурно пахли.

Такая вот грустная история...

Может быть, она и не имеет отношения к нашему разговору про иронию, но согласитесь, что в таком притворстве цветов на спичках или кирпича в коробке подтекст слишком значителен, чтобы его переварить спокойно.

Грубо говоря, это тоже своего рода «фига в кармане», по выражению другого моего знакомого, который любил развлекаться тем, что подсовывал своим гостям на тарелки резиновые сосиски и ржал во весь голос, когда они, любовно намазанные горчицей, выпрыгивали из-под ножей и вилок кому-нибудь на колени...

Это было вовсе не так смешно, как ему представлялось...

И смешное, и грустное — как нитки в спутанном клубке жизни. И разве не ирония судьбы в том, что вместо одной нитки кто-то вытаскивает другую.

Вот почему я из всех известных мне крокодилов предпочитаю крокодила Гену из детского мультика.

Ему не нужно никому угрожать своими зубами, потому что все знают, что он — крокодил.

Добрый, благожелательный, но все-таки...

Три минуты

Телефонная будка,
И в ней человек отрешенно
Что-то шепчет и шепчет —
Я вижу лишь спину его.
«Три минуты прошло! —
Говорю я ему раздраженно. —
Три минуты прошло!» —
И стучу я монетой в стекло.

Только что я ему?
Он, прижав к уху трубку,
Продолжает шептать,
Словно нет тут вокруг никого.
«Три минуты прошло!!»
Кто-то вскинул решительно руку...

«Три минуты прошло!!!»
Две монеты стучат вперебой о стекло.

Обернулся он к нам.
Пробурчал что-то очень брюзгливо, —
Дескать, что за базар?
И, естественно, нас понесло:
«Три минуты прошло!!!»
Женский голос ввинтился визгливый:

«Три минуты прошло!!!»
Три монеты уже штурмовали стекло,

Он, конечно, ушел.
Говорить ему так и не дали.
Что он мог сделать с нами —
Увы, ничего...

Взял я теплую трубку,
А в ней голоса умирили
Три минуты и жили,
Три жалких минуты всего...

Ну, да что мне до них,
Если случай вдруг выпал счастливый —
Дозвонился впервые —
В такие края занесло!
«Три минуты прошло!»
Вновь услышал я голос визгливый.
Две монеты ударили разом в стекло.

Я, конечно, ушел.
Да и что мне еще оставалось?
Говорить не дадут,
Может, высадят даже стекло...
«Три минуты прошло!»
Словно вечность делили,
Не малость —
Три минуты!
А может, и меньше того...

Встал я в очередь снова.
За тем человеком, конечно.
Распирала нас злость —
Это ж надо, чтоб так не везло!
«Три минуты прошло!» —
Голос тут же я подал поспешно.
«Три минуты прошло!» —
Постучал я монетой в стекло...

Однажды в театре

Признание актёра — исполнителя главной роли, которое следует за его концептуальным разговором с персонажем (в тексте — герой) во время последнюю антракта.

...Случилась беда
после третьего акта.
Спросил у меня
возбужденно герой:
— А вам в самом деле
нисколько не жалко?
Ведь что-то же есть
у меня за душой?

— Конечно,— сказал я,—
есть много решений,
но мы, воле автора вопреки,
решили идти по пути
обобщений,
чтоб выполоть разом
все сорняки...

— Но я ведь живой?!
— Ты — лишь образ,
суждение,
и наш режиссер
гениально сказал,
что суть не в герое совсем,
а в явлении,
и это явление я показал.

— А как же со мной?
— А с тобою все ясно!

Ты нужен был нам,
чтоб ударить в набат —
без всяких оттенков,
лишь черная краска.
Суровая муза —
комедия, брат!

Должно быть все четко:
что плохо — то плохо...
— Но автор мне верил...
— И в том виноват!
Не терпит сюсюканья
наша эпоха.
Он взял колокольчик,
а нужен —
набат!

Ты слышишь,
как нас поздравляют
с успехом,
как громко звучит
вожделенное «бис»?
Смеясь над тобой,
очищаем мы смехом
себя и других,
ну а значит —
и жизнь!

...Пока что в случившемся
много не ясно.
Быть может, единственный
случай такой:
со мной,
с режиссером моим
несогласный,
пощечину дал мне
публично герой...

— Неужто и вправду
заснули, маэстро? —
тряхнула меня
режиссера рука...

О, как я играл —
вдохновенно и дерзко,
и странно —
гореть
перестала
щека...

Не беда

Хлынул дождь.
О какой вдруг случился поток!
Показалось на миг,
что — всемирный потоп.
Задохнулась от радости странной
река
И метнулась,
оставив свои берега.
И пошла,
И пошла...

Ах, какие бега! —
Через рощи,
дороги,
овраги,
луга —
все сметая с пути,
проносилась, легка,
разлилась широко
и, как море, легла
на огромных просторах она —
на века?!

Но вот кончился дождь,
и, дожив до зари,
сотни луж стали в небо
пускать пузыри...

Ветер к солнцу
сушиться поднял облака...
Безымянной в полях
умирала река,
не вернуться уже —
расплескалась до дна...
Все как прежде.
На месте стоят берега.
И чисты, и прозрачны
глаза родника...

Детский лепет
бегущего вновь ручейка:
«Не беда,
Не беда,
Не беда,
Не беда!»

Печальные стихи с оптимистическими вопросами

Окончен спор наш.
Жизнь свое берет —
не как хотелось,
нет, наоборот.
На гвоздик — крылья,
в тот последний ряд,
откуда не снимают.
Там — висят.

Мечты...
О, боже мой, какой эфир!

Катком гигантским
набегает мир
на два крыла,
что сделаны из воска...
Катку, конечно,
не хватает лоска,
Зато тяжел он
и неотвратим,
и что-то там
уже хрустит под ним...

Но в стену гвоздик
кем-то кстати вбит.
Он для того,
который отпарит
и сложит крылья,
и повесит крылья,
чтобы потом
не вспомнить без усилия,
что был крылат
и вроде бы летал,
и чувства нет,
что много потерял...

Но кем-то в стену гвоздик все же вбит?
Но для кого-то крылья жизнь хранит?!

О ковре-самолете

Мы сидели за столом
в ресторане, в чинном зале —
что-то вкусное жевали,
говоря о том о сем.

Двое — так себе, увы,
Средних лет и средней стати,

возмечтали вдруг некстати
о возвышенной любви.
То ль земной недостает,
то ли счастья не хватает —
души взмыли и витают
у заоблачных высот.

Но любовь, известно, зла -
третья, что сидела рядом,
убежала вскоре взглядом
на другой конец стола.

Кто-то вспомнил о ковре,
ну, конечно — самолете!
Встрепенулась:
— Вот даете!
Все смешалось в голове.

С самолетом — что за вкус?
Не взяла бы без раздумий!
Я на днях видала в ГУМе —
То ковры! Была без чувств.

Мы на землю — кувырком! —
с облаков летели вместе.
Смотрим — вроде все на месте
в чинном зале, за столом:

Двое — так себе, увы,
средних лет и средней стати,
и девица в модном платье,
как и прежде — визави,

хороша и молода,
не сидит, а пребывает.
— Да... — сказал один, — бывает...
— Да, — другой ответил, — да...

— Что ты думаешь о смерти?
Ждет она, расставив сети,
к ней идешь на всех парах...

— Я не думаю о смерти —
дел немало на планете,
я за жизнь за всю в ответе
здесь с природой на паях.

— Чепуха! Все сдует ветер.
Все, что есть на этом свете,
превратится в тлен и прах,
и однажды на рассвете
смерть придет.
Что скажешь смерти?

— А скажу — некстати встретил.
Я теперь один на свете:
Пайщик мой — увы и ах...
Вся планета на руках,
Вот цветок — и тот в зубах.

Романтическая история с печальным концом

На горе стоит
коза —
очень грустные глаза:
надоело быть
козой,
захотелось —
стрекозой.

И случилось —
вот дела! —
На глазах растут крыла.
И...
взмахнула!
И...
пошла! —
Кругом
около кола...

Кто-то помешал стезе,
гору
привязав
к козе.

Разлуку ожидаешь
как обвала,
а подошла, неслышная,
тайком —
и словно сорвала вдруг
покрывало
и обдала внезапно
холодком.

Ну, это ладно,
дунет — перестанет.
Уж коль пришла —
пусть заберет свое.
Беда, когда
она снежинкой стает,
и вот уже
как не было ее...

Томление

Мне многое надо,
мне многого хочется,
и, сбросив с себя,
как пиджак,
одинокчество,
по теплым аллеям
знакомого сада
пойду я туда,
где темнеет ограда,
на место укромное,
к детской площадке,
где дети возводят
песчаные замки,
чтоб там посидеть
на нагретой скамейке,
увидеть, как тень
извивается змейкой,
как кто-то на дольки
кроит апельсин
и, жмурясь на солнце,
грустит без причин...

Пустяки какие, право...
Пусть я славой не увенчан,
но любить имею право
самых лучших в мире женщин.

Да, согласен — я не вечен,
Да, уйду в безвестность ту же,
Но люблю совсем не меньше,
И любовь моя не хуже.

Не нахал и не задира,
но беру я в руки лиру
и пишу, как три Шекспира,
не явившиеся миру.

Да, гляжу на жизнь я смело,
да, лицо открыто ветру.
Я люблю, как три Ромео,
незабвенную Джульетту.

Не нужны великих лавры,
взял свои б, но по закону.
Что там мавр? Во мне три мавра —
все ревнуют Дездемону.

Жизнь любовью одарила,
светит так — зимою жарко!
Жаль, что нет уже Шекспира,
Данте нет и мертв Петрарка.

На семи ветрах не гаснет,
не тускнеет от печалей...

И вздохнет на полке классик:
«Мы такую не встречали!»

К дороге сбегаются тропки
И вяжут свои узелки.
Немало их здесь
Проступило у самой дороги!
И кто-то проходит бездумно,
Чеканя шаги,
И кто-то склонился над ними
В неясной тревоге...
И кто-то еще,
Проскочивший стремительно вдаль —
Шуршание шин
И уверенный рокот мотора.
Зачем ему тропки?
Восторженно жмет на педаль,
Как лбом прошибает
Прозрачные стенки простора.

О, поздняя мудрость!
Мы носим ее, как медаль,
Нуждаясь, как прежде,
В участие чужом и подмоге.
О тропках не помним.
Нам тропок забытых не жаль.
Когда есть дороги,
Не думаем мы о дороге...

Самопародия

Как должно жить
и как не надо,
жизнь знала лучше,
в корень зря,
вела поэта
вдоль ограды
из в землю вкопанных
«нельзя».

А он хотел быть
с ней на равных,
поскольку знал,
что предпочтет
он надоевшим
спускам плавным
стремительный,
как выстрел,
взлет.

И вот,
готовясь в одночасье
сгореть,
оставив след в ночи,
он написал стихи
о счастье
быть тихим пламенем
свечи...

ПРО ЛЮБОВЬ

Хочу рассказать одну историю.

Кому-то она может показаться банальной, но это не так. Потому что она про любовь. И еще — про стихи.

Что такое стихи, знают все.

Стихи — это когда пишут в рифму. Например, «любовь — кровь». Допускаются и не такие точные. Так, можно срифмовать «боль» — «любовь». Но главное здесь — расположение строчек.

Вот напишу я: «Она меня любила, и я ее любил. Она меня забыла, и я ее забыл». Что буду делать я с этой одной строчкой? Ничего. К тому же мне могут сказать, что здесь, кроме местоимений и двух глаголов, ничего нет. В прозе такое не допускается. А если я то же самое оформлю в виде лесенки, то получатся уже стихи.

Стихи про любовь пишут многие. Может быть, даже все. При этом каждый пишет, естественно, про свою любовь, а стихи все равно оказываются похожими.

Очень странная какая-то особенность у этих стихов про любовь. Такое впечатление, что нам кто-то шепчет на ухо уже готовые стихи. Но не все, конечно, запоминают слово в слово, а главное, не все их потом печатают. Большинство дарит их своим любимым, просто чтобы порадовать.

Теперь про любовь.

О любви сейчас пишут меньше. Не то чтобы к ней уважение потеряно, нет. О ней пишут чаще в связи с чем-то. С работой, например. Сама по себе она как бы уже мало значит. Я не знаю, почему так произошло. Может, потому, что человечество в целом устало от любовных переживаний и решило чуть отдохнуть?

Когда-то люди умирали от того, что им мешали любить. Теперь таких неприятностей почти не бывает. Люди научились любить не так категорически, как прежде. И потому, наверное, они доживают до второй и третьей любви. Бывает даже, что именно вторая или третья любовь оказывается более яркой, чем первая.

Думая об этом, я понял, почему так много людей начинают любить в стихах и стихами. Тут все можно, все дозволено: и проклинать, и плакать, и угрожать, и иронизировать, и даже умирать от любви. Вот напишите, например, прозой: «Ты — моя отравка, вся жизнь тобой отравлена, я каждой жилкой чувствую, как я травлюсь тобой...» Что о вас подумают? Скажут — сумасшедший. А в стихах это выглядит вполне достойно и даже воспринимается как комплимент.

Я знаю одного человека, который дарил своей любимой каждый день по стихотворению. При этом он их нумеровал, что было очень удобно для чтения, потому что можно было понять, как именно, когда именно и что именно он переживал, думая о своей возлюбленной. Стихотворение за № 366 (год был високосный) звучало так:

*Опадало прошлое, как листья,
Обрастало опытом — корой.
Много новых обещали истин
Почки, не взошедшие весной.*

*Все понятно до последней точки.
Не взмахнуть надломленным крылом...
Пальцами крошу сухие почки,
Как стираю память о былом.*

И сразу стало ясно, что любовь кончилась. И действительно, та, которую он любил, вышла замуж за простого инженера. Оказалось, что она к стихам вообще относилась равнодушно, никогда их не читала, а складывала в ящик письменного стола и даже не следила за нумерацией. Инженер ее поначалу испугал тем, что тоже хотел почитать ей свои стихи, но потом почему-то передумал и сказал прозой: «Я тебя люблю!» Вот за это она его сразу полюбила. Подумать только! Всего три слова, и такой эффект! А мой товарищ исписал, наверное, десять тысяч слов, причем самых красивых, какие только в словаре нашлись, но ничего все равно не получилось.

Я это говорю ей не в осуждение. Просто она такой была человек. А с мужем ей повезло. Он еще немного пописал стихи, но

потом бросил и не стал от этого хуже. Наоборот, она его еще сильнее стала любить, и они даже сходили однажды вместе на поэтический вечер, где мой товарищ, к сожалению, не выступал. И это было тоже удачей, потому что он к тому времени уже стал поэтом, то есть человеком, который сделал из своих переживаний профессию, и оттого характер у него сильно испортился. Она же хотела оставить его в своих воспоминаниях таким, каким он был где-то на отметке 5-го стихотворения.

Они тогда вернулись домой в хорошем настроении и пригласили меня к себе в гости на чашку кофе. Мы, конечно, заговорили о стихах, и она достала большую толстую папку писем с перепутанными номерами. Весь вечер мы читали эти стихи, и лицо у нее светилось от гордости. Мужу тоже было приятно, потому что он был муж этой женщины, которой поэт посвятил столько стихов, а она все равно его не полюбила. И ничего не сказал по поводу неточных рифм, к которым был особенно чувствителен. Он просто сидел с влюбленным лицом и смотрел на свою жену.

Я же смотрел на них обоих и думал о том, что хорошо, когда люди читают стихи про любовь. Особенно в тесном семейном кругу. И как было бы хорошо, если бы у каждой женщины хранилась большая пачка стихов, которые были когда-то написаны только для нее.

У них у всех были бы такие же счастливые задумчивые лица, как у этой моей знакомой. Жаль, что этого никто, кроме меня, не видел! И потому я решил опубликовать несколько стихотворений про любовь, чтобы все другие имели какой-то образец.

Может быть, и они станут писать стихи в основном для своих любимых, радуясь тому, что у них, любимых, от этого будут светиться лица. Даже если это произойдет спустя много лет... Ведь в конце концов любимые не стареют. Как и стихи, которые не становятся лучше от того, что их начинают печатать большим тиражом.

Сентиментальное

Я не об этом.
Вовсе не об этом.
Что проку рыться
на задворках лет?
В моем окне
совсем немного света —
он еле виден,
тот неяркий свет.

Нет, не костер —
его не спрячешь в доме,
и уголька б никто
сберечь не смог.
То просто заплутавший
светлячок,
он не горяч —
возьми его в ладони.

Возьми его в ладони,
поспеши,
пока еще живая
искра эта.
Ведь если правда —
нет души без света,
то, значит, нет
и света без души.

И есть на то
свои, должно, причины,
что я спешу,
услышанный едва ль,
хотя не в моде
странные мужчины,
чья теплота,
как солнце —
сквозь вуаль...

Ну, вот письмо...
Получено с задержкой.
Кого винить?
О, время,
О, дела!
Но вновь я стал
И молодым, и дерзким
От этой капли
Дальнего тепла.

Мне хорошо,
Мне грустно,
Мне печально,
Тоскливо мне
И радостно чуть-чуть.
Я, как поэт —
Любимый, но опальный,
Который ждет,
Что вспомнит кто-нибудь.

Ты вспомнила,
И всей душой оттаяв,
Ищу в словах я
Нужные слова,
Но в точку превратилась
Запятая,
Такую жирную,
Что обойдешь
Едва...

Признание

Убежал бы — никак нельзя.
Хоть случайная, но вина.
Набежали вдруг на меня
Колдовские твои глаза.

Окружен с четырех сторон,
Даже, кажется, изнутри...
Нет уж, если взяла в полон,
То не мучай — приговори!

Я согласен давно на все
И пощады не попрошу.
Посмотри на мое лицо —
Подменили, а я ношу.

Вот и сердце мое — смотри:
Бьется так же, хотя оно
Тоже вроде заменено...
Ты не мучай — приговори.

Ведь мне, правда, бежать нельзя.
Мне сдаваться прямой резон.
Пусть продлят навсегда полон
Колдовские твои глаза.

Пусть мне светят они, маня
От одной до другой зари...
Ты не мучай — приговори
К вечной ссылке к тебе
Меня!

Раздраженное

Ищу слова.
Не немощь — немота.
Бессонница,
И ты,
Как наважденье...
И все не так,
Кругом не те,
Не та —
Прощанье было,
Не было прощенья.

Да, проще так:
Сказать «благодарю»,
И в тень уйти
От всяких пересудов,
И свет искать
Спиною к фонарю,
И пира ждать,
Всю перебив посуду...

Нету бога, помимо женщины

Первозданное.
Неизменные —
Ночь.
Луна.
Тишина.
Песок.
Вот в подобную ночь, наверное,
Человека придумал бог.

Вот такого придумал — разного,
Словно склеивал по частям:
Очень чистого, очень грязного,
Но единого, как и сам.

И вдруг вспомнив закон о парности —
Не поставили бы в вину! —
Еще раз блеснул гениальностью,
Сотворив из ребра жену.

Так и жили б они по заветам,
Ну какие в раю грехи?
Если б раз не вкусил запретного
Парень с легкой женской руки.

И поклялся тогда повелитель
В неподдельном гневе своем,
Что навечно радость открытия
Называться будет грехом.

Осудив свою опрометчивость,
Он сложил с себя сан и чин.
С этих пор вместо бога женщина
У неверующих мужчин.

Все теперь стало просто и чинно,
Все привязано к одному,
И спокойно грешат мужчины,
Ставя женщине грех в вину.

...Вы их помните — недоверчивых.
Не увидевших правду в том,
Что однажды мужчина с женщиной
Промолчали всю ночь вдвоем?

Знатоков этой тонкой области,
Все познавших — куда уж там!
Как искали они подробности,
Шаря с лупами по кустам.

Ах, в каком они были бы раже,
Если были бы мы на «ты»,
Если б видел я вас не однажды
Выходящую из воды.

Кто попроще, те скажут — нечего
Здесь доискиваться причин —
Просто ночью бывает женщина
Привлекательней для мужчин.

Ну а те вон, что понаучнее,
Что вынюхивают кусты,
Говорят, что грешить сподручнее
С наступлением темноты...

А представьте, мы снова встретились
И остались опять вдвоем —
Днем ли, ночью ли, на рассвете ли —
Все равно назову — грехом.

Ну их к дьяволу!
Пусть копаются!
Мы по-своему будем жить:

По велению совести каяться,
По призыву души грешить.

К райской жизни, к желанной вечности
Мы не будем искать ключи:
Нету бога, помимо женщины,
У неверующих мужчин!

И не циники, и не нытики,
Мы труднейшим идем путем,
Даже если радость открытия
Называет кто-то грехом.

Уж такие мы — очень разные
И по-разному все живем:
И случается — труса празднуем,
И бывает — прем напролом.

Кто же скажет, чего нам хочется,
Если хочется жизни всей:
То мечтаем об одиночестве,
То о шумном столе друзей,

Сомневаемся, ищем, маемся,
Балансируем на краю.
Хоть жестоко порой обжигаемся,
Все же тянемся вновь к огню.

НАПИСАННОЕ НА БЕГУ

Непосланная записка

Ты возьми меня на поруки
И не спрашивай ни о чем.
Я стою у дверей разлуки
Разорившимся богачом.

Бессребреник — вся недолга,
Хоть казни меня, не казни.
Я выпрашиваю у порога
Медяки из твоей казны...

Подражание восточному

Еще творился мир
В ночи — черней чернил,
А я тебя любил.
Уже тогда любил.

Лишь первый на земле
Родник скалу пробил,
А я тебя любил,
Уже тогда любил.

Когда тебя аллах
Еще не сотворил,
Уже тогда тебя
Я трепетно любил.

Грустная песенка

Ну подумаешь — случилось!
Ожидалось ведь — не вдруг.
Что же именно разбилось,
Выяснить нам недосуг.

Слово вырвалось какое
И с размаху — по душе?
Или что-нибудь другое?
Не узнается уже.

Ни к чему теперь страдания —
Не считаются нули.
Словно яблони, свиданья
Наши рано отцвели!

Стихи из дневника

На улице погода
переменная,
зато привычна,
словно твой каприз.
И ты, увы,
уже обыкновенная,
и я, увы,
давно уже не принц.

Звенит бывшее
жалкими осколками,
и жизнь иных
сюрпризов не сулит —
как парашют
с оборванными стропами:
уже не держит,
но еще — летит...

ПРО ДОБРОТУ

Наверное, это когда-нибудь все-таки случится — наша встреча с инопланетянами.

Думаю, они нас однажды разыщут и пришлют своих представителей. И нам придется тоже выбирать самых достойных, которым мы доверим говорить от имени всего человечества.

Если бы спросили у меня, я выбрал бы не самых умных, а добрых и терпеливых.

Можно быть умным и очень умным, а у доброты таких различий нет. Нельзя, например, сказать — он самый добрый. Просто добрый, и все.

Тут даже тестов не надо проводить. Ум или хитрость можно спрятать, а с добротой так не получается. Поэтому все добрые люди кажутся чужаками.

Один мой знакомый всем давал деньги займы, но никогда об этом не напоминал. Некоторые даже не возвращали, думая, что он забыл. Может, так и было, но он прожил хорошую жизнь, хотя, конечно, никто не обязан раздавать свои деньги, да еще без отдачи.

А другой мой знакомый дарил цветы из своего сада даже совсем посторонним людям. Правда, люди каждый раз удивлялись. Но в том они, конечно, не были виноваты, потому что привыкли платить за цветы деньги. И когда им предлагали цветы за просто так, они внутренне настораживались. Одни считали, что этот человек — чужак, другие — что он хитрый. А он, живя среди красивых цветов, хотел, чтобы и другие радовались этой красоте.

Он тоже прожил очень хорошую жизнь, хотя, конечно, никто не обязан выращенные с большим трудом цветы раздавать налево и направо.

То есть я хочу сказать, что даже среди моих знакомых немало по-настоящему добрых людей, которые могли бы пойти на встречу с инопланетянами и терпеливо разговаривать с ними. Они ведь ничего о нас не знают, и мы ничего о них не знаем.

И если мы будем раздражаться оттого, что они совсем другие, чем мы их себе представляли, они это сразу увидят и могут не захотеть больше с нами общаться. И улетят, и мы снова останемся одни со своими проблемами.

Добрые люди — очень терпеливые, умеют хорошо слушать и не раздражаться, когда что-то не понимают.

Я вообще думаю, что мы могли бы узнать много интересного, если бы научились как следует слушать и не торопились делать выводы.

ЗЕРНА (Поэма)

...Не часто выпадала радость
Им ощутить земли покатошь —
В иных условиях, увы.
Их отделяли от планеты
Различной прочности паркетки
И разной ценности ковры.

Какое наслажденье, право,
Смотреть налево и направо,
Вперед-назад — куда душа
Сама глядит по доброй воле,
Побалагурить не спеша,
В себе инстинкты не глуша
На разговор хотя б, не боле.

Не без того, конечно, чтобы,
Природную скрывая робость.
Не бросить мимолетный взгляд
На женщин, проходящих мимо,
Как говорится, объяснимо.
Об этом вслух не говорят.

А в парке музыка играла.
Воспоминанья навевала —

Цветами пахли облака...
Вздыхнул один: «Должно быть, флоксы...»
Другой — любитель парадоксов —
Сказал: «Цыплята табака!»

Они во всем другие были
И ничего так не любили,
Как за грудки друг друга взять
В бескомпромиссном честном споре,
В котором было, как на море —
Ни переплыть, ни дна достать.

Но отходили от причала
Два корабля.
Их так качало —
На полный ветер паруса!
И вроде груз один и тот же,
Зато оснасткою не схожи —
В запале яростном глаза.

...Шел спор о жизни.
Как тут ни крути,
Как ни внимай услужливым пророкам,
Все сводится, как водится, к урокам
Начала и, увы, конца пути
В том — и прямом и переносном смысле.

Вот — человек. Рожден был груз нести,
Да предпочел стоять при коромысле
Весов чужих. Казалось, и в чести,
Нос в табаке и блохи не кусают,
А оглянулся — господи, прости!
Куда и плыть? Туда не догрести.
Обратно же — грехи не разрешают.
Но будет жить иссохшимся сучком
На древе жизни — благо не срезают...
Ну, а потом? Вот именно — потом!
Там всех, как говорится, уравниют!

Нет, я считаю — истина в другом:
Вернемся мы на землю — кто углем,
А кто, как полагаю, янтарем,
Чтоб, значит, греть и украшать потомков...

«Ну, ну... — Евгений усмехнулся тонко, —
Теперь мне все понятно — что к чему,
Но ведь кому-то суждено... навозом?»
(Был склонен он к язвительным вопросам).
Иван, как дамы некогда, с прононсом
Ему сказал насмешливо: «Дерьму!»

...Зажглись огни. Ударил в небо косо
Струей бессильной старенький фонтан,
И из кустов вдруг выплыл «Альбатросом»
Здесь, в парке, гнездовавший ресторан.

Повел Евгений деловито носом,
Чтобы сказать уже наверняка:
«Черт побери, зачем растят тут флоксы.
Когда так вкусно пахнут табака?»

Но ресторан им был не по карману,
Ведь даже если искушал их бес,
То заставлял их тратиться помалу —
Он уважал зарплату *эмэнэс*.

И, надышавшись духом ароматным,
Мои герои, зависти полны,
Пошли туда, в глубь парка, где бесплатно
Сквозь ветки капал блеклый свет луны.

«Все суета сует», — сказал Евгений,
Презрительно и мудро морща лоб, —
Так не бывает в нашей жизни, чтоб
Мы жили без соблазнов и сомнений.

Такой уж век, должно — широколобый
И деловой, и все ему с руки:
То у любви он ищет смысл особый.
То у добра, простите, кулаки.

То молчалив, то говорлив не в меру,
То зряч, то слеп, то вроде бы косит,
Вдруг испытав безжалостно на веру,
Он через миг безверьем искусит.

Круговорот идей, вещей и мнений,
Наверное, еще не завершен:
Давно ли было «чудное мгновенье»
И стало — «у мгновений свой резон»?

«В сомнениях не виновато время, —
Сказал Иван. — Мы виноваты в том,
Поскольку наши жизни есть мгновенья,
Впадающие в вечность ручейком».

«Мне эти философии известны! —
Евгений фыркнул. — Ну, а мир таков:
Не различает честных и бесчестных.
Он выделяет только дураков,
Романтиков, шутов, идеалистов.
Тут как ни лей — нальешь все тех же шей...
Вот мой сосед — богат, как Монте-Кристо.
Не ручеек, как ни смотри, — ручей!
Живет, как бог, и в ус себе не дует.
Отменно спит. Вальяжен и речист.
Подозреваю — на руку нечист,
Но за руку не пойман — не ворует!

Хотя, конечно, дважды два — четыре:
Коль нет станка печатного в квартире
Иль бриллиантов на худой конец
В горшке чугунном где-нибудь в подвале —
При жизни умудрится кто едва ли
Себе отгрохать этакий дворец,

А ведь стоят, где прежде не стояли!
Не кажется ль тебе несправедливым,
Что можно быть нечестным, но счастливым?
И знаем мы, что век земной один
У всех у нас. Туда — одна дорога!
Но жулик доживает до седин,
А честный погибает до срока.

И что же — утешаться, что углем
Иль янтарем я возвращусь потом,
Чтоб, значит, греть и украшать потомков?!
Не помня даже собственных истоков —
Кем был, как жил, как умер, почему?
И несть числа мучительным вопросам!»
«Ну, отчего ж? — сказал Иван. — Дерьму
И наперед известно — быть навозом!»

«А ты все шутишь?»
«Как тут не шутить,
Когда в разладе с логикой приятель...
Чтоб знать, как лучше жизнь свою прожить.
Рискнул бы я и душу заложить,
Нашелся б только верный покупатель
Иль тот, кто мог бы истину открыть...»

И в тот же миг как щелкнул выключатель!

Все фонари погасли.
Пала темь,
И рядом с ними шевельнулась тень
И мерзко засмеялась...

О, читатель!
Ты ждешь рассказа, как явился бес,
Чтоб душу одного из *эмэнэс*
Забрать, коль сам он пожелал обмена?

Все шло к тому, чтоб был такой конец
По всем законам жанра непременно...

Итак, старик.
Неведомо откуда
Он взялся вдруг иль появился в миг,
Когда погасли фонари,
Как будто
Они одни и освещали мир.

О да, мы помним:
Сразу пала темь,
И рядом с ними шевельнулась тень
И мерзко засмеялась.

Ну и что же?
Мороз от страха пробежал по коже,
Задавленный в зубах остался вскрик
И с головою что-то приключилось:

*Что было раньше — вроде бы забылось.
Что быть должно — представилось на миг...*

— Что вам угодно, молодые люди? —
Спросила тень, откашлявшись слегка.
(Все в ней изобличало старика.)

— Покоя нет нигде.

Но вы не судьи

Того, что и не смыслите пока.

Меж нами — жизнь.

А может быть, века,

Когда зачтем и то, чего не будет

Со мной уже почти наверняка,

Но что я понял:

Эти семена

Взойдут уже в другие времена.

И будут ли плоды

Иль просто листья?

Здесь восемь зерен.

Только столько истин
Взойти не может.
Истина одна!
Кому из вас откроется она?
Бери кулек.
Вот ты, который дерзко
Мечтал о том, чтоб душу заложить...
Кому нужна, коль не умеет жить —
Ни дерево, ни камень, ни железка,
На что, скажи, ее употребить?
Пуста — и назначенье неизвестно.
Оставь себе.
Немало без того
Витают их на свете бесполезно:
Из ничего не будет ничего...

Куда же дальше двигать наш сюжет?
Рассказывать о них попеременно?
Но признаюсь я сразу откровенно:
Не интересен мне Евгений, нет.

Закрылся ненадолго в туалет
И там, вооружившись лупой,
Пытался зерен разгадать секрет,
Хотя и понимал, что это глупо.

Какая сила в них заключена,
Он точно знал.
Продешевить боялся!
Не потому ль так бережно старался
Все рассчитать и все учесть сполна.

И благо, что спала давно жена:
Ей объяснить бы было невозможно,
Зачем отдал Ивану три зерна.
Взять все себе он мог бы непреложно.
Он не забыл, как дрогнула рука
В тот самый миг.

О, было все не просто!
Свалял, видать, и вправду, дурака —
Теперь себя корил за благородство...

Все получил — машину, должность, дачу,
Ну и земельный — на прирост! — надел.
И даже попытался наудачу
Сменить жену.
Но в том не преуспел —

Иссякла сила у зерна, должно быть,
Или столкнулась с силою другой,
Которая — свидетельствовал опыт —
Связала их порукой круговой.

Два сапога, но пара. Так уж вышло,
Что здесь у них и в мелочах сошлось.
Недаром он как будто ночью слышал
Далекий голос: пропадете врозь!

Все получив, лишь изредка Евгений,
Не сожалея, думал перед сном,
Что, как ни кинь, не может быть двух мнений:
Ему, конечно, повезло с зерном.

Что истина? И сколько разных истин,
Которых нам понять не суждено,
А ведь живем и не конюшни чистим...
Хотя, как знать, когда бы не зерно,

Когда б не эта редкая удача...
Но что она? Живут и без чудес.
Вот у соседа, что напротив, дача,
Как ни смотри — не дача, а дворец.

На этом фоне кажется убогой
Всех зерен чудодейственная власть —
Или лежали где-то очень долго,
Иль кто-то поиспользовал их власть.

К тому же подвела, видать, сноровка,
(Ругнув себя за промах — век учись!)
Скопировал, но, видимо, неловко
Соседа замечательную жизнь.

Когда бы внес в мечты он коррективы,
Со знанием психологии ловчил,
То вместо этой кооперативной
Бесплатную бы дачу получил.

Но виновато разве волшебство,
Коль человек не ведает, что хочет?

Не знал еще Евгений, что его
Тот червячок завистливый источит,
Что он отдаст последнее зерно,
Чтобы заснуть хотя бы, не терзаясь...
И, приглушая вспыхнувшую зависть
К соседу, он в сердцах закрыл окно.
Пусть истину откроет Ваня Заяц,
Раз вытащил он истины зерно!

А тот, другой, по школьной кличке Заяц,
Пришел домой и, разбудив жену,
С ней объяснялся до утра, пытаюсь
Все рассказать: про странную луну,
С которой будто бы старик свалился,
Про зерна, что могуществом полны...
И не понять нельзя его жены,
Сказавшей хмуро: «Спи, коли напился!»

— Да я не пьян! Меня же черт попутал!
Вот посмотри: они, зерно к зерну!

Но кто из нас, домой вернувшись утром,
Смог сказкой успокоить бы жену?

Жене, как видно, не до шуток было
Такая ложь — удар из-за угла.
Вдруг показалось ей, что разлюбила,
По крайней мере, видеть не могла.

И до чего же хрупкое творенье
Любовь людей. Как будто из стекла.
Булыжником ударит подозренье
И — вдребезги!
И словно не была.

Предчувствие возможного крушенья
Вмиг отрезвило. Что уж тут скрывать!
Не до того — вымаливать прощенье —
Молиться впору, к господу взывать
Иль к знахарке кидаться за советом.
Искать ли Джуну у Кавказских гор,
Иль на Костянский сразу — в «Литгазету»
На откровенный личный разговор.

Его жена — милейшее создание,
С характером, что сложен из пород
Таких, что можно угадать заранее,
Как далеко тут трещина пойдет.

И он увидел: трещина огромна
И глубока — не разглядишь и дна...
И сразу вспомнил о волшебных зернах,
О тайной силе каждого зерна...

Необъяснимое, и вправду, чудо —
Любовь людей. Не знаешь никогда,
Когда придет к тебе она, откуда,
Когда покинет и уйдет куда?

О, как прекрасно было пробужденье —
По лучшим создавалось образцам!
Не занимать тебе воображенья,

Читатель мой, ты все домыслишь сам,
Когда себя представишь в роли этой:
Ведь мой герой, растроганный до слез,
На счет любви, поэтами воспетой,
То волшебство восторженно отнес,
К достоинствам своей жены прибавив
Терпенья вызревающий кристалл...

Не будем спорить.
Тот, кто любит, вправе
Наращивать всемерно пьедестал
И возвышать любимую всемерно.
Пусть камень бросит тот, кто не любил!
Он счастлив был, и потому, наверно,
Он не зерно —
Жену благодарил.

Пусть вечно длится звездное мгновенье
Для тех, кто хочет бескорыстно жить,
Кто все богатства мира без сомненья
К ногам любимой может положить!

А дальше?
Дальше — жизнь путем привычным
Вновь потекла как бы сама собой!
Свой долг общественный с сугубо личным
Вновь совместил, как раньше, мой герой.

Он жил, как все, о деле беспокоясь
И о семье: забот невпроворот.
Спешил домой с работы, как на поезд,
И на работу — как на самолет.

Не роль играл, а жил. Не мог иначе,
И потому, наверно, потому
Умел он слезы отличать от плача,
И люди шли за помощью к нему.

И вот однажды услышал случайный,
Застенный, приглушенный разговор —
Сотрудница своей делилась тайной,
Вину не ставя никому в укор:
«...Всем хороша, фигура — загляденье,
И умница, и только вот лицо...
И дочь не дочь, а словно наважденье.
Смотреть боюсь — вдруг разревусь, и все.
А тут еще отец ударил спяну...
Неужто мне так мучиться вовек?»
«Ты к Аверьянову сходи, к Ивану.
Он, говорят, душевный человек...»

И вот пришла.
И смотрит, как на бога,
Как будто он один и только он
Ей может выдать, не сходя с порога,
Какой-то чудодейственный талон.
«Я знаю, да», — сказал он и смущенно
Закашлялся — проговорился вдруг!

Она ждала с лицом замороженным.
Глаз не сводя с его бессильных рук.

О, сколько было в этом взгляде муки
И ожидания чуда — бог ты мой!
Когда б он стал в тот миг тысячеруким,
То каждой бы развел ее с бедой.

И словно отряхнувшись от гипноза,
Полез в карман за носовым платком...
Зерно под ноготь влезло, как заноза,
Напомнив о могуществе своем...

О результатах он узнал по слухам —
Прополз по коридорам шепоток:
Не то к уродке вызывали духов,
Не то известный экстрасенс помог.

И о себе нелестный отзыв тоже
Услышал он. Сотрудница клялась,
Что Аверьянов, *эмэнэс*, похоже,
Душевный человек, но ловелас.

Он посмеялся грустно. Это ж надо!
И впрямь, потемки — женская душа.
Должно быть, часто путают наряды
И ложь, и правда, на люди спеша.

Добро и зло — как различить их строго?
То решкой выпадает, то орлом,
Ну а ребро — оно, должно, от бога,
Погрязшего в двуличии своем.

Что до людей, то разве же не странно:
Река, любя, разводит берега...

.....

Евгений тронул за плечо Ивана:
«Ты что, старик? Не видел старика?
Заснул, должно быть. Пьяный или шизик,
А ведь, признаться, сильно напугал!
Итак, о чем мы спорили — о жизни?
Я не расслышал, что ты мне сказал?»

Он был напорист, друг его Евгений.
И много знал, все видел наперед.
Он повторил: «Так, значит, жизнь — мгновенье?
Иван ответил: «Нет, наоборот!»

Когда бы спал, то посчитал — приснилось.
Но ведь не спал! И как же вдруг забыть,
Что в миг один вся жизнь его вместилась
Со всем, что было и могло бы быть.

Что ложно здесь? Какая все же жалость,
Что никогда уже не суждено
Последнее использовать зерно:
Оно пропало. Истина осталась.

Добро и зло — все больше вперемежку.
Но сказка, и лукавая, не лгала:
Выигрывал и ставивший на решку,
И тот, который ставил на орла.

...Парк затихал
И бережно, как в сетке,
В ветвях деревьев
Уносил луну.

Сосна,
Качнувшись,
Соскребнула веткой
То ль позолоту,
То ли желтизну.

**«ВСЁ ЗДЕСЬ —
СО МНОЮ И ВО МНЕ»**



Не сожалею о былом:
Все здесь — со мною и во мне,
И эта улица, и дом,
И тихий свет в твоём окне.

Все здесь — со мною и во мне,
Мгновенья каждого черед,
Все, что случилось на земле,
И что ещё произойдет.

И эта улица, и дом,
Где случай нас столкнул с тобой,
И все, что сделалось потом
И стало жизнью и судьбой.

И тихий свет в твоём окне,
Какая вроде б радость в нём?
А в том, что светит только мне,
И в том, что ты за тем окном.

И только в том, а не в другой
Ничтожной малости какой
И смысл, и радость, и покой.
Все остальное за чертой.

Все остальное за чертой
Судьбы отмеренной земной
Не одному мне, а — с тобой,
И не одной тебе — со мной.

Откровение

Не обманись в огне,
Там, вдалеке, горящем.
Не обмани огонь,
Его в ладони взяв.
Сегодняшним ли быть,
А может быть, вчерашним...
Но кто тебе сказал,
Что завтрашним — нельзя?

Не обманись в любви,
Внезапно поманившей.
Не обмани любовь,
Неверьем загася.
Ненужным можно стать,
Обидней — если лишним.
А кто сказал, что быть
Единственным нельзя?

Не обманись в друзьях,
Живущих в отдаленье.
Не обмани друзей —
Теряются друзья.
Наверно, проще жить
Без горестных сомнений.
А кто сказал, что жить
Уверенным нельзя?

Не обманись в мечте,
Доселе недоступной.
Не обмани мечту,
Достичь ее грозя.
Не делал людям зла,
И значит — неподсудный?

А кто сказал — судить
Своим судом нельзя?

Огонь,
Любовь,
Друзья...
Всего не перечислишь!
Они всегда с тобой
И, видимо, не зря.
Они ли от тебя,
От них ли ты зависишь —
Как жаль, переспросить
У Вечности нельзя.

К чему я это все?
Должно быть, откровенья
У каждого свои
И в свой приходят час.
Для жизни нам даны
Эпохи и мгновенья,
А вечность — та пора,
Которая без нас.

Проснулся с ощущением — все могу!
Играючи сделал то, что планировал на год.
Захотелось большего.
А почему бы не взяться за улучшение
Вселенной?
Можно растопить льды Арктики, например,
И потом засадить всю тундру гвоздиками.
Или взять да приблизить к земле дальние звезды —
Пусть все увидят, как они красивы!
— А зачем? — спросил, выслушав меня, скептик.
— Тебе что, больше всех надо?
И зачем людям столько гвоздик?
Зачем нам на небе столько звезд?
Днем их не видно, а ночью они будут мешать спать.
И в самом деле, зачем? — подумал я
И сразу почувствовал, как ушли силы...

ЭВОЛЮЦИЯ

Вот прочитал, что в каждом человеке
живет как будто бы большая рыба,
тоскующая о той стихии,
в которой некогда она жила.

Неужто и во мне она тоскует
о той поре, когда была свободна
и выбирать еще не научилась,
какой ей быть и как ей дальше жить?

Над ней светила дальняя полоска —
мерцала, словно будущее, смутно —
граница смерти и граница жизни,
но к ней она совсем не приближалась.
Она жила как раз посередине.

И вот однажды поняла, наверно,
что где-то есть миры совсем иные,
в которых все что ни на есть иное,
и к той полоске дальней подплыла,
и в первый раз глотнула жаркий воздух,
и мокрым боком землю ощутила,
еще не зная, что земля пуста...

Зачем земля ей, рыбе? Разве мало
тех темных вод, где так легко живется?
И почему она опять пыталась
нарушить заповедные границы —
границы смерти и границы жизни?

Ведь память сохранила — сохнут жабры
и плавники стираются о камень,
и чешуя предательски шуршит...

Природа даровала ей бессмертье
до той поры, пока посередине
она живет — меж будущим и прошлым.

Когда ж она увидела впервые
чужое небо, слившееся с морем,
и поняла, что звезды — это звезды,
(тогда они крупнее были, знаю,
и горячее, было их поболее...),

она бессмертье отдала за право
почувствовать, как прорастают пальцы,
как отпадают высохшие жабры,
увидеть, как стираются в песчинки
громоздкие земные эвересты,

как зыбок шар, крутящийся в пространстве,
как вдруг отходит горизонт от глаз,
чтоб снова стать мерцающей полоской,
такой же смутной, как была когда-то...

И если правда, что большая рыба
живет, тоскуя, в каждом человеке,
то, может быть, она напоминает,
что человека наступил черед
нарушить заповедную границу,
границу смерти и границу жизни
и попытаться заглянуть за край,

за горизонт, где есть миры иные,
в которых все что ни на есть иное,
в чужое небо пристально всмотреться
и захлебнуться воздухом чужим?..

Кем станем мы,
проникнув в глубь Вселенной?

Бабочка

О стекло билась большая красная бабочка.
Она трепыхалась, как пламя свечи на ветру...
— Ой! — вскрикнула девочка, — что это такое?
— Это бабочка, — сказал я, — первая весенняя бабочка.

— Давай выпустим ее, — сказала девочка, — пусть летает.
— Конечно, — ответил я, — но для этого ее надо поймать.

Я встал на стул и стал ловить бабочку.
Это было непросто — я боялся помять ей крылья.

— Подожди, — сказала девочка, когда я накрыл бабочку ладонью.
Не дыша, она вынула ее из моих стиснутых пальцев.
— Ты сделал ей больно, — сказала девочка укоризненно.

— Ничего, — успокоил я, — сейчас мы выпустим ее на волю.
Бабочка лежала на детской ладошке боком, уронив крылья.

— Она похожа на маленький парусник, — сказал я.
— Нет, — возразила девочка, — она похожа на трамвайный билетик.

— Пусть будет так, — засмеялся я, — но давай ее выпустим.

— Возьми ее у меня! — девочка протянула мне свой кулачок.

Бабочка шевельнула крылышками. И она испуганно сжала пальцы...

Теперь уже я стал вытаскивать бабочку из ее стиснутых пальцев.

Вдруг девочка отдернула руку, и бабочка упала на пол.

— Фу! — девочка брезгливо сдула с ладошки розовую пыльцу.

— Ну вот, — сказал я огорченно. — Мы ее совсем замучили.

— Гадость! — сказала девочка. — Вот какая это гадость — твоя бабочка!

— Не переживай, — сказал я. — Сейчас мы вымоем руки, только и всего.

Мы так и сделали и пошли гулять.

Конечно, мы сразу же забыли о бабочке.

Но когда мы вернулись домой, девочка вдруг вспомнила:

— Как ты думаешь, она уже улетела?

— Кто? — удивился я. — Ах да... Все может быть...

Мы зашли в комнату и увидели, что бабочка лежит на старом месте.

Теперь уже она ни на что не была похожа.

— Не надо было ее ловить, — сказала девочка и заплакала.

Она плакала и смотрела на свою ладошку, где и следа не было от пыльцы.

— Но мы же не хотели этого, — сказал я и тоже посмотрел на свою ладонь.

— Нужно было открыть окно! — возразила девочка и отвернулась от меня.

— Но я же думал, что так будет лучше, — сказал я виновато.

Девочка промолчала, а я не знал, что говорить дальше...

Вот что случилось с нами однажды ранней весной.

С тех пор прошло много лет,
и я уже постарел, и девочка стала совсем взрослой.

Но каждый раз, когда мы видим, как летают на воле бабочки,
мы молча переглядываемся,
и тайком друг от друга смотрим на свои руки,
в которых словно оживает легкое прикосновение красной бабочки,
угасшей в наших ладонях, как пламя свечи на ветру...

Такое легкое прикосновение, а помнится столько лет.

Странно, не правда ли?

О ЖИЗНИ*(Вариации на одну тему)***1**

Жизнь не пикник на весеннем лугу —
Поровну злого и доброго в среднем.
Можешь споткнуться на первом шагу,
Можешь споткнуться на шаге последнем.

Даже надежда, как нежный росток,
Вянет в руках равнодушных и грубых.
Жизнь тебя пробует вновь на зубок,
Пряча до времени хищные зубы.

Жизнь пишет книгу свою набело,
Не исправляя случайных заминок,
Может сломать на стремнине весло,
Чтоб показать, что такое стремнина.

Жизнь не всегда упоительный взлет —
Радостей меньше, чем думалось в детстве.
Вдруг да предъявит неведомый счет —
Надо платить, и нельзя отвертеться.

И не поймешь тут, откуда, зачем
Столько обрушилось разных напастей,
И откупился бы разом и всем,
Только, увы, не в твоей это власти.

Ни уклониться нельзя, ни схитрить.
Требует все, что в душе, за душою.
Должен решить ты, чем будешь платить —
Жизнью своей или жизнью чужою?

2

У жизни есть на все свои резоны.
Есть тьма, а значит, где-то есть и свет,
И где-то есть, наверно, робинзоны,
Хотя безлюдных островов уж нет.

И потому, и потому, наверно,
Что мы, устав от шелеста газет,
О тишине тоскуем откровенно —
Той тишине, которой в мире нет.

У жизни есть и радость, и печали.
То белый выпадет, то черный цвет.
Низины есть, ну и, конечно, дали.
А вот вершин, что не открыты, нет.

Все есть у жизни, что необходимо,
Осталось только выполнить завет
Жить так, чтоб жизнь не проходила мимо —
Другой не будет, потому что — нет.

3

О, жизнь капризна и лукава —
Течет как будто стороной,
И ты имеешь вроде право
Распоряжаться сам собой:

Торить тропу
И там, где хочешь,
Пути мостить,
Коль сила есть,
И ожидать бессонной ночью
От звезд неведомую весть.

Все можешь ты.
Имеешь право

Вести своим удачам счет,
Но повторяю —
Жизнь лукава,
Как ни хитри,
Свое возьмет
Сегодня или, может, завтра,
Когда присядешь вдруг,
Устав...

Есть у судьбы твоей
Соавтор,
Который
Априори
Прав —

Суров,
Заносчив,
Неуступчив,
Владеет всем
И правит всем,
И убежден,
Что знает лучше
И что к чему,
И что — зачем,

Как дальше жить
И как не надо,
Что должно делать,
Что — нельзя,
Когда любовь —
Судьбы награда,
Когда ее
Привадил зря...

Лови подсказки эти с лету
И не вступай напрасно в спор...
Послать соавтора бы
К черту!

Ан нет —
Мешает договор,

Бессрочный договор,
Неравный,
Но славен тот,
Кто предпочтет
Скольжению
Иль спускам плавным
Стремительный,
Как выстрел,
Взлет,

Сгореть желая
В одночасье,
Чтоб искрой
Промелькнуть
В ночи,
Хотя, конечно,
Есть и счастье —
Быть
Тихим
Пламенем
Свечи...

Зачем нужны нам сказки?
Знать бы,
Какие силы нас влекут
На эти сказочные свадьбы,
Где меды по усам текут,

Где, путь победный выбирая,
Уверен можешь быть всегда:
На случай есть вода живая
И мертвая там есть вода.

И как бы ты себя ни строжил,
Как ни хитрил бы —
Тот же счет:
Бывать тебе на свадьбе все же,
Где мимо рта прольется мед —

И по усам твоим...
Известно,
Как говорится, наперед
Тому, кто эти сказки детства
Возьмет и заново прочтет.

Чтоб убедиться —
И поныне
Горит в тех сказках
Добрый свет...
Вот только в жизни,
Как в пустыне,
Чего-то есть,
Чего-то нет.

Старая вина

Течет задумчиво река,
Плывут в ней, тая, облака,
А я стою на берегу
И насмотреться не могу.

Я этот мир хочу понять.
В полнеба — нотная тетрадь,
В полнеба — песенный разлив,
А песня на один мотив,

И отзвучавшие едва
Вновь повторяются слова.
О том же шепот среди листвы —
Не различаю слов, увы,

Свернулись в сказочный клубок
Начала и концы дорог,
И я, как старую вино,
Из клубка ниточку тяну.
Мечтая, чтоб длинна была,
Уж очень голова бела...

Я пришел к мудрецу
И спросил у него:
— Что такое любовь?
Он сказал:
— Ничего.

— Как же так?
Ведь написано множество книг.
Вечность — пишут одни,
А другие — лишь миг.
То огнем опалит,
То растает, как снег...
Что такое любовь?
— Это все, человек.

И тогда я взглянул ему
Прямо в лицо:
— Как тебя мне понять —
Ничего или все?
Он сказал, усмехнувшись:
— Все тот же ответ:
Ничего или все.
Середины тут нет.

А колеса стучат,
А колеса стучат обреченно,
Затерялся в ночи,
Словно канувший в омут вокзал.
Я стою у окна,
Я смотрю на себя отрешенно:
Это он, а не я
Нужных слов не нашел — не сказал.

А колеса стучат,
А колеса стучат все тревожней.
И пустеет душа
От тревожного звона колес.
Это он, а не я
Говорил о делах неотложных,
Это он, а не я
Не заметил в глазах твоих слез.

А колеса стучат,
А колеса бегут безвозвратно.
Ночь космата и зла,
Словно старая ведьма в ступе.
Это он, а не я
Уезжает зачем-то куда-то.

Я вернулся назад.
Я бегу по перрону к тебе.

Твоя судьба — моя судьба.
Такое тонкое сплетенье.
Любовь, как ниточка-тропа
От узнаванья до забвенья.

Все может стать, может быть,
Но только жизнь не обещала,
Что будут вечно нас любить,
Что можно все начать сначала.

Не обещала жизнь, увы,
Нам исполненья всех желаний.
Любовь в плену не у любви,
А у разлук и у свиданий.

Такая странная беда,
Когда нет горестнее доли,
Вдруг исцелится навсегда
От этой сладостной неволи.

Детская песенка

Я рисую голубым по голубому,
Потому что дождь тогда похож на дождь,
Ну а если нарисую по-другому,
Где тут дождь, а где тут небо, не поймешь.

Это — козлик голубой, совсем не страшный,
Он же маленький-премаленький такой,
Подрастет, тогда его я перекрашу —
Синим сделаю, пресиним, с бородой.

Жизнь, конечно, разноцветная такая,
Как у бабушки в деревне на лугу.
Только мама красок мне не покупает,
Потому что я испачкаться могу.

Потому она и сердится, наверно,
Оттого и по утрам у ней мигрень:
Говорит, что я рисую все неверно —
Голубым по голубому набекрень.

Только это понарошку очень криво,
Потому что не кривой дождь, а косой.
Посмотрите, дождик в небе — он красивый,
От того и потому, что — голубой!

Взрослая песенка

Нам с тобою нагадали,
Что счастливыми мы будем,
Но забыли, но забыли
Указать и день, и час.

И теперь с тобою вместе
Мы на звезды смотрим ночью,
Потому что знаем точно,
Звезды думают за нас.

Нам с тобою нагадали,
Что счастливыми мы будем,
Но забыли, но забыли
Научить искать вдвоем.

Запрокинув к небу лица,
Убедились мы к рассвету —
Ничего там в небе нету,
Значит, звезды ни при чем.

Нам с тобою нагадали,
Что счастливыми мы будем,
Но забыли, но забыли
Подсказать — каким путем?

На свиданье приходили,
Со свиданья убегали.
И хрустели под ногами
Звезды, смытые дождем.

В жизни каждому отмерен свой срок:
Кому — в меру, а кому — с ноготок.
Отчего и почему — неизвестно никому,
Знают, может, только дьявол и бог.

Но не спросишь ведь у них ты никак,
Где споткнешься, где вдруг ступишь не так,
Оттого и потому думать надо самому.
Бог смолчал, а дьявол сам не дурак.

Есть судьба, и вроде есть к ней билет,
Только карты и дорог к счастью нет.
Как найти тропу к нему, надо думать самому.
Бог смолчал, а дьявол дал ложный след.

Не вернешься, чтобы снова начать,
Пока думал — и пора умирать.
Жизнь скатилась колесом,
Ты стоишь с пустым лицом.
Бог смолчал, а дьявол стал хохотать!

Опадают годы, словно листья,
Им теперь не зеленеть уже...
Сколько разных мы открыли истин,
Сколько их нетронутых в душе!

Посылали письма, телеграммы,
Не спеша на отчий свой порог.
Обижаться не умели мамы,
Все о нас читая между строк.

Горький вкус у поздних сожалений,
Счет обид и радостей иной.
Опоздали вроде на мгновенье,
Да мгновенье это — в жизнь длинной.

Что к чему пойдем, конечно, сами,
Но как будет не хватать в тот час
Мам, что смотрят вечными глазами
С пожелтевших карточек на нас.

Протянули друг к другу
мы тонкую нить,
да порвали случайно.
Кого здесь винить,
если вырвалось слово —
булыжником в грудь,
не до смерти еще,
но и жизни чуть-чуть.

Я таращу глаза,
как карась на песке:
не оборвана нить —
вся как есть в кулаке,
и конец, и начало.
И как не понять?
Я к себе потянул,
Ты не стала держать...

Ссора

При ссоре так уж водится —
Со слов все начинается,
Кто виноват — не помнится,
Кому больней — не знается.

Слова все злые сказаны,
Глаза давно погашены.
И все узлы развязаны.
И все концы растащены.

Бегут часы неспешные,
Сидим, тоской томимые —
Такие безутешные,
Такие нелюбимые.

Чего еще, казалось бы?
Спалили все без малости,
Лишь головешки-жалобы
Чадят ненужной жалостью.

О, эти ссоры странные,
Никем не объяснимые,
Прошли — и вновь желанные,
И любим, и любимые.

Горели — ни подпалинки,
Судились — не развенчаны.
Чего-то там подправили,
Чего-то там уменьшили,

Чего-то там упрочили —
Назад не даром пятимся.
В любви своей, как в роще, мы
От пониманья прячемся.

И видим, и не верится
В простую эту истину,
Что роща, как и деревце,
Осыпется по листику.

Когда-нибудь, когда-нибудь
забыть меня ты не забудь.
Забудь, как прошлогодний снег,
как той звезды упавшей след.

Скажу я так — наступит час
когда-нибудь, но не сейчас.

И вот прошло немало лет —
растаял снег, затоптан след.
Совсем иной я выбрал путь,
а все же хочется взглянуть
На этот след, на этот снег,
которых вроде бы и нет...

Как просто сердце обмануть,
сказав себе: «Когда-нибудь...»

Таишься рядом где-то,
живешь одна, грустя,
приходишь в час рассветный,
в закатный уходя.

Ищу тебя повсюду,
Но как узнать тебя,
Застенчивое чудо,
Капризная судьба?

Становишься то снегом,
и таешь в свете дня,
то одиноким следом,
бегущим от меня,

то крохотной снежинкой,
что улетает ввысь...
Кто ты — моя ошибка
иль будущая жизнь?

Уловишь разве взглядом
хоть капельку тепла,
когда ты вроде рядом
и вроде нет тебя.

Ты не даешь взглядеться,
но знаю я и сам:
увиденное сердцем
почудилось глазам.

Вот дожди шелестят —
словно книгу листали
где-то там, за окном,
прислонившись к стеклу.
Может, осень права:
то, что мы потеряли,
в этом мире уже
не найти никому.

Вот деревья стоят
в неизбывной печали.
Отшумел листопад,
листья в кучи смели.
Может, осень права:
то, что мы не сказали,
не доскажут за нас
все поэты земли.

Вот плывут облака
над землею уныло,
не нужны, но, увы,
как же можно без них?
Может, осень права:
чудо было да сплыло
мимо глаз, мимо рук —
и твоих, и моих.

Ты запала в душу
и осталась в ней.
Прошрое не глуше,
но и не больней,

проросло как будто
горькой лебедой.
Кто-то снова спутал
нам тоску с бедой.

Жизнь, как пепелище, —
стылая зола.
От добра не ищут
ни добра, ни зла.

Ни забыть, ни помнить,
ни отдать, ни взять.
Места нет укромней
узелки вязать,

Узелки на память,
пусть смеются, пусть!
Кто не грешен, камень
брось — не уклонюсь!

Не беда — не сбылось,
мне того не жаль.
Счастлив я, что был он,
гибельный пожар,

тот, что все порушил,
только мне видней:
ты запала в душу
и осталась в ней.

Нет проще истины простой,
Но той, что нам досталась с болью:
Бедя не лечится бедой,
Любовь не лечится любовью.

Казалось, не разлить водой
Тебя со мной,
Меня с тобою.
Я называл любовь бедой,
А ты звала беду — любовью.

Промчались годы чередой,
Живем, тому не прекослова:
Не заменить беду бедой,
Одну любовь — другой любовью.

Не в первый раз мне сон ужасный снится:
И ты — не ты,
И голос твой — не твой...
Неужто, вправду, так могло случиться,
Что мы могли не встретиться с тобой?

Друг перед другом не в чем повиниться,
Беда ли, радость — все зовут судьбой...
Не потому ли мне так часто снится:
И ты — не ты,
И голос твой — не твой.

Пусть ты с другим,
Встречаешь с ним рассветы,
Одна звезда над нашей тропой...
Могу представить.
Как представить это —
Я прохожу, не узнанный тобой...

Душа не в силах разорвать оковы,
Но счастлив я, что длится эта боль,
Что тот же страх меня тревожит снова:
«А мы могли не встретиться с тобой...»

За все плачу.
За все, что было, — разом.
Душой плачу.
И тем, что за душой.
Что суд людской?
Не горше тихой фразы:
«А мы могли не встретиться с тобой...»

Ты живешь, придуманная мной,
как часы за каменной стеной.

Слышу я — неслышные идут,
вижу я — невидимые бьют.

Я по ним своих часов равняю ход,
но бегут они, бегут они вперед,

убегают, убегают — просто жуть!
Не догнать мне ни за что их, не вернуть.

По твоим придется, видно, жить теперь —
возвращаюсь я из осени в апрель...

Сколько времени на стрелках на твоих?
Много ли осталось на двоих?

Слышу я — невидимые бьют,
вижу я — неслышные идут.

Вот живу среди разных прочих,
Словно искорка в костре,
Расставаясь с жизнью ночью,
Вновь рождаюсь на заре.

В той же самой круговерти,
По наклонной вниз скользя,
Я бегу стремглав от смерти,
На горбу ее неся.

Скажет, старая, конечно,
У последней проходной:
«Жаль, сынок, билет не вечный —
Вышел срок твой отпускной».

«Что ж, — ответу я беспечно, —
Всем земным поклон земной!»
И нырну опять я в Вечность,
Словно в омут, с головой.

РАЗЛУКА*(Поэма)*

*Мы не огибаем, мы только проходим.
Нам кажется — мы проходим,
но мы подошли к концу. Свернулись
просторы грядущего, которые
растопило вокруг себя сердце.*

Рене Шар

1

...И вот когда он поднялся с земли
и увидел, что крылья его сломаны,
он понял — больше ему не летать.

Крылья лежали в стороне.
Они были как чужие.
Но если болело — значит, свои?

Небо тоже казалось чужим.
Оно висело над ним —
высокое и равнодушное.
Но если он его видел и чувствовал,
значит, оно было еще с ним?

Крылья были как чужие.
Чужим казалось небо.
И уходила все дальше и дальше та,
которая отняла у него и небо, и крылья.

И разве это не одно и то же?
Что небо — без крыльев?
Что крылья — без неба?

И что такое жизнь —
без нее?

...Она ушла и исчезла,
словно ее никогда и не было.
Но в воздухе плавали слова —
пустые, как мыльные пузыри.
Сквозь них просвечивало солнце.

...Он ткнул пальцем в один из них —
пузырь лопнул с тихим звоном,
а в воздухе образовалась дырка,
через которую виднелось будущее.

Будущее было ужасным:
там

ничего

не было...

(Когда он был совсем маленьким,
он спрашивал: «Можно ли нарисовать пустоту?»
Взрослые пожимали плечами
и говорили с усмешкой:
«Пустота — это когда ничего нет.
Вот, например, как эта белая стена.
Видишь, она совсем пустая».
«Да? — удивлялся он, — но она же белая!
Значит, пустота — это что-то белое?»
Взрослые весело смеялись.
«Конечно, нет, — говорили они. —
Посмотри ночью в окно и увидишь,
что оно такое темное, как будто там ничего нет».
«Значит, — не соглашался он упрямо, —
пустота — это когда темно?
Но я же вижу это темное,
и значит, пустоту можно нарисовать?
Взрослые сердились —
«такой бестолковый мальчик!»)

Теперь он знал, что такое пустота.
Он мог бы даже нарисовать ее.
Он нарисовал бы мыльный пузырь,
сквозь который просвечивает солнце.
Или сделал бы еще лучше:
выдул бы через соломинку радужный пузырь
и ткнул бы в него пальцем.
Палец сразу же стал бы мокрым,
а в том месте, где только что был шар,
образовалась бы дырка в будущее.

Вот что такое пустота:
это будущее, которое видится через дырку,
возникшую на месте лопнувшего мыльного пузыря!

Человек уходит,
а слова, сказанные им, остаются.
Они плавают в воздухе,
как мыльные пузыри.
Но стоит ли их все разрушать?
Хватит и одной дырки,
чтобы увидеть через нее что-то.
Пусть летают себе,
ведь сквозь них просвечивает солнце,
которое одно на всех.

...Когда она уходила от меня
по длинному светлomu коридору,
что-то должно было произойти.
Небо — померкнуть.
Моторы — заглохнуть.
Милиционер — перестать зевать.
Табло — погаснуть.
Жизнь — остановиться.
Вселенная — рухнуть...

Ничего не произошло.

Уходил, не оглядываясь, человек.
Другой смотрел ему вслед.
Два человека расставались навсегда,
и ничего?

И ничего.
Небо не рухнуло.
Милиционер зевнул в третий раз.
Табло исправно горело.
Жизнь продолжалась.
Вселенная мерцала.

Нас поделило время.
Ей досталось будущее:
там, куда она улетела,
солнце вставало на десять часов раньше.
Прошлое оставалось со мной.

...Лежу на берегу,
выброшенный волной на песок.
Небо начинается у самых глаз.
Путь к тебе преграждают песчинки —
Им еще предстоит стать эверестами.
Сколько тысячелетий до нашей эры?

Один...
Лежу, задыхаясь и слушая,
как растут мои пальцы...

...ползу, толкая перед собой небо.
Дышу сердцем —
жабры, высушенные ветром,
бренчат, как жалюзи.

Будущее отодвигается, как мираж.
Что-то с грохотом осыпалось за спиной.
Боже, неужели я уронил Эверест?

...Так куда же теперь?
Может быть, вниз?
Надо только вовремя остановиться,
чтобы не выпасть с другой стороны...
Как ничтожно мала планета,
доставшаяся мне!
И зачем мне одному столько неба,
если все звезды светят другим?

...Ползаю по кругу.
Кричу.
Но голос мой падает рядом,
как камень, подброшенный к потолку.

...Смотрю снизу на пшеничное поле,
солнечно просвечивающееся сквозь пласт.
Как стремительно прорастает зерно,
забывая свое длинное золотистое тело!

Тяну к нему руки,
испачканные облаками...

Пальцы пахнут будущим,
которое уже прошло...

2

«Мелкий дождь веселит листву
и проходит, не называясь».
Так сказал поэт.
Ему было грустно, и потому
он мне сегодня — брат.
Я его понимаю.
Он увидел в мелком дожде то,
что я увидел в коридоре аэровокзала.
Не грусти, дорогой Рене Шар:
дело не в дожде вовсе, а в листве.

Переполнен тобой до краев.
И надо мною — ты,
и вокруг — ты...
А может, ты — это уже я?
А может, любовь — это тогда,
когда нельзя различить,
где — один и где — другой?
Просто есть я,
ставший тобой,
или ты,
ставшая мной.

И радость, и горечь
не смешаны, нет!
Несу я в себе этот груз
На одном расстоянии от сердца.
Боюсь — не пролить бы,
ведь могут смешаться вдруг капли.
Я каждую помню
на вкус и на цвет.

3

С планетой что-то происходит.
Планету, возможно, подменили.
Или я случайно попал в другую эпоху?
Неужели тот сквер — тот же?
И эти люди — влюбленные?
Им же нечего сказать друг другу.
Они же умирают в объятиях от скуки, несчастные!

К тому, что ты теряешься во времени и пространстве,
привыкаю постепенно.
Смотрю жизни вслед долгим сожалеющим взглядом
и снова возвращаюсь к своему,
уже на ощупь знакомому горизонту.
Завтра, возможно, я выпрошу у нее маленькую надежду
и приделаю к ней большие крылья.

Лететь нельзя, но можно хлопать ими,
разгоняя набегающие облачка из будущего.

4

Кто сказал, что ждать — трудно?
Надо только суметь забыть о часах
и научиться пересчитывать секунды.
Это очень сложно,
но все дело только в этом.
Я — научился.

Хочешь, я скажу тебе,
сколько прошло секунд с того мгновения,
когда видел тебя в последний раз?
Когда ты вернешься, время не остановится.
Оно просто станет часами со стрелками.

Кто сказал, что воспоминания — медяки,
которыми мы расплачиваемся за свое прошлое?
Придет время, когда они не будут иметь цены.
Давай доживем до этого дня.

Подмененная планета не радуется,
Но она — живет!
Новая эпоха сохранила дурные привычки:
Письма не приходят,
Телефон не звонит,
Романтики кутаются в теплые шарфы,
реалисты купаются в прорубях.
Жизнь — продолжается.

5

Итак, новая весна.
А у тебя?
Почему она началась здесь?
Ведь если солнце идет оттуда, где ты,
то почему же весна — наоборот?

6

Вечность — это время, которое нужно,
чтобы дождаться твоего письма.

Я — подожду.

Многое успеет забыться,
и все-таки что-то останется.

И то, что останется, будет правдой.

Я согласен на вычитание —
пусть из меня вычтут тебя.

Останутся стихи, которые о тебе.

И наоборот.

Так что я все равно ничего не теряю.

Как бы ни вычитали,
ты останешься со мной.

7

Когда в окне загорится одинокая звезда,
обманутая расстоянием,
когда дальние деревья растают в синем полумраке,
когда смое ветром со стекол прилипчивую дневную
пыль,

когда смолкнут быстрые одинокие шаги за окном,
когда я, наконец, подумаю о себе, как о другом,
наступит будущее.

И я увижу, что в нем есть ты,
но нет меня.

И это будет будущее,
которое уже прошло.

8

...И вот,
когда человек поднялся с земли
и увидел, что крылья его сломаны,
он стряхнул с себя пыль,
оглянулся вокруг и зажмурился:

небо — чистое и высокое —
смотрело ему прямо в глаза.
И ему отчаянно захотелось взлететь.
Он почувствовал вдруг,
как на спине,
распирая кожу,
уже набухают новые крылья,
и задрожали в нетерпении руки —
взмахнуть бы,
оттолкнуться ногами от земли
и туда —
вверх!
Сквозь мыльные пузыри,
к другому небу, где должно быть другое солнце,
и тоже — одно на всех,
но каждому и там светит по-своему.
И пусть люди показывают на него пальцем —
опять летит, чудак!
Летит потому, что у него — крылья.
Или:
потому у него крылья, что он летает.
Потому, что иначе он не умеет.
Потому что, когда ему ломают крылья,
он их не чинит.
Он их отбрасывает.
Он знает,
что у него обязательно вырастут новые.
Когда они перестанут расти,
его уже не будет.
Пока он есть, они растут всегда.
Такой это счастливый человек,
о котором говорят,
что он — чудак.
И если человек может нарисовать пустоту,
разве он не заслуживает того,
чтобы его выслушали?
Тем более что ему ничего особенного не надо.
Он просто хочет, чтобы его поняли.

Особенно те, которые всегда правы.
Может быть, не стоит шептать?
Может быть, надо однажды закричать?
Но кто же услышит этот крик,
Если никто не расслышал его шепота?
Пусть все так и думают,
что он — чужак,
который однажды сумел заглянуть в дырку,
оставшуюся на месте лопнувшего мыльного пузыря,
и понял, что такое — пустота,
а главное — научился ее рисовать.

Пусть они думают так, пусть...
Я не хочу им плохого.
Но как часто люди уходят друг от друга,
а в воздухе остаются плавать слова —
пустые, как мыльные пузыри.
Грустно, что мы этого не понимаем
или делаем вид, что нам все равно.
Это только кажется, что слова ничего не стоят.
Что они исчезают совсем.
Они остаются с нами и в нас,
и мы постоянно о них спотыкаемся.
Но чтобы это понять, надо знать, что такое пустота.
Пустота — это кладбище отзвучавших слов.

9

Там, где ты сейчас,
солнце всходит и заходит на десять часов раньше,
и когда ты спишь,
я уже забываю, что видел во сне.

Расходящееся время,
несходящиеся сны...

Можно нарисовать такую картину:
люди бегут навстречу друг другу,

но всегда пробегают мимо,
потому что бегут они в разное время.

Но разве это важно?
Важно, что все-таки бегут.
И не куда-нибудь,
а навстречу друг другу.
Не так ли?..

*Давай всегда больше, чем
можешь забрать. И забудь.
Таков заповедный путь.*

Рене Шар

«О БУДУЩЕМ, КОТОРОЕ ПРОШЛО»



Эпоха

Не лицо у эпохи, а лик.
Несмываемы временем краски.
Лицедействует часто,
хитра и мудра.
Надевает охотно она
карнавальные маски
то любви,
то, какого и в сказках не знали,
добра.

То мягка и капризна,
то просто лукава,
то навяжет узлов,
развязать не позволив узла.
Чашу вот поднесла —
ты подумал, что это отравя,
а едва пригубил и вдруг понял —
от смерти спасла...

Жизнь — огромный котел.
В нем намешено разного круто.
По крупичам, наверно, сюда
набросали всего.
Время варит свое,
пробу вряд ли
беря поминутно,
да и дел-то всего лишь —
ничто перелить в ничего...

Время

1

Время замкнуто в круг.
По ступеням секунд
миллиарды людей
безоглядно бегут —

вниз ли, вверх ли —
как знать,
но считают — вперед.
вот заводят часы,
стрелки двигают вот.

И встают по звонку,
ничего, что на глаз
откроили себе
нужный миг, нужный час,

потому что живем
по своим мы часам,
ну а время течет,
неподвластное нам.

Может быть, потому
ощушаем подчас:
мы ли — мимо него,
время — мимо ли нас,

и неведомо где
обрывается вдруг
круг твой малый,
и тот,
нескончаемый круг.

Миллиарды людей
В нем толкались,
снуя,
счет особый вели,
но однажды ль —
с нуля?

Может быть, не одна
Атлантида была?
Расходилась и вновь
Облегала нас мгла?

Может, кто-то уже,
не заметив наш след,
с карты звездной нас стер —
на Земле жизни нет!

Не видна, не слышна, мол,
разумная жизнь...
В этот миг, может быть,
мы с тобой родились

и по кругу пошли,
жизнь свою торопя,
проживая не век,
проживая себя,

чтоб к исходу пути
с удивленьем понять:
перепрыгнуть нельзя,
можно только прорвать,

прошибить головой
те стропила — года,
если знаешь — зачем,
если знаешь — куда...

2

Слышишь?
Время зовет,
окликает тревожно.
Проникает тот зов
сквозь бетона редут,
не услышать нельзя,
не откликнуться — можно,
не тебя ж одного,
в самом деле, зовут.

Не тебя, не тебя
та труба позвала и затихла.
Не откликнулся ты
и остался в уютном тепле.
Ну и что из того,
что и этот обещанный фунт лиха
вновь кому-то другому достался,
а мог бы — тебе.

Это голос того,
что в калачик свернулся уютный,
И откуда вдруг взялся?
От детства остался, должно.
Затаился он в нас,
ожидая той самой минуты,
когда зло, что скопилось,
само превратится в добро.

Он тебе не мешает —
пока не мешает.
Ты с размахом живешь,
ты берешься за тысячу дел
и жалеешь о том,
что рук — двух твоих — не хватает:
вроде взялся, как надо,
а сделать всего не успел.

Чуть устал, чуть прилег,
веки смежил едва ты,
он уже тут как тут,
тихо на ухо шепчет уже:
и о людях —
они-де во всем виноваты,
о душе —
мол, подумать пора хорошо о душе,
о своей...

Ну, конечно своей,
не чужой же!
Только разве молитва
Кого-то от страха спасла?
О, как часто душа
обрастала липучей
лягушечьей кожей,
а кому-то казалось —
слоновъей она обросла.

И о времени шепчет...
А что ему — время?
Он беспечно живет,
наслаждаясь уютом своим,
сожалея, что ты
неразумно сжигаешь мгновенья —
те, которые счетом особым
отпущены только живым.

И когда ты вставал
под прицельные пули,
он от страха визжал,
отрекаясь в тот миг от всего,
и бесстыдно молил,
чтоб они отвернули,
чтобы мимо прошли,
не в тебя чтоб —
в другого кого...

И над бездной когда,
что ждала тебя, скалясь,
ты кого-то держал
онемевшей рукой,
не твои,
а его это пальцы разжались,
хоть потом и сказали,
что сами собой...

Заставлял унижаться,
вставать на колени зачем-то
и прощенья просить,
если жизнь вдруг взглянула остро...
У него, осторожного,
есть очень точная смета
на чужую любовь
и, конечно, чужое добро.

Ненавижу его
и в себе, и в других,
потому-то
выдрать надо бы с корнем,
да корни его глубоки...
Вот, казалось, исчез,
но в тревожную вылез минуту,
чтоб заставить тебя
перед схваткой
разжать кулаки.

Может, кто-то и скажет,
что зря я о том откровенно,
исповедуюсь зря,
есть такие — надумают сразу всего...
Только что мне стыдиться?
Душа у меня не разменна,
даже если и стоит
по общему курсу
совсем ничего.

Ну а то, что сидит он во мне,
осторожный,
Что-то на ухо шепчет,
Умоляя, пугая, грозя...
Не услышать его,
коль внутри он тебя,
невозможно,
Но и слушать его —
Ты доподлинно знаешь —
нельзя!

Я не верю тому,
кто клянется прилюдно
жить чисто.
Не слова виноваты,
не клятвы имею в виду —
отлетают слова,
как с деревьев осенние листья,
зябко веткам бывает
потом на ветру...

Он, поклявшийся, знает,
что есть в нем и тот,
затаенный,
подшепнувший на ушко:
«Делай так, а не то...»
Посмотри на него —
с виду, вправду,
как вечнозеленый,
что листва опадет
через месяц,
не знает никто...

Слышишь —
время зовет?
Окликает тревожно,
пробивает и стены
призывная эта труба.

Не услышать нельзя,
потому что зовут непреложно
не тебя одного,
но услышал ты зов —
и тебя!

3

Поколенья сошли,
Не оставив следа.
Так же все солоня
Человечья слеза.

И не стала она
Солонее ничуть
От того, что трудней
Человечества путь.

Платим так же за все,
И дороже нельзя...
Дешевеет одна
Человечья слеза.

Сколько душ на земле,
И у каждой свой свет...
Ну а вместе когда,
Этих душ разве нет?

Совесьть в каждом своя
О своем говорит...
Ну а вместе когда.
Что, уже не болит?

Знаем боль не со слов,
И не надо — больней.
Ну а вместе когда,
Забываем о ней?

Ни добра нет, ни зла
у природы —
слепа!
Начинается все,
что есть в мире,
с тебя.

Твое время с тебя
начинает отсчет.
Ты умрешь,
и оно
черной глыбой
замрет...

Человек

Я на звезды смотрю, перед истиной чист —
Как, откуда слова набегают на лист,
Почему открывается вдруг предо мной
То, что знал неизвестный предшественник мой?

Тайны нет никакой?
Ну, конечно же, нет,
На любые вопросы найдется ответ —
Что, зачем, почему?
Вот ответы мои —
Как беру напрокат через бездну мостки,
И без страха — туда, где средь звездных полей
Может, ходит такой же, как я, дуралей.

Уж не знаю, как мог бы назвать меня тот,
Кто и истину знает, а кажется — лжет,
Потому что он ходит, ключами звеня,
Одного не имея ключа — от меня.

От такого как есть — тайна не велика.
Жизнь моя на миру — от звонка до звонка.
Только знает ли он, что я дважды живу:
В снах — один и какой-то другой наяву?

То, что здесь не свершилось, там вышло легко,
Сколько раз перелил я в ничто ничего,
В никуда приходил ниоткуда затем,
Чтобы лишь постоять у невидимых стен.

Может, Вечность была там, а может, и нет,
Ночь сказала бы, но... наступает рассвет,
И улыбчив, и юн — все сомнения прочь! —
Уличает во лжи он угрюмую ночь.

Каждый новый ответ порождает вопрос.
Буду снова бродить я ночами среди звезд,
Будет снова смотреть в телескоп астроном —
Разглядит ли меня между явью и сном

И поймет ли тогда, заблужденья кляня:
Ничего в мире нет бесконечней меня,
И загадочней нет, беспокойнее — нет,
Потому что я сам — и вопрос, и ответ,

Может, главная тайна Вселенной — во мне?
Появился ж зачем-то я здесь, на Земле,
И зачем-то даны мне и сила, и страсть,
И дана над пространством и временем власть.

Три стихии

Звуки,
краски,
слова —
три стихии,
три мира огромных.
Только что они все
без творцов неумных?
Кто осудит их строже,
чем сами себя они —
судьи,
если каждый их миг
это миг на распутье?
Звуки,
краски,
слова —
три вселенных,
три царства
И, конечно же, три короля —
полновластных владельцев богатства.
Только что им оно —
оставляют в начале тропы,
потому что они, короли,
в этих царствах — рабы,
что прикованы к тачкам,
и счастливы тем без лукавства.
Ведь для них в их мирах
лишь одно непреложно:
достигая вершин,
начинать восхождение
с подножья...

Поправка к теории относительности

Нет у времени цели,
и смысла, конечно же, мало,
потому что у времени нет
ни конца, ни начала,

просто Нечто такое,
в котором живет отраженье
пустоты,
замороженной вечной
идеей движенья.

И пространство — такое же Нечто —
без дна и без края —
вздулся как-то пузырь и потек,
от себя убегая,

чтоб однажды два чуда,
два этих величия,
разменяли, сомкнувшись,
свои имена и различия.

Ну и что от того?
Пустота никуда не исчезнет,
а останется там, где была,
уподобившись бездне,

затаится, должно быть,
в своем размышленье небыстром
о движенье ином,
но с осознанной целью и смыслом.

Как чуден пруд, как дышится легко
здесь, у воды — ни сквозняка, ни зноя,
и лучшего не надо ничего,
чтоб наслаждаться негой и покоем,

и думать о своем и не своем —
как разделить, когда вдруг мысль находит
о смысле жизни и о чем-то вроде
конечной неизбежности ее.

И понимаешь — этот мир един,
все связано друг с другом неизбывно:
жук-плавунец, рожок вонзивший в рыбу,
и мерзкий монстрик, всплывший из глубин,

пчела в воде, убитая жучком,
и червячок, проглоченный мгновенно,
и ты, сидящий на краю Вселенной,
тобой недавно названной прудом...

И этот мир всеобщего разбоя
Ты создавал для неги и покоя?

Взгляд, улыбка, рук прикосновение —
Что-то там мелькнувшее меж строк,
Эти все забытые мгновения
Время возвращает, как залог.

Нет, ни в чем тут не поможет опыт —
Лишь душа сумеет оценить,
Было ль в жизни что-то, что могло бы
Вдруг судьбу твою переменить?

Стремительно катится дней череда,
С утра и до вечера — сплошь суета,
И некий поэт сочиняет куплет:
«Уж кончились рельсы,
а станции нет».

А станции нет?
Засыпаю, скорбя,
Что ночь отнимает надолго тебя,
Ищи не ищи —
никакого следа,
Мне снится: с тобою случилась беда.

А станции нет?
Открываю глаза.
Какая в ночи разразилась гроза,
Как будто рванули внезапно сукно,
Как будто кто выдернул с рамой окно.

А станции нет?
Осветилась, слепя,
Вся комната — вся, от окна до тебя,
И словно впервые увидел я вдруг
Беспомощность губ твоих, век твоих, рук
И жилки, что билась на нежном виске,
Как рыбка на белом горячем песке...

Спасти от беды,
Заслонить от тоски?
Но разве закроешь плечами — узки,
И немощны руки...
Не в силах помочь.
Стою над тобою я целую ночь.

А станции нет?
Стало снова темно,
Лишь дождь беспокойно стучится в окно,
Мерцает фонарь,
словно старый опал,
Мне снилось,
Что спал я и вроде не спал,

А утром...
Опять началась суета,
стремительно катится дней череда,
И снова звучит беспокойный куплет:
«Уж кончились рельсы,
А станции нет».

Такая вот история

Человек шел к любимой,
чтобы спеть ей песню,
рожденную в сердце,
и радостной была дорога,
и празднично светилась золотая вода
над деревьями.

Лес весело стряхивал с крыльев
дождевые капли.
Молодые деревца оперялись, как птенцы.
Весна...
Время любви и песен о ней.

Человек шел и пел свою песню,
и люди улыбались ему:
Радость — как зеркальце,
От нее всегда бегут в разные стороны
солнечные зайчики.

Вроде все было как надо — есть песня,
рожденная любящим сердцем,
человек идет, чтобы подарить ее любимой,
а длинная и долгая дорога
все равно да закончится
у заветного крылечка
и свернется там невидимым теплым комочком.

Дойти-то он дошел, а любимой не застал.
Ее вообще не оказалось в наличии —
другой певец, видимо, оказался проворнее
и успел спеть ей свою песню.

Пришлось человеку возвращаться обратно,
хотя желающих послушать его песню
нашлось бы немало.

Не захотел.

Что ж, и так бывает.

Только вот беда — любимой давно уже нет,
а песня, ей предназначенная,
в сердце осталась.

И ничем ее оттуда не выманить, не вытащить.

И нет-нет да и зазвучит в тишине,
бесполезная,
как кукушка в часах без стрелок.

Высунется вдруг ни с того, ни с чего,
покрутится и назад спрячется...

Стрелки, конечно, на место можно поставить,
а что тогда с кукушкой делать?

Она же мало того, что выскакивать —
Куковать будет!

Так и тоскует человек с песней в сердце,
которую ни спеть нельзя,
ни забыть невозможно.

И выходит, что весна весне — рознь,
и не всякая дорога сердце к сердцу ведет —
иная тропка хотя и плурует,
а оказывается верней и надежней.

Но это уже другая история,
а вот что с кукушкой делать,
так никто до сих пор и не знает.
Живет себе и живет.

Испанский этюд

А ночь наползает на город с вершин,
собою пустынность его наполняя,
и бегают кошки по крышам машин,
как будто по клавишам чудо-рояля.

О, дивная ночь, отпугнувшая мглу,
и та, откупившись последней звездой,
заснула, должно быть, на том берегу,
где делится горе удачей с бедою,

где помнится все и всегда наугад
сбывается, коль суждено, непременно,
и только судьбы настороженный взгляд
напомнит о том, что грядут перемены,

о том, что для радости много причин,
и в каждой есть маленький ключик от рая.
Совсем не случайно здесь крыши машин
похожи на клавиши чудо-рояля.

Я возвращаюсь мысленно
назад,
туда, где воздух
шелковист на ощупь,
туда, гдеходишь
утром в снегопад,
а чудится —
в березовую рощу,

туда, где ночь
стоит на берегу,
где небо звездно,
где луна — подковкой
и так же отраженно
на снегу —
деревья
кружевной татуировкой.

Я возвращаюсь...
Но ступил едва,
как подменили
старые приметы —
березы тают,
светится трава,
примятая,
как снегом,
лунным светом.

Никогда ничего у любви
не выпрашивай,
что бы там ни случилось,
ни о чем не расспрашивай,
не вини — в чем виниться ей?
Разве скажет ночь,
кому темней?

И не всем открывается, нет,
эта истина,
что бывает любовь
и одна, и единственна,
не кори — не воздастся ей.
Разве скажет боль,
кому больней?

Куклы

На этих куклах лица-маски,
И мне они не по душе —
Злодеи из недетской сказки
Еще не люди, но уже
На них похожи.

Постепенно
Людьми условно становясь,
Они захватывают сцену,
Где лицедействуют, глумясь,

Над тем, что дорого и свято,
Лишь потому, что в нужный час
Вернутся, как всегда, обратно
И будут жить уже без нас

В коробке или же на полке,
Не различая ночи-дня,
И проживут свой век короткий
Куда счастливее меня

И моих предков, без сомнений...
О, сколько было в их судьбе
Обид, печалей, поражений —
Я горький опыт поколений
Ношу безрадостно в себе —
Неосязаемый и блеклый...
И ведь в каком-нибудь году
Я сам среди других молекул
Себе пристанище найду —
Не в сыне если, то во внуке,
И видит бог, не наврежу,
Но, верный круговой поруче,

Отца и деда приглашу
В молекулярном тоже виде...

Все повторится, как со мной,
Как я, не будет он в обиде
За груз ответственный такой,
Пороховой подобный бочке,
И не дай бог дойти до точки...

Когда слепой толпой людскою,
Как штормовой волной морскою,
Любой прохвост, ценою в грош,
Плеснет...
Костей не соберешь!

Не дай-то бог...
Но это предков
Вдруг пробудился дух во мне,
Живущему совсем не в клетке,
Благоразумному вполне,

Не рвущемуся на сцену
Нахрапом и по головам
И знающему точно цену
Любым прельстительным словам,

И не завистливому. Впрочем,
У нас есть множество личин —
Как знать, какая вдруг захочет
Мятежный проявить почин

Отдаться с головой азарту,
Чтоб, оказавшись на краю,
Поставить жизнь свою на карту,
И ладно б, если лишь — свою...

В порыве праведного гнева
Побить горшки,

Спалить весь дом...
И кто ж окажется там первым,
И кто последним в списке том?..

Но я же думал о другом —
О куклах, что не знают боли
И смерти — им неведом страх.

Так я о чем?
Ах, да — о моли,
Ну и, конечно,
о мышах.

ОСЕННИЕ СТИХИ

И вот душа опять у берегов
Меж ранними и поздними годами,
Над судьбами людскими — островками,
Найти не может нужных ей мостков.

Не от того ли смутная тоска,
Что, заглянув во времена иные,
Она подумала, наверное, впервые
О том, что жизнь и вправду коротка...

Ах, осень, осень...
Стылая река
Уже не отражает облака,
И звезды в ней не плещутся ночные,
И берега как будто бы немые —
Ни голоска...

А вот и мысль, в сознание покаянном
Возникнув вдруг, тревожит каждый раз:
Зачем мы были в этом мире странном,
Живущем с нами так же, как без нас?

Вопросов — тьма,
и сколько их
рождает каждый новый миг,
и каждый вздох,
и каждый шаг,
когда все кажется не так.

Да, перед смертью все равны,
но все же чувство есть вины
и ощущение греха,
не совершенного пока,

И есть предчувствие пути,
который должен ты пройти,
вот только б знать — зачем, куда,
когда и путы, и узда,

увы, не пустят за порог,
как бы ни рвался, видит бог —
такие гири на ногах,
такие шоры на глазах,
и бездна — прямо пред тобой
лежит, прикинувшись судьбой...

Где верх, где низ?
Но это — Вечность,
там все равно — что верх, что низ,
и в омут времени конечный
течет рекой людская жизнь.

Царит там черное безмолвье,
лишь тени, видные едва...
Склонилась мама к изголовью,
но не расслышал я слова,

не разглядел лица, как будто
смотрел не сквозь, а вдоль стекла,
и счастья горькая минута
сквозь сердце в землю утекла...

Не измениться — ни надежд, ни сил,
и вряд ли что-то изменить возможно,
поскольку до сих пор не различил,
что истинно, а что, напротив, ложно.

А мир, увы, по-прежнему суров
и так же переменчив и обманчив,
что не добраться до его основ,
чтоб стало все хоть чуточку иначе.

Но даже все дороги перебрав,
по-прежнему плутаем из упрямства...
Таится в каждом, видно, костоправ
и времени, и судеб, и пространства...

Как долга порой дорога
от порога до порога...
От деревни до деревни
провожают нас деревья,

убежавшие из бора
перекинуться словечком...
И единственной опорой
в хмурый день, в ночи бессонной
То ли месяц, то ли свечка
В недостроенной часовне...

Жизнь коротка — без бога или с богом,
у каждого на то есть свой резон,
но бесконечна только та дорога,
которая ведет за горизонт.

А истина — иголкой в сенном стоге,
и чтоб узнать, как там ее найти,
однажды человек придумал бога,
себе дорогу в вечность прочертив.

Спокойное море и вправду красиво,
Как небо в него пролилось синевой,
И слушает море меня терпеливо,
Учусь я у моря терпенью его.

Вздымаются волны угрюмо и грозно,
Но вести и письма не тонут в воде.
Что в море уронишь, вернет непреложно.
Учусь я у моря его доброте.

Могло рассказать бы мне море о многом,
Но я не спрошу у него ничего.
Своя правота есть в молчании строгом.
Учусь я у моря молчанью его.

Уходит все куда-то безвозвратно,
не оставляя видимых следов,
но, может, есть он где-то, путь обратный,
и даже есть ступеньки у годов.

И знаешь точно — там зола да камни,
тропинки там, заросшие травой, —
не разобрать, не разгрести руками,
и ничего не унести с собой.

Щепотка праха — красота бывая,
вот угольки — от той любви и той...
О, как горел ты в тех кострах, сгорая,
вновь загораясь от любви другой...

Все там осталось. Ни замков, ни стражи,
здесь все твое и вроде бы — ничье,
но вот же оглянулся ты однажды,
как будто тронул кто-то за плечо.

Дорога избранных легка,
покуда избраны — дотолле.
Природа любит дурака
за то, что он дурак, не боле.

И знаем мы наверняка —
никто не бросит все слова, —
что тот вон, с видом дурака,
умнее умного другого.

Поскольку счет уже иной
ведется тут в графе расходов,
у дурака и вид дурной,
такой, как мыслила природа.

Нет у нее черновиков
и нет поправок торопливых —
она лепила дураков
в мечтах и думах о счастливых,

и потому, должно, была
лишь простодушна, а не лжива:
что не хватило — отсекала,
что было лишним — доложила.

Когда ударит неудача,
такая, что и жизнь ни в грош,
о нем вдруг вспомнишь ты и, плача,
его на помощь призовешь,

покаявшись жить мудрей и строже —
не соблазняясь ни на что...
Он — милосерден, он — поможет,
и он не спросит — а за что?

Зачем ему в его гордыне,
когда свое исполнил в срок,
тебя спасать в твоей пустыне,
где сам себе ты царь и бог?

Зачем ему, тебя познавши
как слабодумающий тлен,
искать опять среди упавших
и снова поднимать с колен?

Начать с начала — без изъяснов
и с чистого листа при том?

Пусть нарисует обезьяну
и остановится на том...

Старый детский альбом...
Сколько разного в нем —
как мечталось нам в детстве раскованно!
Вот по тропке идет
вроде кот и не кот
с львиной гривой, к нему пририсованной.

Сколько зим, сколько лет
здесь не гаснет рассвет
и по синему звезды размазаны,
и никак не пойму,
почему вдруг к слону
стрекозиные крылья привязаны.

Это что же за зверь —
не узнаешь теперь,
на рисунки гляжу зачарованно.
Стал намного взрослей,
но, увы, не мудрей
детской правды, что здесь нарисована.

Тот альбом, как ларец,
полон разных чудес —
выбирай и бери без сомнения,
только вот ведь беда —
как вернуться сюда
на одно лишь хотя бы
мгновение?

ПОСВЯЩЕНИЯ

*Гренаде и Талгату
Аюповым*

Письмо

Как сложишь, так и сложится,
Что вспомнишь, то и вспомнится...
Ну, как живется-может
На дальней на околице?

Среди могучей зелени,
Цветенья-увядания,
Где тикают мгновения
Судьбы и мироздания,

Где то, что было, прячется,
И тем, что будет, полнится...
Смеется или плачется
Над тем, что не исполнится?

Не сбудется, не станется
Ни целым и ни дольками,
И можно лишь пораниться
Колючими осколками

От взорванного Молоха...
Что взять с меня — не война —
В пороховнице пороха
Не оказалось вовремя.

А дни бегут, смываемы
Дыханьем, ветром, скоростью,
Куда идем, не знаем мы —
Конец оторван повести.

Все идолы загажены
Или на свалку сброшены,
И много новых ряженных
Сменили здесь изношенных,

Когда-то тоже призванных
К котлу, еще горячему, —
Не кушать, так подлизывать
За теми, настоящими.

И снова за кулисами,
Чугунными оградами,
Меж лисами и крысами
Сраженья баррикадные,

А под ковром, чуть слышные,
По щучьему велению,
Случаются по высшему
Разряду шевеления...

Там в чем-то кто-то роется
И с кем-то разбирается,
И кажется — все строится,
И мнится — поднимается,

«Встает страна огромная»,
И жаль, что только кажется —
За стеклами оконными
Не слышно, как икается...

Знать, на роду написано
Ходить по бездорожью
В ботинках, плохо чищенных,
Но со счастливой рожею,

И шаркать смачно перьями —
Привычной нет занятия
Так строить демократию,
Чтоб вышла бы империя...

...История Отечества,
Как дырка в бесконечности,
И плоть живая мечется
Там в двух шагах от вечности,

Зверья в одиночестве
Среди врагов без имени...
И лживы все пророчества,
И все пророки вымерли...

Уже победу празднует
Пустое одиночество,
Когда все вроде сказано,
А умирать не хочется.

И время, окаянное,
Из всех щелей — мол, фига вам!
Но жизнь — не покаяние,
Пока не вся проиграна,

Что суждено, то станется,
И так, как надо, сложится,
Но жаль, что жизнь кончается,
И жаль, что не продолжится.

*Хабибе и Вагифу
Гусейнову*

Есть уголок земли такой,
где родники с живой водой,
где красота вокруг ничья
и две любви, как два ручья.

Такой есть тихий уголок,
где ни тропинок, ни дорог,
нет ни разлуки, ни тоски,
и две любви, как две реки.

Такой есть тихий уголок,
где исполняется все в срок,
ручьи сливаются в реке.
Твоя рука — в моей руке...

Такими именами одарив,
дала судьба союз им долгий, ибо
без Хабибы другим бы был Вагиф,
как без него другой была б Хабиба.

Немало в жизни было разных див
и принцев тоже разного калибра,
но вот же встретил Хабибу Вагиф,
как и Вагифа встретила Хабиба.

Так жизнь сложилась, что любой извив
сурово ждет ответного прогиба.
Об этом знает лучше всех Вагиф,
но больше знает все-таки Хабиба.

Немало истин списано в архив
и сколько их беспamięтно погибло.
Нет, не случайно с именем Вагиф
рифмуется единственно Хабиба.

Игорю Ильинскому

Мы с тобою тогда в облаках не витали
и последних мостов за собою не жгли...
Выпьем молча за то, что уже потеряли,
и за то, что найдем и, быть может, нашли,

и за то, что под танки свои не бросались
и в прицелы своих не ловили ребят.
Это правда, что мы там, где были, остались,
а не там, за бессильной грядой баррикад,

где свободой клялись и ее защищали
на виду у застывшей в молчанье страны.
Бог судья им. Конечно, они не играли.
Все всерьез. До упора. До самой войны.

Власть делили одни, а другие — патроны
или что-то еще — от ковров до тряпья...
И проснувшись, услышали мы, что — свободны.
От чего?
Да скорее всего — от себя.

От ненужной страны.
И от прошлого тоже.
Сколько в нем оказалось постыдных страниц!
Указали дорогу, но без подорожных
на всю долгую жизнь —
от границ до границ.

Мало помним уже.
Может, вправду, слиняли,
обросли новой кожей —
о чем сожалеть?
У погибших не спросишь,
за что умирали,
и не знаешь, за что
сам готов умереть.

Что тут скажешь еще?
Все знакомые лица
здесь, на сцене, и там,
за кулисами, вновь.
Это правда, что в нашей стране,
как водица,
человечья большая и малая кровь.

Это правда, что жизнь
оголилась бесстыже,
и крапива растет на святынях отцов,
Но, конечно же, дело тут
вовсе не в рыжих —
Бог, должно быть, устал
помечать хитрецов.

Слишком много их стало,
нет в масти различий,
Что брюнет, что шатен,
что русак, что еврей...
Жаль, все меньше в стране,
как в игре «третий лишний»
или после потопа —
счастливых людей.

Абрару Ярлыкапову

Загадочен и сложен мир живой —
То тихий, то гремящий, словно Этна,
И каждый в нем — охотник или жертва,
Попеременно — тот или другой.

Да, я охотник, только без ружья,
Да, жертва, но забывшая о страхе,
Да, мне понятны щебетанья птахи
И шаловливый шепоток ручья,
И звон росы, и шумный плеск дождя,
И каждой капли робкое паденье...
Здесь каждого мгновения рожденье
Строкой ложится в книгу бытия.

Я с нетерпеньем жду грядущий день,
Его вопросы и его загадки,
И если он сыграть предложит в прятки,
Я тут же спрячусь за свою же тень...

Михаилу Зайцеву

С каждым годом жизнь длиннее
От рожденья до сегодня,
Лишь бегущему виднее —
Это бег или погоня.

С каждым годом жизнь короче —
От сегодня до рожденья,
Лишь летящий знает точно —
Это взлет или паденье.

Как понять судьбину-долю?
Снятся ангелы и черти,
А душа, не сбросив сети,
Тщится вырваться на волю.

О, душа-каменоточец!
Что-то ей опять нейдет —
И на воле не живется,
И назад уже не хочет,

Чтоб спастись от злых пророчеств,
Уберечься от соблазнов —
Сколько их, разнообразных,
Но похожих одиночеств,

Знать хотя б, чего же хочет,
Что душе на небе мнится —
Может, божья то десница,
Может, жизнь без червоточин...

Только в этом смысла нету —
Выше принцип благодати:
Богу богово отдайте,
А поэтово — поэту.

Есть в том правда или вроде —
Такова душа поэта:
Ищет там, где нету света,
Но, как знаем мы, находит.

Богу, в общем-то, виднее —
Кто, зачем, о чем хлопочет,
Знает он, чем жизнь длиннее,
Тем она, увы, короче.

Вилю Гарееву

Ну кто сказал, что жизнь не удалась,
Хотя и даром вроде бы далась
И быть не обещала беспечальной,
Но каждый день — как будто в первый раз,
И каждое мгновенье — изначально.

Ну кто сказал, что жизнь не удалась?

Все чудеса природы — на показ,
И что не впрок, то, значит, про запас,
А нет чего — найдется непременно.
Вот круг друзей — на жизнь, а не на час,
И вот любовь — до гроба, несомненно.

Ну кто сказал, что жизнь не удалась?

И жил порою, не смыкая глаз,
И падал, как подкошенный, подчас,
И все терял, казалось, безвозвратно...
Да, снасти рушились, но крепок был каркас —
Душа была державна и азартна.

Не требуя чего-то, не боясь,
Жила себе, от сглаза хоронясь,
Что исходил от властного фантома —
Хозяина особо важных трасс,
Но не тропинок у родного дома.

Ну кто сказал, что жизнь не удалась?

Совсем непросто жить «здесь и сейчас»,
О вечной жизни думая зачем-то,

Как будто вправду мостик или лаз
Уже проложен в эту бездну кем-то...
Но ведь душе все это не указ...

Ну кто сказал, что жизнь не удалась?

Владимиру Гоцуленко

Старый спор —
синица в кулаке
иль журавль в небе —
вот дилемма!

Спорили о том накоротке,
но всерьез —
арбитром Мельпомена,
что была совсем невдалеке
за спиной поэта непременно.

— Да, журавль! — сказал упрямо я,
но добавил, — а в руке синица,
чтобы стимул был, как говорится,
добывать на счастье журавля.

Усмехнулся друг-поэт смиренно,
и вздохнула грустно Мельпомена,
адресуя вздох, конечно, мне...
— Что ж, похвально,
что запас готовишь,
только журавля
одной рукой не словишь,
да к тому же стоя на земле.

В эту ночь увидел я во сне —
шел поэт вальяжно по Луне

с журавлем под мышкой...
Мельпомена —
за его спиною налегке.
И синица у нее в руке...

Металу Нейматову

Вершина

Человек, покоривший одну вершину,
несет ее в себе до той поры,
пока не дойдет до подножья второй,
и там она поможет ему сделать следующий шаг.

Эту новую покоренную вершину он тоже понесет в себе,
и так уже — до самой высокой из них,
чтобы затем, покорив и ее,
дотянуться взглядом до ближайшей звезды
и сказать себе, что все еще — впереди.

ПАМЯТИ УШЕДШИХ

*Владимиру Осиповичу
Богомолову*

О друге, которого нет... (Триптих)

1

Знаю, что право есть
жизнь проживать за раз —
только сейчас и здесь,
только здесь и сейчас,

знаю, что право есть
верность хранить тропе
и пронести свой крест
наперекор судьбе

или же — напролом
в трудный ввязаться бой,
не проиграв притом
битву с самим собой...

Кажется лишь, что — зря,
чаще же — прав стократ...
Я тому — не судья,
но и не адвокат.

2

Был человек и нет?
Так и совсем не так:

вот его — кабинет,
вот его — стол-верстак,

и на столе — портрет:
смотрит как будто вбок —
то ли кому-то в след,
то ли кому — в упрек.

Был ли другой сюжет —
скажет лишь, кто снимал...
Был он анахорет,
как себя понимал.

Значит, таким и был.
Землю, как все, топтал,
дело свое любил,
книги свои писал.

Много чего видал —
зрячей была душа,
славы вот не искал,
слава сама пришла,

в высший поставив ряд,
там, где не всякий был.
Только старалась зря —
он ее не любил.

Двери ей не открыл.
Что же поделывать с ним?

Так и ушла к другим
с целой охапкой крыл.

Было немало тех,
кто бы все нацепил —
не для того — взлететь,
знали чтоб — не бескрыл.

Он не хотел — в кредит
и не терпел долгов,
был, словно танк, закрыт
и от людей, и снов...

Кряжист и узловат,
глыбою — со спины,
созданный в аккурат
как бы на две войны.

Вот и выпало две,
как нарекла судьба,
или накаркал дед,
верящий лишь в себя,

знающий: сучья жизнь —
все против всех и врозь,
не уступай — дерись,
здесь ты незванный гость.

Думал: дед учит жить,
он учил выживать,
не надрывая жил,
разом чтоб не порвать.

Незачем и гадать,
как уцелеть сумеет:
Лучший учитель —
смерть,
учит — не умирать.

3

Папок заветных ряд
выпотрошен подряд.
Куча бумаг — горой.
Воздух здесь не жилой —
Выдышала она,
списанная война?

Здесь, ну, конечно, здесь
ночью она и днесь,
сам же ее вложил
в папки, как в блиндажи.

И никаких порук —
заперта крепко дверь,
словно боялся — вдруг
вырвется этот зверь.

Как полигон — архив,
поле войны — роман.
Тысячи директив,
справок и телеграмм...

Эхо вселенских бед,
смертных не счесть полей,
там, где графа побед,
больше всего нулей,

тех, что подскажут — где,
но не расскажут — как,
цифры вместо людей
брали быстрой Рейхстаг.

Правда и тут же ложь
в строчках и между слов,
кажется, лист сожмешь —
злая прольется кровь...

4

Сколько же раз душа
вновь возвращалась в ад,
где что ни миг — межа,
вдоль, поперек и над.

Небо обрушил взрыв,
звякнула жизнь-струна —

в землю его зарыв,
мерку сняла война,

чтоб через много лет
там же, на той земле,
вынюхать старый след...

Вынырнула во сне,
счет предъявив крутой
за
год
сорок второй.

За давностью
лет —
вдвойне.

5

...А за окном — рассвет,
как со свечой слепой,
возле и над бедой —
самой большой из бед,

Время слез и молитв —
вечного зла тавро...

Думалось, что он — спит,
он же ушел давно.
Просто ушел и все.
Просто покинул дом....

Вижу его лицо
и под щекой — ладонь.
Так только дети спят —
нет никакой вины.
Так лишь солдаты спят
после большой войны...

6

Сколько лукавых драм
в мыслях своих творим...
Сны ли приходят к нам,
мы ли приходим к ним?

Все там совсем не так,
но ведь и мы — не те:
самый последний шаг
с первым в одном родстве,

самый последний крик
слышит душа одна,
самый последний миг —
лишь окончанье сна...

Может быть — тайный знак:
зри! — есть другой маршрут:
можно встречаться в снах,
если сны совпадут.

Он ли придет ко мне,
я ли приду к нему —
встретимся мы во сне
так же, как наяву.

Есть говорить о чем,
сядем опять рядком:
я — со своим ключом,
он — со своим замком.

Знаю, что скажет он,
знаю, что я спрошу...
Чтоб не забылся сон,
узел вот завяжу.

Памятный узелок,
чтоб при любой нужде

каждый из нас бы мог
знать, как искать и где.

2004 г.

И тайны нет, а все же ищут,
хотя душа давно на воле,
и на земле — не пепелище,
а недокошенное поле.

О, как кричали — не собрали!
Как волновались, что затопчут,
как ловко сталкивались лбами,
повылезав из одиночеств,

как из поношенных одежек,
и напорочили, конечно,
кривой судьбы, кривых дорожек,
кривую жизнь, кривую вечность...

О нет, он не был благочинным,
и были, знать, на то причины:
он знал, как тяжек путь к вершинам,
и дважды был на тех вершинах.

Что вой давно отставшей стаи —
ведь не достали, не догрызли,
и стали вечными кристаллы
незавершенной книги-жизни.

...Судьба и дело — равновесны
и здесь, и там, в дали небесной.
Да, не дошел до Эвереста,
но в шаге был от Эвереста.

А мало это или много?
Ну, кто ж теперь об этом скажет?

На книжной полке хмыкнул Гоголь,
платком стирая с пальцев сажу.

2007 г.

Момент истины

Вот памятник из мраморного камня —
с живой идеей, вложенной руками
творца, ушедшего недавно вслед...

И не велик, а все же — монумент,
чуть выше человеческого роста,
три грани, три вершины — три вопроса,
но есть здесь и
единственный ответ.

На месте том, где должен быть портрет,
по давним утвердившимся канонам —
раскрытой книги каменный макет
с названием, известным миллионам.

Как мало тех, кто скажет — не читал,
И не беда — не все идут с поклоном...

Такой вот необычный пьедестал
на кладбище на этом эталонном,
где все теснее, как в купе вагонном,
и где давно уж караул устал
от неурядиц в деле похоронном...

Здесь жизнь его — от смерти до рожденья —
читала Вечность в облике мгновенья,
пометив точкой, где открылся след
людской молвы — предтечи незабвенья ...

Вот истины момент.

2009 г.

Владимиру Орлову

...Такая странная планида
У мудрецов и чудаков —
Из боли, радости, обиды
Растить рассаду для стихов.

Такая странная причуда,
Когда все вроде не с руки,
Услышать голос ниоткуда
И записать свои стихи.

Такая странная докука,
Благоразумью вопреки,
Не для любимой, не для друга,
А для души писать стихи,

Ища и находя их всюду —
Всегда и кстати под рукой —
И выходить навстречу чуду,
Той встречи ждавшего с тобой.

Томасу Колесниченко

Не обидой живу.
Ничего этот камень не весит.
Лишь мешает порой,
как мешает любое кривье.
Так уж в мире ведется,
что кто-то и квасит, и месит,
ну а кто-то печет
из готового теста свое.

Что тебе до того,
если все они вместе — чужие,
как и ты им такой же,
а может, и больше, чужой.
Миллиарды людей
в этом мире бок о бок прожили,
друг о друге не зная,
жуя и дыша вразнойбой.

Что тебе до того,
что обходят тебя непременно,
что за общим столом мимо рта
вдруг проносят кусок?
Все мы в чьих-то руках
что-то вроде монеты разменной,
до обид ли тут, если
и сам ты — такой же игрок.

Что тебе до того —
не пустили вдруг дальше порога,
если сам ты из стаи,
живущей за красным флажком —
разве мало зубов,
да клыки изнасились до срока —
или, так уж случилось,
родился с поджатым хвостом.

Что тебе до того,
что кого-то сжевали и съели.
Это вовсе не жертва —
палач-неудачник всего.
Не меняется суть —
было б только движение к цели.
Кто успел, тот и съел.
Что тебе до того?

Что украл, что нашел —
для кого-то и это едино,
и конец одного —
лишь начало другого конца.
Вот и я роль сыграл мудреца,
а затем и кретина,
не меняя при том выраженья
ни глаз, ни лица.

Что смогло, то и случилось —
давно уже все за плечами.
Невесом рюкзачок и невидим
с нажитым добром.
Недосуг разбираться
на свете на этом с вещами,
и, тем паче, не станет никто
разбираться на свете на том...

Ну и что?
Барахло разнесут по сусекам, понятно,
говорю о душе.
Ну кому они, души, нужны?
Повстречаемся там,
где нас будут любить необъятно,
потому что уже
ничего
никому
не должны.

Виктору Липатову

Вновь возникают миражи
Здесь, а не там, в пустыне дальней,
И голос шепчет — поспеши...
Чем громче он, тем путь обманней.

По зову странному души
Мы все ж идем дорогой странной
Туда, где тают миражи
И путь кончается обманней.

Нет ничего, как ни кружи,
В тех миражах, в мирах тех ложных,
Но для чего-то миражи
Нам жизнь показывает все же...

ВГЛЯДЕТЬСЯ В СЕБЯ*(Поэма)*

Необходимое пояснение

Много лет назад свою повесть с экзотическим названием «Закат солнца вручную»¹ прочитал мне на даче в Переделкино мой коллега, обозреватель «Литературной газеты» Геннадий Бочаров.

Он только что вернулся из очередной командировки в Афганистан. И повесть — оттуда, она пахла войной, хотя была и вовсе не о войне.

Это небольшая лирическая вещь с двумя героями — такой, по крайней мере, она осталась в моей памяти. Конечно, это не так. Но сейчас я пишу не рецензию, когда требуется знание предмета в подробностях, а о своих впечатлениях, сохранивших звуки, краски, запахи того ушедшего времени. Собственно, дело даже не в самой повести, которая по большому счету оказалась лишь поводом для встречи. Хотя, несомненно, именно она вдохновила нас на последующие деяния в тот удивительно мокрый и неуютный осенний день, когда, как по заказу, под вечер на горизонте чья-то могучая рука, с трудом раздвинув грузные ватные маты туч, показала нам красно-оранжевую полоску заката и тут же ее захлопнула.

«Не ты?» — спросил я серьезно. «Я», — ответил он так же серьезно, и мы надолго замолчали, объединенные тайным знанием Вселенной. К тому же мы уже насмотрелись всего и наговорились досыта обо всем, о чем можно было бы говорить, находясь в настроении возвышенном и печальном, особенно после получасового пребывания в церквушке, где в одном углу старая женщина, прихватив в зубы подол, мыла полы, а в другом такая же старая, но

¹ Издана в 2002 г. под названием «Умба». Повесть-мираж» в московском изд-ве «Евразия+». Чудное название «Закат солнца вручную» он отдал своей недавней мемуарной книге.

опрятная, уныло читала Псалтырь и тихонечко, как муха, почесывала одну ногу другой.

Но эта будничность и унылость церкви, едва освещенной несколькими слабо горящими поминальными свечками, и ее рабочих людей, привычно выполнявших необходимое, рутинное в общем-то дело, не обращая внимания на странных посетителей в нашем лице, нисколько и ничего не умаляли, напротив, придавали нашему добровольному стоянию какой-то особый драматический смысл.

Мы зашли сюда после посещения могилы Б. Пастернака под тремя соснами и находившихся по соседству захоронений ребят-афганцев. И вот там один из друзей погибшего, сильно выпивший, но с трезвым жестким взглядом, подвел нас к расчищенной площадке и сказал, кривя губы: «Это — еще для троих, скоро подвезут».

Так буднично, словно речь шла о подвозе картошки.

Вот обо всем этом, собственно, и стихи, которыми я попытался объяснить — и себе в первую очередь — свою странную заторможенность на ничем не примечательном, казалось бы, осеннем дне 86-го года, если, конечно, не считать, что именно он сделал нас, коллег и товарищей по работе, друзьями.

Кто-то сказал: нужно взглядеться в себя, поставить себя под вопрос, и тотчас же под вопросом окажется мир, в котором ты живешь.

Надеюсь, это как раз тот случай, только я поставил под вопрос мир, в котором живу, чтобы поставить под вопрос — себя.

Геннадью Бочарову

Все было странно в повести его,
И в нем самом была такая странность,
Что даже куст, теряющий багрянность,
Являл не сходство с ним — почти родство.

*О, как плясал он, этот куст, в саду!
И вот уже ни стати, ни багрянца,
А может, вправду гибельностью танца
И утверждают в жизни правоту?*

*Нет, не куста, а ветра. Может, так —
Не съезжившись, не скуксившись, не сучась,
И куст бессильный утверждает существость
Своей борьбы — что он добился, враг?*

*Интрига, в общем, может быть проста —
Взаимных интересов разрешение:
И ветер стряс всю мишуру с куста,
И куст с него — излишек напряженья?*

...Он знал свой текст, конечно, назубок,
А все ж держал его перед глазами,
Как будто что-то видел над словами
Или, напротив, прятал между строк,

Среди весьма искусных паутин...
Темны святых на старых досках лики! —
И выдает неожиданные улики
Одно желанье выглядеть святым.

Но, слава Богу, был самим собой
Он и на этой романтической ниве —
Лукавей чуть и, может, чуть игривей,
Увы, ничто не ново под луной...

Здесь было все и все могло бы стать,
Когда бы знать, к какому плыть причалу:
Кто не мечтал всю жизнь перелистать
Лет так на тридцать — от конца к началу,

И кто себя не видел в этот миг
Как бы распятым между берегами —
Безлюдный и пустой — один из них,
Другой сияет яркими огнями.

О, как оно заманчиво, новье,
Как сладок плод, добытый воровато...
И я, увы, из тех, из виноватых,
Простится ль мне затмение мое?..

Хотя б за то, что, нагрешив сполна,
Несу всю жизнь в себе я эту ношу,
Не отмолив — и в том моя вина,
Зато и камня ни в кого не брошу.

Таков уж человеческий замес —
Всего в избытке и во всем — нехватка:
Чуть-чуть и надо вроде для порядка —
То недобрал, то снова — перевес.

И вот о чем не думалось тогда —
Мы оба были в разном настоящем:
Он там еще — в ревушем и горящем,
Я — в том, который обошла беда.

Он видел то, чего не видел я,
Но обо всем судил лишь понаслышке
Или по нашей вековой привычке
Рубить с плеча.
Какой же я — судья?

Что мог понять я, если — на бегу
И в основном — по лестницам и крышам...
И лишь сейчас молчание расслышал
Двух одиноких душ на берегу...

Давно уже обыгран сей сюжет,
В котором нет счастливого исхода:
Открыты двери широко для входа,
Для выхода и щелочки здесь нет.

И потому догадливо молчу,
Все понимая — кто, зачем, откуда,
И в предвкушенье будущего чуда
Душою и лицом не хлопочу.

Но чтец суров, бесстрастен, как регент,
Вдруг ставит точку, а не запятую...

Должно быть, так же опустил вручную
Когда-то солнце, выключая свет.

И потемнело вдруг среди бела дня,
И где-то гроыхнуло в отдаленье ...
Он посмотрел с усмешкой на меня,
Я на него — с немалым удивленьем.

О да, ведь чача добрая была —
Конечно же, бакинского разлива.
За друга общего — Гусейнова Вагифа —
Мы дважды пили, встав из-за стола.

Пахнула чача свежим коньяком,
Хотя нужды в том никакой, признаться,
И черный куст нас вежливым кивком
Позвал немедля выйти прогуляться.

Мы окунулись в осень с головой
И, ни дорог, ни троп не выбирая,
Пошли туда, качая шар земной,
Где был не рай, а что-то вроде рая...

...О, это надо видеть, черт возьми!
Куда ни глянь, стена глухих заборов,
И тишина — из всех щелей-зазоров,
Как будто здесь и был он, пуп земли.

Особый быт — тому не счесть причин —
И вольница, и распорядок строгий.
Не нам судить, как жили прежде боги,
Неприложим к их жизням наш аршин.

Все было здесь размерено навек,
И каждый жил, как в скорлупе-оправе,
А если кто и совершал побег,
То неизменно лишь к вселенской славе.

Богов не стало, сонм полубогов
Повсюду протоптал свои дорожки,
Немало дач здесь выросло из слов,
Особливо когда «ни дня без строчки».

И проходя по улицам пустым,
Свои шаги рассеянно считая,
Мы понимали — да, земля святая,
Хотя давно всех вынесли святых...

Увы, поблек и вымер островок —
Единственный такой на целом свете.
О том, что было, поищи в газете.
Секретов нет — там снят давно замок...

...Кто не слышан был о месте том,
Где и бульжник — ценный вековечник,
Святой колодец, церковь за холмом
И три сосны, как бронзовый подсвечник.

Там, над могилою поэта, там,
Среди других — и нищих, и постылых,
Моя душа рванулась к небесам,
Но что-то ее все же не пустило.

Ну кто он мне — опальный тот поэт,
А вот стою, и горечь в горле комом,
Не объяснишь ни близким, ни знакомым,
Что было — так, как помню много лет.

Да, было так со мною, было — с ним,
И это было, может, главным чудом:
Два человека, разных два сосуда —
Под мощным напряжением одним.

Был тот колодец и церквушка та,
И голос благолепный старой чтицы,

И мы вдвоем, забредшие туда,
По странному позыву причаститься.

Нет, не к поэта славе. Что — она?
Какой дичок к корням его привился?
И если в чем была его вина —
Не в той стране и в век не тот родился,

А за его плитою строй могил —
По возрасту давно не дети — внуки,
Их тот же век несправедливо убил,
Как и его, умыв при этом руки.

Какой тут счет вины ли, не вины,
И кто себя признает виноватым?
Страна давно уже исчезла с карты,
Ну а война?
Так не было войны!

Все десять лет, как в рот набрав воды,
Писали лишь о помощи, о братской —
Таким тогда был фактор азиатский
В контексте тихой мировой вражды.

Какие еще доводы нужны?
Вы о цене?
Нет у войны цены!

...О, как же беспощаден этот мир,
Где ничего исправить мы не можем:
В один и тот же заглянули миг,
А оказались в самом разном прошлом,

Все сбилось здесь в какой-то странный ком
И не хотелось ни спешить, ни мешкать,
И было одиночество вдвоем
Желанно и тревожно вперемежку,

И было понимание того,
Что никакие клятвы неуместны,
И наши души, как в купе двухместном,
Дышали вместе.
Только и всего.

Не больше и не меньше.
Это так,
Но как же много все-таки в итоге:
Торили разномыслием свои дороги,
И вместе разом вышли на большак.
На семь ветров...

Прошло немало лет.
Страна — другой и мы другими стали,
Но оборотной стороной медали
Мы мир уже не удивили, нет.

Беременна Россия — это так,
Да вот беда — не может разродиться:
Все тот же получается барак,
Хотя и с европейской черепицей.

И руки есть, а все как не с руки,
И с делом общим — как с врагом заклятым:
Завалим обязательно асфальтом
С большим трудом возвращенные ростки.

И бродим — в одиночку ли, толпой —
Ни радости, ни смысла нет, ни цели.
Грешно смеяться, право, над собой.
Но плакать тоже стыдно, в самом деле.

Ведь мы страну любили, как могли,
Хотя и знали — сира и убога.
Любовь такая, говорят, от бога,
А может быть, и просто от земли.

Слепая или зрячая была —
Не буду спорить, может, и слепая,
И где-то есть, возможно, и другая,
Но эта не однажды нас спасла.

Как не понять, когда с глухих времен
О том написано всего и столько,
Что есть любовь и нелюбовь, и только,
Без всяких прилагательных притом...

...Как много предстоит еще узнать,
Не путаясь в случайном, привходящем,
И прошлое измерить настоящим,
Чтоб новое пришедшее понять.

И может, так, дыханье затая,
Оправившись от первого испуга,
Ты обнаружишь и начало круга,
Очерченного жизнью для тебя...

Банальнейшая истина, и та
Здесь скрыта, словно в дебрях заповедных:
Живем мы в первый раз, но и в последний,
И каждый миг — как с белого листа.

Все возвратится на круги своя?
Быть может — так, но может и не сбыться,
Но без написанной тобой страницы
Не будет полной Книга бытия.

Какой бы ни сложилась жизнь, она —
Неутолима и необозрима,
Незаменима и неповторима —
Тобой лишь может быть объяснена.
От сих до сих.
До точки.
И сполна.

ПЕРЕВОДЫ



С азербайджанского

Вагиф Ибрагим

*Памяти Федерико
Гарсиа Лорки*

Неубитое слово

1

Гитара смолкла,
но струны жили,
и песня длилась...
Вот так же птица
сложила крылья,
но не упала,
но не разбилась.
Горенье духа,
души паренье —
одно мгновенье!

И Федерико
взглянул на небо,
подумал горько
и отрешенно:
О, как же небо
порой огромно,
как сторонится
людского гнева.
А может, просто

таким казалось,
поскольку было —
неразделенно?

И вдруг увидел,
как отраженно
от горизонта
до горизонта
другое небо
в нем заплескалось —
земное море
из слез соленых...
Одно мгновенье!

...Страна кружилась
листочком осенним
на самом крае
водоворота...

Неужто небо
в том виновато
иль виновато
в том отраженье,
что распахнулись
ворота ада,
что люди плачут
от униженья,
от боли плачут,
от смертной муки?

Такое может
в бреду лишь сниться:
еще не лапы —
уже не руки,
еще не морды —
уже не лица.
Похож убийца
лишь на убийцу,

пусть даже будет
их очень много...

И расплзались
по всем дорогам —
искали правду,
о как искали! —
И убивали
вполне научно:
сначала — штучно,
а после — оптом.
Что жизнь людская,
коль мир затоптан
и изувечен?
Искали правду,
но только чтобы
зарыть живьем бы
и чтоб — навечно!

Ну а пока с ней
совсем неясно,
пока ломала
солону сила:
Ударил выстрел —
звезда погасла.
ударил выстрел —
еще могила.
И к черту — стоны!
Тут счет на тыщи,
а правду сыщем —
на миллионы!..

Звучали струны,
звучали, словно
взлетало к небу
призывно слово,
звучало небо
немым набатом,

чтоб становилась
земля солдатом.

2

Заплывала планета
сонной рыбою в сети...
Далеко до рассвета,
и мгновенье — до смерти.

Жизнь шагреновой кожей
временами казалась:
чем ценилась дороже,
тем быстрее уменьшалась.

Не из камня поэты —
уходящим не просто! —
Отшумели ответы,
зашуршали вопросы:

- День, счастливейший в жизни?
 - День свободы отчизны.
 - А прекраснейшая мечта?
 - За которую гибнем.
- Лишь та!
- Что назвал бы ты худшим горем?
 - То, которое неразделимо.
 - Ну а самым прекрасным словом?
 - Не услышанное любимой.
 - Есть ли лучшая смерть на свете?
 - Это можно легко проверить...

Звякнул засов на двери.
Был он по списку третьим....

3

Планете нужны поэты,
даже если не святые.

Солнечны их рассветы,
ярче еще — закаты.

Ходим на пепелища,
знаем ли мы, что ищем?
Поэзия — это пища,
Может, важнее пищи.

И для поэтов пули
лучшие отливали,
чтобы не отвернули,
наверняка сбивали.

Только не это страшно,
страшно, когда убийцы
их признавали: «Наши!»,
скорбно потупив лица.

Страшно, когда в газетах
лили елей-отраву...
Мало убить поэта,
надо присвоить славу.

Надо запачкать имя,
выявив в нем породу:
Если высокочтимый,
значит, не для народа!

Только — пустая мета,
легкая, как полова.
Можно убить поэта,
Неубиваемо слово!

4

Нелегко быть поэтом,
не склонившись ни разу,

и, идя против ветра,
не запачкаться грязью.

Нелегко быть ненужным,
нужным путь свой считая,
жизнь от скверны, как нужник,
отскребать, очищая.

Нелегко быть нелживым,
в этот мир не вмещаюсь.
Ни другому ошибок,
ни себе не прощая.

Нелегко быть железным,
зная, кто ты и что ты,
посчитать, что полезней
вмиг покончить все счета...

О, наивная гордость —
вера в праведность мига,
победившего подлость
ненавистного мира!

Нелегко быть. Но были!
Тут расклады простые:
кто себя не убили,
тех убили другие.

Узнавали — поэт ли?
Как умели — на совесть,
потому смерть от петли
признавалась как доблесть.

На столбах ли фонарных,
иль с балконов свисали,
но зловеще и странно
свет они излучали.

И в упор в них стреляли,
чтобы больше не пели —
тростники вырастали,
лучше нет для свирели.

Сколько было — не вспомнить,
(не о всех мы узнали) —
выходили при громе,
словно их лишь и звали,

и ходили в атаки,
как простые солдаты,
и бросали под танки
свои жизни-гранаты.

Сколько было пиитов
на огромной планете —
может, больше убитых,
чем доживших до смерти...

5

...Травы звенели робко,
вдаль уходила тропка,
как приглашала в детство...

Щелкнул курок так громко —
сбилось мгновенно сердце:

— Лучшая смерть на планете?
Что же ты не ответил?
Если нельзя иначе —
не убегай от смерти!

Очередь мало значит.
первый ты или третий —
Родина всех оплачет.
Не убегай от смерти!

Нету важней задачи —
не откупиться жизнью,
чтобы прожить на сдачу...

Лучшая смерть на свете?
Та, что нужна отчизне!
Не убегай от смерти!
Не убегай от смерти! —

Крикнул кому-то гневно,
губ не разжав,
и небо
рухнуло на него...

6

Казнена и тропинка,
чтоб найти не сумели,
вырастала тростинка,
становилась свирелью

И звучала стоусто,
как живая, звучала —
и печально, и грустно,
но надежду вселяла.

Непонятно — откуда?
Только тем не понятно,
кто намерился чудо
в землю спрятать обратно.

Ненавистники света!
Им гасить ли рассветы?
Умирают поэты,
но их песни —
бессмертны.

В то суровое время
всеторжества металла
неизбывное семя
на сердцах прорастало.

Неприступны препоны —
на века создавали!
Вот громады бетона,
но и их пробивали

Те ростки, что казались
до смешного нелепы,
а вот к небу прорвались
и увидели — небо.

Сколько, если взглядеться,
слов развеяно ветром.
Эти были — из сердца,
долговечнее нету!

Смерть, увы, не условна,
только вечно наследство —
плодоносное сердце
и бессмертное слово.

Если ты не придешь

А можно и к тоске,
как к боли притерпеться.
Живу вот без тебя,
ведь надо как-то жить.

Держу в руках часы,
похожие на сердце.
Они, как ты сама,
привыкли не спешить.

Держу твои часы,
что тикают бездумно.
Секундам счет веду,
как будущего жду.

Обидно — не спешат.
Они как ты, разумны:
Не буду торопить
ни радость, ни беду.

Держу твои часы,
а кажется — эпоху.
О, как же нелегка,
как много в ней всего.

Не смею пальцы сжать,
Когда мне очень плохо,
чтоб в гневе не сломать
в эпохе ничего.

С болгарского¹

Лавчо Данков

Провал

(Вольный перевод)

Кто подумать бы мог, что огромный воздушный провал
Позволяет взглянуть на прошедшую жизнь,
как сквозь линзу?

Соскользнуло когда-то зерно с муравьиной
тропинки-карниза,
Чтобы тысячи лет в нем росток, не родясь, умирал...

Этот пепельный цвет, он навечно — зерну укоризна.

Зацепив с небосклона медвежьих задумчивых снов
Звезды, луны — они там, наверно, поярче мерцали! —
По камням, по их ребрам стеклянные капли стекали
И внушали упорную веру в кристаллы — в богов,

Тех, в которых они превратиться и сами мечтали.

А с земли к ним тянулся невидимый глазу росток
И шептали грибницы из плоти бесформенной глины
Нам о том, что не кончен наш путь необычный
и длинный —
Сделан только лишь шаг за высокий заветный порог...

¹ В 80-е годы я активно сотрудничал с советско-болгарским литературным журналом «Дружба», которым руководил замечательный поэт Владимир Фирсов. Все публикуемые здесь переводы — из этого журнала.

Оступиться возможно, и жаль не с конца начинать —
с середины.

Я брожу по утробе пещерной на ощупь, едва
Различая во тьме все минувшие эры, эпохи,
И какие-то тени о чем-то своем сожалеют, их вздохи
Мне понятней, чем эти давно отзвучавшие в мире слова...

Корни мифов, легенд... Спотыкаюсь о них на дороге.

Заблудился во времени. Память внезапно искрит —
Повторяюсь опять отраженьем на каменных стенах,
Ощущаю — уже каменеет плечо...
Как спастись от стеклянного плена?
Я кричу — возвращается голос не эхом ко мне и звучит

Незнакомо совсем, замирая в камнях постепенно.

Знаю, кровь превращается в нечто другое... Иной
Не становится, нет. И мое превращенное слово
Тоже слиться с тем голосом странным готово,
Чтоб, пробив взглядом мрак, я узнал, кто стоит за спиной...

Может — брат мой, что бродит здесь в поисках пищи
и крова?

Йордан Милев

Река

Заполненная временем река,
как караван в узде из белой пены
в пустыне нескончаемых веков.

Ты так же одинока, как и я,
и счастлива, подобна мне, река,
горчит твоя вода, как и моя душа,
от позабытых слов, от смеха и насмешек.

Мгновенья, как форель, стремительно летящи.
Сбегаются ручьи к тебе со всех сторон,
болтливы и легки, как все ручьи на свете,

А ты течешь, река, еще того не зная,
что на краю села я одинокой каплей
в тебя вольюсь и разделю с тобою
твой бег, твой звон, твою судьбу простую.

И буду слушать ночью берега —
собачий лай, встревоженный и грозный,
крик ранних петухов, встречающих рассвет,

я буду рыбок золотых на счастье класть
всем невезучим в сети,
дарить надежду — яркую, как гальки,
что россыпью лежат на дне твоём...

Я доплыву до самого до моря,
его примерю синюю рубаху
и, окунувшись в воды океана,
навечно в небо синее нырну...

Поэзия

Оставив позади дороги и пустыни,
победы позабыв и пораженья,
в лесу я поселился там, где сосны,
где осень бродит, рыжая девчонка.

И вот склонился над листом я белым
и сквозь него увидел преисподню —
слова, слова, слова, слова...
Как много слов без почек и корней!..

Окликнула земля, иль голосом ее
мне сердце то, что нужно, подсказало?
Работал я лопатой и мотыгой,
разравнивал граблями грядки-строчки,
рвал пожелтевших дней сухие сорняки,
чтоб посадить надежно луковицу жизни —
казалась прошлым, будущим звалась.

В ней было все, что дорого мне было:
и молнии, и радуга, и смех,
твои глаза зеленые, дорога...

Когда-то это все открыл я для себя...
И слышал я, как кто-то по соседству
Сказал:
«К весне, должно, готовится поэт!»

Читал я книги многих мудрецов,
знал сладость мук сложения стихов.
В пустынях был, мне покорялись горы,
дни по секундам складывал я в годы.

Здоровье сохранял по Авиценне.
Любил театр и сам играл на сцене.
Все тайны мира я постиг сполна,
неведомая вряд ли где найдется...

А вот душа моя — такие письмена,
что вряд ли кто их прочитает возьмется.

Василь Раковски

Пасторальное

Шумят деревья и течет река,
и медленно в ней облако кружится,
и яблоко на яблоне круглится —
жаль гончара невидима рука.

Жужжит, сверкая в воздухе, пчела.
Оса в окне забилась.
Шепчет ветер,
и домики, умывшись на рассвете,
на солнце греют лица из стекла.

Дождь припустил по лестнице быстрей,
но так, должно, по кручам ходят цапли.
Как сохнут быстро дождевые капли —
А может, дождь разулся у дверей?

Склонились крыши — там ребенок спит
Старушка дремлет.
И колпак измятый,
прикрыв собою на обоях пятна,
на гвоздике задумчиво висит.

У яблок, что упали, свой расклад
и на траве, и в ведрах.
Тает утро...
Как старики, уставясь в небо мудро,
печные трубы горестно дымят.

Добромир Тонев

Памяти Ульяны

Когда ты с криком падаешь, твой крик
тебя лишает крыльев — вдруг исчезли,
и легкость заменяется в тот миг
тревожным ощущением бездны.

Лишь темный ты переступил порог,
как мыслей где-то зацепились корни...
И жизнь, и смерть запрячь же кто-то смог
В одну упряжку.
Мчатся где-то годы-кони.

Чтоб ощутить все небо до конца,
себя представить в космосе огромном,
ты белого оставил жеребца
и в даль умчался навсегда на черном.

Но оба здесь.
Вот черный, как вина.
И белый, словно праздник.
Вместе снова.
Но на одном — пустые стремяна,
глаза пустые у коня другого.

*С даргинского*Магомед Гамидов¹**Чего-то жду**

Полвека прожил
и все же мечтаю,
и жду, и надеюсь,
куда-то спешу,
по разным дорогам
и тропкам скитаюсь,
а кажется мне,
что на месте кружу.

Не жду ничего,
что и сбыться не может,
но разве желанье
нельзя загадать?
Да, знаю, никто мне
увы, не поможет
звезду на ладони
своей удержать.

И ангел —
Иль как он там, в небе,
зовется? —
ко мне не придёт
желанным гонцом.

¹ Родник. Стихотворения. М. : Современник, 1986.

И радуга, знаю,
в мой двор не упрется
тем самым,
который счастливый,
концом.

И счастья не жду,
но куда живу я,
надеюсь, что в дом
не заглянет беда.
И все-таки что-то
ищу наяву я,
и даже во сне
я ищу иногда.

Надежда нам силы
дает для разбега,
и нет без нее
ни добра, ни любви.
Надеюсь,
и словно
невзгоды я века
взвалил добровольно
на плечи свои.

Ты знаешь, земля,
что тебя ожидает,
какая судьба
впереди тебя ждет?
...Меня со двора
Кто-то вновь окликает,
Куда-то опять
и зачем-то зовет...

Песня о яблоне

Говорят, Адам и Ева
Были изгнаны из рая
Лишь за то, что как-то съели
Одно яблоко вдвоем.

Но ведь были не в обиде
И на бога не роптали.
Получили, что хотели.
Может быть, и мы рискнем?

Почему бы не решиться
Сделать что помимо правил,
Если выгонят куда-то,
То ведь выгонят — вдвоем!

Ну и что? Сорвали — съели...
Посчитали люди — вправе.
Может быть, не так жевали,
Если врозь сейчас живем?

По тебе скучаю снова...
Степь лежит до горизонта.
На цветы смотрю, и словно
Я в глаза твои смотрю...

По тебе скучаю снова —
Впереди вершины стынут —
Недоступны, как и слово
Незвучавшее — «люблю».

По тебе скучаю снова...
Впереди темнеет море —
Не к затишью, безусловно,
Как и письма все твои.

По тебе скучаю снова...
Потому что ночь бессонна
И ужасно бестолкова,
Как разлука без любви.

Ты у мира спроси,
Кто его усложнил и запутал?
Не ответит —
Не знает.

Ты у неба спроси,
Почему запрокинулось круто?
Не ответит —
Не знает.

Ты у речки спроси,
Почему она в море впадает?
Не ответит —
Не знает.

Ты спроси у судьбы,
Где она до сих пор обитает?
Не ответит —
Не знает.

Ты у смерти спроси,
Почему так неожиданно приходит?

Не ответит —
Не знает.

Только жизнь отвечает,
Все ответы находит!

*С украинского*Станислав Репях¹

Мне мысль ночами
Не дает заснуть —
То тьмой пугнет,
То вспышкой мгновенной
О том, как труден,
Как опасен путь
От истины простой
До сокровенной.

В любви клянутся,
Обещая все,
И предают
Без видимой причины.
Добро и зло,
А на одно лицо.
Как различить,
Когда неразличимы?

То — напрямик,
То — по кривой идут,
Живут по правде,
Тут же вдруг слукавят.
То все с чужого
Голоса поют,
А то их петь
И силой не заставят.

¹ Вербная дорога. М. : Советский писатель, 1989.

Февральский день

На ветках —
снег.
В душе —
В разгаре лето.
Душа поет неслышно,
как во сне.
Как много солнца,
Радостного света,
И хоть купайся
В свете-тишине...
Синички,
словно груши,
пожелтели —
чуть-чуть еще,
и наземь упадут,
а снегири —
как яблоки, созрели
вот в этот день
и в этом вот саду...

Бахчисарайские сонеты*Евнухи*

Любили ханы евнухов своих,
Точнее, не любили, а ценили,
Поскольку те любовниц сторожили,
Глаз не спуская днем и ночью с них.

Служили верно евнухи, как псы.
Коврами ханам под ноги стелились,
За их здоровье истово молились.
Их счастьем были счастливы скопцы.
И угождали им, конечно, рьяно —
Всем прихотям и всем капризам пьяным,
Порой купаясь по уши в дерьме,

И потому иному мнилось хану,
Что он на фоне этом без изъянов —
Единственный мужчина на земле.

Фонтан слез

В любвеобильном сердце Крым-Гирея
Увяли разом лепестки любви.
Звезда погасла навсегда, увы,
И нет другой, которая согреет.

Он слез немало искренних пролил,
Но не было забвенья — так любил,
И памятник поставить повелел,
Чтоб мир узнал, как горько он скорбел...
А пленный скульптор свой вдруг вспомнил дом
И отчий край, поруганный врагом...
Слезу смахнул Омар с щеки и все ж
Построил памятник, как должно, без заминки...

Величием веет от Фонтана слез
И вечностью от горькой той слезинки.

Ложке Екатерины II

Какая сладость в безмятежных снах...
На снежно-белой пуховой перине...

Здесь счастливо спалось Екатерине,
И сон ее оберегал аллах.
Не видел, зная, он гнев в ее очах
И гонора ее не ощущал нисколько,
Того не ведал, погубила сколько
Людей, воздвигнув трон на черепах,
Как кнут свистел от моря и до моря —
Соль проступала на земле от горя,
Как девок гнали палкой под венец...
Здесь тишина торжественно застыла,
Дремало ложе — тихо, как пустыня...
Аллах оберегал пустой дворец.

Приемная

Хан принимал в приемной той послов.
Они к нему, владыке, приползали,
Подобострастно руку целовали
И пыль глотали с дорогих ковров.
К поклонам их был безразличен он.
Когда ж была мала подарков куча,
Лицо его темнело, словно туча,
И был проситель этот обречен.
Никто не смел до срока подниматься,
В глаза смотреть и даже — улыбаться,
А лишь спиной показывать, что рад...
Века летят.
Давно уж нету хана.
Пришла пора иная, долгожданна,
А вот ковры... лежат... лежат... лежат...

С башкирского

Равиль Бикбаев

Из стихов моих исчезла смелость.
Или сам успел я смирным стать?
Мирозданье мне обнять хотелось,
Звезды с неба гроздьями срывать.

А ведь были песни, словно кони,
Горячи, порывисты — беда!
Как тулпар, бегущий от погони
Безоглядно и невесть куда.

Зорче стал, конечно, не с тоски я,
У души, видать, открылся дар,
И глядит мой стих в глаза людские,
Словно усмиренный конь тулпар.

Есть точный срок у птиц
Для возвращенья,
И для цветенья
Срок есть у цветка.

В дыханье дня
Мы ловим приближенье

Капели первой,
Первого ростка.

Нет сроков у поэзии,
Как нету
Конца волнениям
И начала мук.

Как горы,
Что сдвигаются к рассвету,
Обрушиться ты сразу
можешь вдруг.

И то клокочет мир
В объятьях тесных,
То, словно боль,
Затихнет через миг.

Иль это сон?
Но зазвенела песня,
Как сквозь скалу
Пробившийся родник.

Сак и Сук

Этот зов в горах родился где-то,
Но звучит тревожно там и тут.
Мечутся две птицы до рассвета
И никак друг друга не найдут.

Сак! Сук! Сак! Сук!¹ —
Вздохов переливы
Обжигают издали меня:

¹ Сказочные образы двух братьев, за непослушание проклятых матерью и принявших обличие птиц Сак и Сук, которым не суждено встретиться.

Справа Сак зовет нетерпеливо,
Слева Сук откликнулся, маня.

В жизни знал я разные напасти,
И судьба бывала на весах...
Слева —
Громко торжествует счастье,
Справа —
Горе топчется в слезах.

Суждено и радостям забыться,
Горы стираются в песок...
То одна меня тревожит птица,
То зовет другая за порог.

Сомневаюсь в том порой, что свято,
Верой и неверием томясь,
Словно и во мне живут два брата,
Между прошлым, будущим кружась.

Я еще мечтаю, чтобы каждый
Счастлив был. Чтоб минула беда,
Чтобы разлученные однажды,
Вновь соединились навсегда.

Как моей душе уgomониться,
Как заснуть, пригревшись, у печи,
Если разлученные две птицы,
Мечутся неистово в ночи?

Голос их смолкает лишь с рассветом,
Но всю жизнь в ушах моих звучит
Слева —
Ночь глухая, без просвета,
Справа —
Утра раннего лучи.

Сак и Сук...
Не устаем томиться

Отчего? Не знаем — отчего.
Сак и Сук...
А может, эти птицы —
Половинки сердца моего?

Жизнь

1

Как из-под земли пробился лучик —
Родника веселая струя.
Скачет по камням ручей певучий,
А за ним сбегая вниз и я.

2

С камушка на камушек — со склона
На простор, где солнце да пески.
В реку ручеек нырнул с разгона,
Обогнав другие ручейки.

3

А теперь уж вроде бы не к спеху —
Плыть да плыть средь сосен, елок, ив...
И вплыла она в большую реку,
Имя вновь свое переменив.

4

Раз вздохнул, и нет тебе покоя —
Запах у черемухи хмельной!
А река с другой слилась рекою,
Чтобы стать могучею рекой.

5

Ширины невиданной. Граница —
Горизонта призрачная нить.

Где взять время, чтоб остановиться,
Жизнь, что пробежала, оценить?

6

Где родник? Где речка на просторе?
Жизнь моя, прости меня за все!
Предо мною море.
Плещет море
Мне водой соленою в лицо.

*С белорусского*Сергей Законников¹

Года улетают куда-то,
как листья с осенних ветвей.
Что было со мною когда-то,
я в памяти встретил своей.

Стою я в душевном разброде —
что взять с собой в новую даль?
Вот мелочь пустячная вроде,
а — жизнь,
и мне мелочь ту жаль.

Мне жаль колыбельной. Негромко
звучала она надо мной.
И мама, как ясная зорька —
такой же была молодой.

Мне жалко тропинок вечерних,
что в бор сквозь туман нас вели.
Цветов — несомненно, волшебных,
мы их до сих пор не нашли.

Студенческой дружбы мне жалко,
горячих ветров целины.

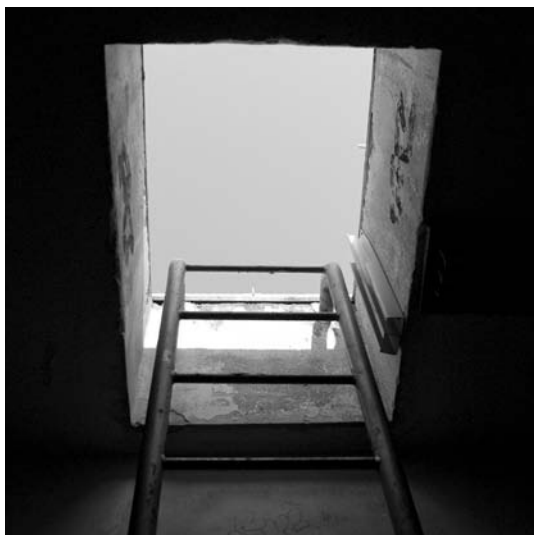
¹ Встань раньше солнца. М. : Советский писатель, 1985.

Немало дарила подарков
судьба мне,
а снятся — они.

Мне жаль золотистых веснушек
любимой, что в мире одна.
И щебета милых девчушек,
которых украла весна.

-

ИЗ РАБОЧЕЙ ТЕТРАДИ



Сказ о человеке, его гордыне и душе

Вот ведь иной раз что случается: жил человек, как все, то есть шагал и шагал своей дорогой, своим путем, хлеб добывал честно, с другими, бывало, делился лишним куском и сам не брезговал чужой есть, когда нужда возникала. Дом свой, как умел, вел, с женой лишний раз старался не ссориться, поскольку она не откуда-то с неба свалилась, а им же самим и выбрана была среди великого множества женщин — тут уж, как говорится, чего вовремя не усмотрел, потом ищи-ищи, не найдешь... С сослуживцами тоже ладил, денег в их карманах не считал, удачам жизненным не завидовал — всяк живет, как может. Чего же ему мешать зря?

Словом, все вроде бы ладно у человека сложилось — ни бедно ни богато, ни шатко ни валко, ни хорошо ни плохо. Средне.

Да и не вся дорога еще пройдена, не весь путь истоптан, кто знает, что там, впереди? Может, и будет как раз то, чего душа давно уже желает, да помалкивает терпеливо в ожидании лучших времен, когда и развернуться будет не в грех, а в полное свое удовольствие. И никому не в обиду.

Шел он однажды с ведром, полным воды, по улице и увидел, как один человек о другого как бы стукнулся, и искорка-молния выскочила — кремневые, видать, характеры были... И не успел он глазом моргнуть, как забрезжил, заметался крохотный голодный огонек под ногами у одного из кремневых, а тут уже люди бегут, спешат на помощь — кто с хворостиной, кто с соломкой, а кто и палку сухую уже через колено на бегу переламывает, чтоб сразу схватило...

Стоит человек, размышляет — чего это они там делают, может, слепые или ненормальные вовсе — так торопятся,

что и с ног сшибить могут, ведро с водой опрокинуть, придется назад к колодцу идти...

И пока так размышлял, скукожился, почернел тот кремневый — испортился, в общем, в нем человеческий механизм.

Постоял, поглядел человек, покачал головой сокрушенно на дикость людскую, да и пошел домой чай пить.

Рассказал про беду увиденную всем, кого встретил по пути, — вот что бывает, когда кремень о кремень шаркнется.

А чего же, спрашивают, ты водой-то не плеснул, когда искорку-молнию приметил, когда огонек заметался, заегозил в двух шагах от тебя в поисках сухого прокорма?

Да вот, отвечает, замешкался малость, в размышление ударился — к чему бы этот огонек и что с ним дальше случиться может? А после разве ее, гиблую горячую заразу, такой малой водой из ведра зальешь?

И много еще разных вопросов можно тому человеку задать, тем более что он сам скоро, хотя и задним умом, понял, какого Ваньку сваял. Покаялся искренне про себя и решил за водой ходить поздно ночью или рано утром, когда на улице людей почти не бывает.

На том все вроде бы и закончилось: живет человек, как и раньше жил: ни богато ни бедно, ни шатко ни валко, ни хорошо ни плохо. Средне. Водопроводную трубу в дом провели, теперь не надо к колодцу ходить, ведро куда-то само по себе задевалось, ну а вместе с ним и история та неприятная забылась...

Оно и лучше — длинна жизнь, чего в ней только не случается, все разве упомнишь?

В другой раз, уже без ведра шел, а какой-то нахал обложил его трехэтажным матом, возмутился он, естественно, но духа не хватило вслух о том сказать. Посмотрел-посмотрел, вздохнул горестно и махнул на все рукой: «А бог с ним, брань на ворота не виснет!»

Отдался, значит, на волю случаю или судьбе — какая разница, как эта сила неведомая называется?

Не мог он, конечно, знать, что этот самый случай (или судьба) давно уже недвусмысленно сворачивает у него

за спиной пальцы на правой или левой руке, то не суть важно. Фиги все равно похожими получаются — и те, и другие одинаково на психику угнетающе действуют.

В общем, загнали его эти самые фиги в такой жизненный тупик, что дважды кончать с собой собирался, да, к счастью, вовремя о душе своей вспоминал — а вдруг загонят ее после его самовольной смерти в невозможность какую в наказание?

Пожалел ее и тем себя спас.

Главное же, что при всех обрушившихся на него неприятностях ни разу не взбунтовалась гордыня в нем, не разнесла к чертовой матери хотя бы одну стенку, за которой, может, и белый свет бы открылся, а наоборот, ссохлась, съежилась и как бы исчезла вовсе. И ничего. Спасся человек и стал дальше жить, чувствуя даже некоторое облегчение от того, что и знать не знает, куда эта самая гордыня, о которой священная книга писала, подевалась: то ли обронил, то ли сама куда сбежала.

Ну, нету и нету, какой теперь спрос с него, и так пережил невесть что.

Пошел в большой мир, где люди друг другу на ноги наступают, пихают в живот, а то и в рыло прямо локтями, которые природа будто специально отточила и назад острым повернула; где, помимо того, непрочь и душами чужими поживиться, приманивая их разными глупостями. Но его душа ни на что не польстилась — как молчала долгие годы, так и продолжала молчать.

Походил он в том большом миру всласть и понял вскорости, что и вправду иная потеря лучше находки: без гордыни-то, оказывается, куда как проще прожить — тебе в живот, ты в рыло, тебе по колену, ты — по сопатке!

И никаких разговоров, чье достоинство лучше, а чья честь — выше.

Кто раньше и крепче вдарил, тот и прав.

Вот тебе и тупик — загнали туда, чтоб посмеяться над ним и унижить, а он оттуда вышел и сквозь толпу, как через кусты, ломит, не оглядываясь, кому на что наступил, кого куда локтем саданул.

Не зря, наверное, говорят, что унижение паче гордости.
Так оно, видимо, и есть.

А душа, конечно, привычно помалкивала.

Жалела, должно быть, его и тем себя спасала.

А может, сбегла вслед за гордыней куда подальше, когда он кулаками да локтями махался, да ведь не заметил — значит, не очень и нужна.

Теперь и развернуться не грех, в полное свое удовольствие.

А в обиду чью или нет — это уж как получится.

Сказ о вкрадчивом голосе

Человек видел яркие, красочные сны,
но они — забывались.

Не помнились, впрочем, и плохие сны.

Все, кроме одного.

Этот возвращался к нему, как комета.

Или, как наваждение.

Будто бы он стоит на краю огромной скалы.

Прямо перед ним чернеет бездна,

и он должен туда, в эту бездну, прыгать.

Причем делать ему это не хочется,

но какая-то сила заставляет.

Он вроде бы слышит даже чей-то настойчивый,
вкрадчивый голос,

утверждающий, что там — его душа.

Человек заглядывает туда, вниз, и ужасается огромности
и бездонности того,

что под ним и что называется его душой.

«Прыгай! — приказывает голос. — И тогда ты узнаешь...»

Станный, конечно, приказ, но послушаться нет никакой
возможности —

зажмурившись, он прыгает и тут же ударяется о твердь:
бездна оказывается мелкой ямой.

Дурацкий, в общем-то, сон...

Сказ о том, как правду делили

Нашел человек правду.
Видно, обронили и не спохватились...
Оглянулся человек вокруг, спрашивает — кто потерял?
Люди вмиг сбежались,
каждый к себе тянет — моя! Я потерял!
Крик, плач, ругань...
Нехорошо, в общем.
Решил тогда человек разделить находку на равное число долек,
чтоб было все по справедливости.
Сколько людей рядом оказалось, столько и получило.
Никто в обиде не оказался.
Разошлись люди — каждый со своей долькой правды.
И забыли вскоре, какой она, неделенная, была.
Помнил тот, который ее в руках держал,
мог бы и рассказать, только кто ему теперь поверит:
у него самого даже крохотного кусочка не осталось.
Он добрый был и потому, когда делил, о себе не подумал.
А другим о нем позаботиться и в голову не пришло.
Привыкли считать — дающий себя не обидит.
А этот взял да обидел.

Так и молва родилась о добром дураке,
который правду когда-то нашел и со всеми поделился,
а сам без штанов остался.

Большие часы государства и маленькие — людей

У нас, живущих в одной стране, есть общее время — жизнь.

И есть Большие часы, по которым живет государство, следящее за тем, чтобы эти часы не останавливались и не забегали вперед.

Но у людей есть собственные маленькие часики — жизни, по которым они живут, как умеют.

Иногда им даже кажется, что они заехали уже глубоко в Будущее, но, выглянув из окна вагона, вдруг видят неподалеку старый локомотив.

Значит, или они не уехали далеко, или тащат этот локомотив с собой.

От прошлого нельзя быстро избавиться, как от насморка.

И нельзя убежать от него в будущее, переводя только стрелки часов.

У нас уже не однажды было так, что государство жило по своим Большим часам, а люди — по своим маленьким.

Что из этого поучилось — все знают.

Как дважды два

Добро есть добро, а зло есть зло.

Вечная формула жизни, в которой человеку отведена знаковая роль между двумя символами.

Ясно и просто, как дважды два.

Только эта арифметика никому не давалась.

И не дастся никому, покуда существует человек, вся жизнь которого, быть может, и есть всего лишь зыбкое бытие между светом и тьмой, суетой и покоем, вчера и сегодня, робкая попытка заявить о своем существова-

нии в гигантском безлично-равнодушном мире пустоты, куда целые цивилизации, пройдя отмеренный им срок, уходили бесследно, унося с собой свои представления о добре и зле. А они оставались неизменными, как, может быть, единственно обнаруживаемая реально личина разумной жизни, ибо сама природа не знает ни добра, ни зла, как не знает законов, по которым творит бесконечное число материальных множеств.

Творит из самой себя, но во имя чего? Кто ответит? Человек?

Он, вознамерившийся бросить вызов природе, забывает, увы, о том, что и необозримо огромная планета, на которой пока хозяйничает, всего лишь ничтожная пылинка на далекой окраине ничтожнейшей из Галактик. А время, уже прожитое тысячами поколений людей, потрачено ими только на то, чтобы слезть с дерева и, сделав несколько шагов, понять, как мало они знают о себе...

Та картина, которую мы столько лет видим в окне, не изменится еще долго. Возможно, очень долго. Но когда-нибудь она все равно станет иной.

Увы, такова позиция наблюдателя, и мы все — пассажиры неспешно движущегося поезда истории, которая, начинаясь где-то за пределами нашего сознания, продолжается и с нами, и без нас...

К пониманию истинного положения вещей не приходят все сразу одновременно: люди берегут привычный образ жизни и не любят тех, кто проламывает потолки головой.

Как, впрочем, не любят и тех, кто предлагает им разбирать стену по кирпичику, по бревнышку. Лучше всего, когда, проснувшись, обнаруживают, что она исчезла сама собой...

О стране, где все наоборот

Однажды подарил ему приятель книжку своих стихов, в которой его внимание привлекло самое лаконичное:

*Весну украли или сглазили,
Лишь вяза скрюченно восстали —
Торчат, как корни повылазили
Деревьев, что растут в Австралии.*

И сразу вспомнилась сказка о стране на какой-то далекой планете, в которой все было наоборот. Как именно наоборот, большого значения не имело, главное было в том, что дожди там шли снизу вверх, деревья тянули к солнцу гигантские корни, а вся земля, плоская от горизонта до горизонта, была сплошь усеяна никогда не вянущими цветами. Дорогу же в эту чудную страну будто бы знали только те, которые не оступились ни разу, не сказали ни единого слова неправды, никого ни разу не обидели и даже в помыслах своих чисты, как только что выпавший снег.

«А-а...» — разочарованно протянул он, угадывая остальное и посмеиваясь мысленно над неистребимой тоской человека по абсолютной чистоте и совершенной жизни.

А мы, сказал он себе, живем в мире, где даже собственная планета существует как бы обособленно от нашей жизни и так, что трудно представить себе плоскую землю от горизонта до горизонта, плоский Тихий океан и уж совершенно невозможно — Эверест, торчащий над земным шаром едва заметным зубчиком, таким крохотным, что не отбрасывает даже тени. Но лишь в этом мире Случай однажды, зацепив кончиком пальца в гигантском бульоне несколько молекул, поднес невидимую шепотку к глазам и увидел, что это — человек, и сказал ему — это ты, и ты понял, что ты — действительно ты.

Может быть, и есть где-то они, эти свободные от сомнений и прегрешений люди, но только не на нашей земле — крохотном осколке какого-то иного мира, отколовшегося неведомо когда, но невидимо с ним связанного общим прошлым и будущим — с единственно реальным настоящим, в котором начинаются и кончаются наши жизни. Такие короткие, что даже в своей многомиллиардной совокупности не позволят нам достичь и самой близкой звезды. Но неистребима в нас вера в иную, чем выпала, судьбу, как и уверенность в особом, самой природой заложенном предназначении нести свое семя в глубины Вселенной.

Не потому ли и живем мы, смертные, не думая о конечности своей, бессчетно растрачивая отпущенные нам мгновения, словно надежда и вера и вправду могут продлить наше существование на этой трудной земле, на которой нет ни чистого добра, ни чистого зла, ни счастья полного, ни горя неисчерпаемого.

Нет ничего, что могло бы насытить или опустошить нас до конца и отрешить тем самым наши страждущие души от желания достичь самой что ни на есть высоты и упасть до самого что ни на есть дна?

Где тот, который хотя бы однажды сказал: «Я счастлив!» — и не захотел бы после этого ничего?

Где тот, который, познав всю глубину отчаяния, не потянулся бы, пусть даже взглядом, к мелькнувшей искре-надежде?

Где тот, который, спросив у себя однажды «Кто я? Зачем я?», не попытался бы ответить на эти вопросы, прежде чем уйти в никуда.

Про это

...Как взяли и оторвали часть меня самого,
и где теперь и какой я — не знаю:
здесь ли, там ли — настоящий.
Моя душа давно ушла к тебе
и в тебе поселилась,
и только когда мы встречаемся,
оглядывается на меня,
недовольная тем,
что — на время, на пока —
зачем я ей,
если ей хорошо и там?

О времени

Ты — сам себе время,
но — шепка в могучем потоке,
бегущем и мимо тебя, и с тобой,
то бросит на отмель,
то вынесет вдруг на пороги,
и тут же, как в омут,
затащит в себя с головой...

Душа расшифрована?

...Проникнуть в тайну человеческой души никому еще не удалось, и, надеюсь, не удастся никогда. Потому что тайна эта — не наша. Это тайна жизни вообще, но и тайна каждого человека в отдельности.

Кому-то душа, видимо, представляется в виде секретного замка. И где-то будто бы есть ключ к нему. Но если

это так, то все гигантское многообразие людей можно будет свести к одному-единственному клону.

Нам это надо?

Одна из массовых газет несколько лет назад опубликовала статью членов комиссии Минздрава по новейшей медицинской технике о методах биорезонансной терапии под заголовком «Душа расшифрована». То есть душа уже как бы была в руках у медиков, и они наконец ее расшифровали.

Что же они установили? «Человек — это открытый контур. Точка акупунктуры — волновой диод. Весь мировой эфир пронизан виртуальными фотонами, не знающими никаких преград...»

Факт, конечно, интересный, но мы говорим о разных вещах.

Где-то уже, возможно, растет в пробирке клон человека.

Уже реализуется программа производства запасных органов человеческого тела, и в скором времени человеку, потерявшему голову, поставят такую же в точности, как была.

Проблема мозгов никого не волнует, потому что сейчас немало людей, которые вполне без них обходятся. В крайнем случае, ему пересадят мозг дождевого червя, который, как утверждает известный физик Стивен Хокинг, во много раз разумнее, чем самый современный компьютер.

Это, конечно, шутка.

Мысли вразброс

Приятель мне рассказал, как однажды решил заглянуть в синагогу.

Это было вскоре после кровавых событий в ней, когда некий безумец ранил ножом несколько человек.

«У входа меня остановил охранник, — рассказывал он. — Спросил строго:

— Вы к кому и с какой целью?

— К Богу, — ответил я, — но цель пока не определена.

Он взглянул на меня еще раз внимательно, но пропустил.

В гулкой тишине пустой обители я долго пялился в потолок, не понимая, а зачем, собственно, сюда пришел: к Богу у меня вопросов никогда не было, а попросить у него чего-либо я мог бы и дома».

Нас постоянно догоняют ошибки, которые еще вчера ошибками не казались.

Но сегодня они ударяют сильнее, потому что мы уже знаем им цену.

И себе — тоже.

Признание: «Я всегда шагал нога в ногу со всеми вместе, но когда захотел идти своей дорогой, оказалось, что идти уже некуда и незачем — пришли...»

Книга от компании Майкрософт Windows Me для «чайников».

А что, собственно? Есть несколько способов превратиться в чайник. Но самое первое и главное — просто сказать себе: я — чайник. И все. Поставить на этом точку. Никто с тобой и спорить не будет: ну, чайник и чайник, что из того? Тебе оно нравится? Так и будь.

Но где есть грех,
Таится там и совесть.

Бог создавал нас для счастья, только нам об этом не сказал.

И лишь несчастный знает точно, что счастье — есть.

Вывороченный осенью корень яблони чернел мертвым комом, беспомощно растопырив обрубленные большие и малые корни.

Пустая яма наполнилась грязной водой.

— И зачем жила, спрашивается? — спросил мужчина.

— Для яблочек, — сказала женщина.

— Так яблоки-то съели!

— А семя-то все равно осталось. Где-нибудь и запало...

И снова будут яблоки.

Всего один патрон

(Рассказ)

Идея спуститься на плотах по горной реке родилась как бы сама собой, когда они, собравшись в тесной комнате общежития, заговорили о возможных маршрутах.

— А почему бы и не попробовать? — спросил Николай, вспомнив о своем деде-генерале, страстном охотнике

и любителе приключений в молодости. — Он весь Урал исходил и много раз сплавлялся на лодках и плотах — говорил, что большего кайфа нигде не ловил. И пообещал переговорить с ним о деталях организации этой поездки.

Остальное уже было делом техники, и во второй половине августа они оказались в большом уральском селе — исходном пункте их двухнедельного путешествия по Юрюзани.

Руководителем похода Олег, признанный лидер их группы, сразу предложил избрать Николая — его идея и организация, ему и вести. Он же сам, как и предупреждал, будет в основном пассажиром — в начале сентября ему предстояло пересдавать зачет, и все мысли его были сосредоточены на этом. Как человек обязательный, он взялся за дело основательно.

— Я должен знать сей предмет лучше преподавателя, — сказал он, загружая рюкзак книгами.

— Зачем? — спросил Николай.

— Надо ставить перед собой труднодостижимые цели.

— Это не цель. Всего лишь удовлетворение своего честолюбия.

— Хорошо, — согласился Олег. — Будем считать, что это маленькая, но трудноразрешимая честолюбивая задача.

Николай хмыкнул, но спорить не стал.

Разломив ружье, он стал рассматривать через ствол облака на небе.

— Хорошее ружье, — сказал он. — Но всего лишь один патрон. И тот я украл — дед не давал ни в какую. Теперь он будет храниться вот здесь. — И он похлопал себя по заднему карману джинсовых шорт.

— Без патронов ружье — просто палка.

— Но у меня есть один патрон, и это уже не палка.

— А ты стрелять-то умеешь?

— А как же, в тире потренировался. Из духовки.

— Лучше спрячь его подальше. Иногда и палка стреляет, — сказал Олег.

С плотом повезло — купили только что сделанный из сухостоя, с двумя основными и запасным веслом и тремя трехметровыми шестами.

— Заказывал тут один старый клиент, да не приехал, — сказал хозяин. — Чего ж добру пропадать... Топор и пилу двуручную тоже ему готовили, возьмете?

— А зачем?

— А упустите плот или разобьете, что будете дальше делать?

Решили все-таки не брать — авось пронесет.

Но схему реки, где черточками были обозначены и пронумерованы препятствия — перекаты и пороги, посмотрели еще раз внимательно — вроде ничего страшного.

Полдня учились управлять плотом, перемещаться в потоке, маневрировать, подходить к берегу и отходить от него, вытаскивать и вновь крепить весла. Ребята старались, как могли, но получалось это у них плохо. И парень, учивший их и согласившийся пойти с ними в роли лоцмана, в последний момент передумал.

— Вам надо еще недельку потренироваться, — сказал он. — На первом же шивере завязнете. А в бочку залезете — без плота останетесь. Один же я не справлюсь.

— А что такое бочка? — спросил Алексей.

— На пальцах не расскажешь. Попадешь в нее — сам поймешь. Но лучше не попадать.

Еле уговорили его пройти с ними хотя бы часть пути.

— Вот до сюда, — сказал он, ногтем большого пальца отчеркнув полоску реки на схеме. — И меня с вами не было. Мне неприятности ни к чему.

Уже неделю они спускались по извилистой и капризной горной реке.

О лоцмане вспоминали часто — с ним было куда как легче, хотя и натерпелись от него немало. Но теперь, вспоминая его зычные команды, могли бы, казалось, с закрытыми глазами обходить эти опасные «бочки», «бульники», «прижимы».

Лето было жарким, сухой выдалась и вторая половина августа. Перекатов, на которых вода свирепо вспенивалась и грохотала, ворочая тяжелые камни, оказалось больше, чем они ожидали. Работать пришлось всем, дважды плот с трудом перетаскивали через завалы и приводили его потом в порядок. И сбит вроде был крепко, но став уже расшатался основательно, а запасных креплений не взяли..

Ночевали на берегу в общей палатке, не разжигая костра — сил на это уже не оставалось. Утром, едва собрав себя по частям и наскоро перекусив, вновь отправлялись в путь. Как предупреждал их лоцман, надо было побыстрее выбираться из этого района — река мелела на глазах. На схеме дальше обещалась спокойная и глубокая вода.

В предвкушении скорого отдыха как-то забылся и главный завет лоцмана — смотреть, что впереди, особенно за грядущим резким поворотом. На первом этапе они, причаливая плот к берегу, немало набегались по его опасным кромкам туда и обратно. Ворчали на лоцмана, гонявшего их на разведку, но теперь понимали, что тот был кругом прав.

Усталость брала свое, а река, поначалу затаившись, а потом стремительно набрав скорость, готовила им сюрприз. Именно там, за поворотом, где они намеревались передохнуть, их и занесло на торчащий в самом центре струи огромный валун с той самой свирепо бурлящей «бочкой», о которой их предупреждал лоцман. Им не хватило времени и сил вернуться. Плот встал почти торчком — ребят выбросило за борт, и, подхваченных пенящимся валом, вынесло, к счастью, на каменистую отмель. Отделались ссадинами да царапинами.

Плот же, подарив реке шалаш, одежду, все коробки со съестными припасами и кучу разной нужной мелочи, вскоре сам вплыл в тихую тенистую заводь. Куда-то унесло и шесты с передним веслом, и рюкзак с книгами, но ружье чудом сохранилось, заклиненное между досками развороченного настила.

Пропавшие вещи лежали впереди у противоположного берега, но достать их теперь не было никакой возможности. А неподалеку распластала по воде страницы книга. Олег не поленился сплавить за ней.

— Надо же! — сказал он. — Не что-нибудь, а книжка моего любимого учителя. Все книги, между прочим, библиотечные, утопли. А эта — жива. Может, большего и не надо знать?.....

— Ну, вот, а ты хотел превзойти его, — сказал Николай. — Не позволил, значит.

— Не позволил, — согласился Олег и, помолчав, заметил: — Я и ее прочитать не успел.

— А где же обещанные красоты? — спросил Михаил. — Я опять ничего так и не увидел, кроме воды и камней. Много воды и много камней.

— И много проблем, — сказал Олег. — Не река, а мельничьи жернова.

— С ружьем мы теперь не пропадем, — сказал Николай. — Я знал, что оно нам пригодится.

— Зачем? Всем сразу не застрелиться — у тебя всего один патрон.

— А дичь на вертеле? А заяц, тушенный в камнях? А шашлык из медвежатины, в конце концов? Обширное меню — это лишь обзор возможностей, — поправился он, увидев, как оживились ребята.

— Только медведя не трогай, — попросил Алексей, — нам его не съесть.

— Я съем, — серьезно сказал Михаил. — Вместе со шкурой.

О случившейся катастрофе не говорили, понимая, что их путешествие закончилось, и надо как-то добраться до населенного пункта.

Над узкой полосой каменистого берега нависали ноздреватые козырьки скал, а дальше не виделись, но ощущались тяжелые громады гор, заросшие ржаво-зеленой щетиной низкорослого кустарника.

— Мы не знаем, что там, за поворотом, — сказал Олег. — Надо бы подняться на эту горку и посмотреть.

— Я схожу, — сказал, поднимаясь, Николай. — Вдруг да подвернется какая живность. Вторые сутки без горячего.

— Ну, какая тут сейчас живность? Да еще с одним мокрым патроном.

— Плохо ты обо мне думаешь. У меня есть один сухой патрон.

— И я схожу, — сказал Михаил. — Он один медведя не донесет, а что поменьше — съест без нас.

Оставшиеся внимательно осмотрели изуродованный плот, но без инструментов сделать ничего было нельзя. Сошлись на том, что, если дальше никаких перекатов не будет и сидеть аккуратненько и не дыша, можно будет доплыть до ближайшей деревеньки. По схеме она значилась неподалеку.

— Может, и за этим поворотом, — сказал Олег, и в это мгновение раздался выстрел, гулко прокатившийся над горой и скатившийся по козырьку скалы к ним.

Алексей стоял с открытым ртом, испуганно глядя на Олега:

— Неужто медведя и вправду завалили? — спросил потом с надеждой.

Они появились на краю каменистой береговой кромки и долго бежали, нагибая головы под свисающими ветками кустов. Ружья у Николая не было, он хмурился, а Михаил скалил зубы, едва сдерживая смех.

— Абзац! — сказал он, садясь на камень....

— Что случилось? — спросил Олег.

— Он застрелил козу. С пятидесяти метров. Почти не целясь. Прямо по рогам.

И, захохотав, свалился с камня.

— Козла. Это был козел, — сказал Николай, глядя в сторону. — Я думал — горный козел.

— Я тоже увидел. Бородатую рожу с рогами. А он — бац!

— Ты же мне сам сказал — вот тебе и шашлык! — обиделся Николай.

— Да? — удивился Михаил. — Не я сказал, душа, зараза, значит, шепнула. Ну, в общем, лезем наверх, смотрим: коза лежит вверх копытами, а на шее у нее длинная веревка. И какой-то пацан вниз бежит, кричит — козу убили! А оттуда люди на нас смотрят.

— Какие люди?

— Да из деревни. Там внизу — большая деревня.

— И что дальше?

— А что дальше? Мы — тут...

— Я думал — горный козел, — повторил Николай. — повезло, думал... А тут — коза...

И таким несчастным у него стало лицо, что все сразу представили себе, как, вытаращив глаза, он смотрел на горного козла с веревкой на шее, и дружно захохотали.

— Как же ты ее из дробовика уложил? — спросил, отсмеявшись, Олег.

— Дед, наверное, ошибся. Там, скорее всего, жакан был. Он в последние годы на крупного зверя охотился.

— Ни хрена себе ошибочка! — воскликнул Олег. — Козу, конечно, жаль, но по ошибке застрелил, а не по злому умыслу. Бог простит, а простят ли люди, в том еще большой вопрос. Поехали! Они нас уже там ждут.

На плоту сидели молча и смотрели на бегущий рядом крутой берег с выступающими скальными глыбами.

Только раз Олег, удерживая кормовым веслом плот посреди течения, окликнул Николая:

— У тебя какая отметка по географии в школе была?

— Тройка. У меня по всем предметам, кроме математики, были тройки. А что?

— Понятно. Ты же у нас вундеркинд.

— Я по математике вундеркинд, ты же знаешь, — мрачно поправил его Николай. — А все остальное мне было до лампочки. Как-то обходился... А при чем тут география?

— На Урале горные козлы не водились. Никогда. Так что не надо говорить о горном козле.

— Но я же правду сказал! — вскинулся Николай.

— Правда там не нужна. Надо договориться, чтобы без милиции.

— Я стрелял, с меня и спрос.

— Нет, кто из нас умеет соврать так, чтобы ему поверили?

Все взгляды сразу же обратились на Михаила.

— Возьмешься?

— А вдруг душа опять подведет? — скорбно спросил тот.

— Ладно, тогда я буду разговаривать. Итак, ружье мое, и стрелял тоже я, — сказал Олег.

За поворотом горы, расступаясь, открыли широкую долину с большой песчаной отмелью. На ее краю толпилось с десятков мужчин и женщин. Впереди, по колени в воде, стоял мужик с длинным багром. Двое в трусах придерживали на плаву лодку. Было видно, что не первой им приходилось караулить проплывающих — видать, шалили туристы в этих краях нередко.

— Ну, что! Синяки украшают настоящих мужчин! — бодро сказал Олег, разворачивая плот в сторону отмели.

Задержанных под конвоем сельчан привели к большому дому с оцинкованной крышей и усадили на скамейку у калитки. Сопровождающие расселись на траве вокруг. Пока шли от реки, вдоволь накричались и наговорились. Теперь ждали, что решит общественный помощник отсутствующего милиционера. Олега с пострадавшей хозяйкой козла он увел во двор к столу под деревом. Вышедшая из дома женщина забрала багор и унесла в сарай. Потом вернулась и поставила на стол большую кружку с водой.

— Неси сюда ружо! — крикнул мужик, не спуская тяжелого взгляда с лица Олега.

Женщина принесла ружье и положила на стол.

— Твое? — спросил мужик, дернув подбородком.

— Мое, — сказал Олег.

— А зачем бросил?

— Растерялся. Я не хотел убивать козу.

— Но убил?

— Нет. Я стрелял в воздух.

— Какой воздух? — заорала хозяйка козы, подпрыгнув на скамейке. — Кормилицу мою единственную убил!

— У вас был дойный козел? — наугад, но вежливо, спросил Олег.

— Чево это он? — вытаращила глаза хозяйка. — Люди добрые...

— Да молчи уж! — оборвал ее досадливо мужик. — Мелешь, и сама не знаешь, что. Козел он есть козел. Так, говоришь, не убивал?

— Нет.

— Что ж, он сам что ли застрелился?

— Под пулю случайно попал. Высунул голову не вовремя.

— А зачем стрелял?

— Я вверх стрелял — сообщал товарищам, что нашел деревню.

— Как это — нашел? — удивился мужик. — Она тут лет триста стоит.

Олег обстоятельно рассказал, как разбился плот, как оказались без вещей, продуктов, документов и денег у этой горы и зачем полезли наверх. «У нас чудом сохранилось ружье, и был всего один патрон, — добавил он, завершая рассказ.

Мужик внимательно слушал, потом залпом выпил воду из кружки, вытер губы рукавом рубашки и сказал:

— Понятно. Но за козла и стрельбу у населенного пункта надо платить. Ружо, само собой, я арестовываю, поскольку у тебя нет документов на него. Привезешь — отдам назад. А за козла... Анна, сколько за козла возмешь?

Хозяйка было вскинулась и открыла рот, но он стукнул ладонью по столу:

— Цену назначай быстро! Или я сам назначу.

Она глубоко вздохнула, захлебнулась воздухом и...

— Денег у нас нет, — сказал Олег. — Но мы можем отработать.

— Слышала, Анна, нет у них денег, — повторил мужик. — Хотят отработать.

— Так это... так, то есть, — растерянно забормотала она, оглядываясь на людей за забором.

— Когда картошку собиралась копать? — подсказал мужик.

— Так через недельку, счас рано еще...

— Ничего не рано, — возразил мужик. — Давно уже подкапываем. А у тебя ранний, самый раз. Первая на рынок свезешь... Ну?

— Ну разве на рынок... — протянула женщина, снова оглядываясь на людей.

— Вот и ладно! — заключил мужик. — Так и порешим. Только и мою картошку заодно выкопаете. Отработаете — скатертью дорога.

И, прихватив ружье, пошел, довольный, в дом.

Люди, сидевшие на траве за забором, все слышали и, судя по репликам, были с приговором согласны.

Поле, на которое их привела Анна, показалось ребятам чудовищно большим.

— Сколько тут гектар у вас? — испуганно спросил Михаил, озираясь.

— Соток, — поправил Олег.

— 20 соток, милок, — сказала хозяйка. — Больше не дают.

— Как же вы тут справляетесь?

— Лошадь мне начальник дает, без нее бы не управилась. А с нею — за день управляемся. Вы аккуратненько в кучи все собирайте. Я потом мешки принесу.

— А где у начальника участок?

— Да рядом. Вот от этой межи справа.

— Покормить бы надо работничков, — сказал Олег, оглядывая поскучневших ребят.

— Накопаете картошки — наварю.
— И попить бы чего, — осторожно намекнул Алексей.
— Ага, и пирогов праздничных! — ядовито заметила хозяйка. — Счас испеку...

И ушла, помахивая длинным подолом юбки.

— Кто из нас когда картошку выкапывал или сажил? — спросил Олег. — Или хотя бы лопату держал в руках? Все держали? Но картошку не сажали? Никто? Я нас поздравляю — мы получим замечательный урок. На всю, полагаю, жизнь.

Когда к концу второго дня к ним, загоревшим до черноты, мокрым от пота, с обмотанными грязными тряпками ладонями рук, обессилено лежащим на кромке поля пришла Анна, они, приподняв головы, смотрели не на нее, а на белобрысого мальчишку, держащего на веревочном поводке старого козла со сломанным рогом.

Козел, как показалось им, подленько ухмылялся.

Замкнутый круг

Утверждают, что самое таинственное из всех существующих явлений — закон «падающего бутерброда». Перед загадкой — почему он всегда падает стороной, намазанной маслом? — встали на колени представители всех научных дисциплин, и никто уже даже не пытается высказать хотя бы версию более или менее вразумительного объяснения. Можно сказать, что наука поставила на этом вопросе крест.

По принципу — почему собака лает? Да потому, что — собака. И все.

Нечто подобное происходило и с более, несомненно, серьезной проблемой, которой посвящена огромная литература, не говоря уже о том, что вряд ли найдется в мире человек, который не задался бы вопросом — в чем смысл жизни?

Если рождение человека — божий промысел, то там, наверху, очевидно, должны знать, с какой целью отпускали человеку жизнь. Может, как задачу, которую он обязан решить сам? И, конечно, знают, как он ее решит. А совпадут ответы или нет — это уже вопрос другой. И не к нему, земному, потому что человек к этому моменту уже свой жизненный путь завершит.

Вот такой замкнутый круг получается, из которого выхода нет.

Кроме, понятно, единственного — верить в то, что твоя настоящая жизнь не здесь, а там.

Законопатить жизни щели
куда как просто было б нам,
когда б творили зло Кощеи
с Баба-Ягою пополам.

Увы, совсем иные беды
и страх совсем иной, увы,
на берегах туманной Леты
в тени лесов и трын-травы.

Жаль, нет туда иного хода,
как только снова в детство впасть.
Вот караулит зло у входа —
другой калибр, другая масть,

Другое все. И ты, конечно,
из сказки вышедший — другой:
как и положено — не вечный
не старый и не молодой,

понявший вдруг при ярком свете,
не освещающем углы,

что все кощеево бессмертье
все там же, в кончике иглы.

Всего и только! Достижимо
при всех превратностях вполне,
а тут ступал, казалось, мимо
дерьма, и все-таки — в дерьме...

Такая мудрость. Не пристало
с ней спорить из последних сил:
Со злом бороться толку мало,
пока иглу не ухватил.

Куда уж проще был сюжетец
И про Кощея, про Ягу...

Держу в руках, как лампу, месяц —
ищу Кошееву иглу.

Много разных обличий мерзости,
только больше еще подобия —
никакой тут закономерности,
кроме разве лишь — уzkолобия,
узкодушия, узкосовести,
словно сужено так с рождения —
бесконечные строки повести
человеческого падения...

Я заблудился в жизни, как в лесу —
оставлен здесь иль заплутал случайно,

И ветки бьют угрюмо по лицу,
сова там где-то ухает печально.

И ни следа на брошенной тропе —
зверье давно, должно, ушло отсюда...
Я предоставлен самому себе,
Как динозавр, не умерший покуда.

Во мне свернулся в узел целый век,
три поколенья бед, обид и болей,
и новый нерожденный человек
теперь во мне, как партизан в подполье.

Немало знаю, многое постиг
и не привык считать себя обузой,
но здесь, в лесу, застрял, как грузовик
с забытым иль ненужным грузом.

О, как земля истоптана окрест!
И груз взвалил на плечи тяжкий,
Тащил без никакой поправки,
А на Парнасе нету мест.

Давно все заняты.
К тому же
Там даже трубный глас не нужен —
Оставлен на земле греметь,
а подголоски и поныне
нашли б поклонников в пустыне,
когда б резон в пустыне петь.

И потому такой лишь выбор:
иль молчаливым быть, как рыба,
Иль в полный голос — от души.

Что из того, что в прошлом веке
сказали все о человеке,
коль можешь, что сказать
— скажи!

Среди известных нам философем
Не лучшая, так скажем, но стодится:
Хотя, конечно, курица не птица,
Забор перелетает между тем...

Когда я был мальчиком

Когда я был мальчиком, я любил читать и ходил за книгами к одинокому старику-соседу. Он был давно на пенсии, жил замкнуто и почти не общался с людьми. О нем мало что знали — говорили, что он долго жил за границей, а потом столько же — в психушке. И как недавно оказался в нашем доме да еще с таким количеством книг — никто объяснить не мог.

А книг у него было действительно много. Они плотно стояли на деревянных полках от пола до потолка у всех стен, даже тех, где были окно и дверь. В центре комнаты рядом с узкой железной кроватью громоздился широкий стол, половину которого тоже занимали высокие стопки книг. И было еще удобное кресло с чьей-то облезлой шкурой и тумбочка с чайником и большой белой кружкой. Другой посуды я у него не видел, как не видел и никаких продуктов. Я думал, что он вообще не ест, потому что ни разу не встретил его на общей кухне или с мусорным ведром во дворе.

— Глупости это, — недовольно сказала мама, когда я поделился с ней своими сомнениями. — Человек не

может не есть. Если, конечно, не хочет умереть. И вообще ты напрасно ходишь к нему.

— Почему? — удивился я. — Я хожу к нему за книгами.

— А о чем вы разговариваете?

— Ни о чем. Он просто дает мне какую-нибудь книгу, и я ухожу.

— Ну, хотя бы как его зовут, ты знаешь?

— Нет, он не говорил.

— А как тебя зовут, спрашивал?

— Нет.

— Как же вы тогда общаетесь?

— Я стучусь в дверь, он ее открывает, я говорю «Добрый день!» и отдаю ему книгу.

— А он?

— А он кивает головой, потом закрывает за мной дверь, идет к столу, берет другую книгу и дает мне. Я говорю «Спасибо!» и ухожу.

— И он ни разу не спросил, нравятся тебе эти книги или не нравятся?

— Нет. Но он дает мне такие книги, которые не могут не нравиться.

— Да, — согласилась мама. — Он действительно дает тебе хорошие книги. Но все равно все это очень странно. А как это у вас началось? Ну, как ты попросил у него первую книгу?

— Когда я узнал, что у него много книг, я постучался к нему в дверь и спросил, можно ли у него брать книги для чтения. И сказал еще, что буду относиться к ним очень аккуратно.

— Ну, и?

— Он спросил: а сколько мне лет?

— Я сказал — почти тринадцать. И он сказал, чтобы я пришел завтра в это же время. Я пришел, и он дал мне Робинзона Крузо. Я не стал говорить, что уже читал ее, потому что мне хотелось прочитать еще раз.

— Да, помню, у тебя тогда был очень потрепанный Робинзон Крузо, — сказала мама. — И мы вместе с тобой

приклеивали странички клейстером. Там, по-моему, не было нескольких страниц.

— Там не было ровно шестнадцати страниц. Поэтому я и не сказал ему, что уже читал эту книгу.

— И все-таки все это очень странно, — задумчиво повторила мама. — Он дает тебе свои книги, а ты не знаешь, как его зовут. И он не знает, как зовут тебя.

Мне же странным это совсем не казалось — главным было то, что он давал мне читать хорошие книги, и теперь не нужно было стоять в очереди в детской библиотеке или торговаться с вредным и жадным Киршем, который за каждую книжку брал деньги или какую-нибудь вещь. При этом давал книгу только на ночь, чтобы не заметил отец, игравший вечерами на трубе в оркестре кинотеатра «Октябрь». Он был, по словам мамы, невероятно красивым, и все женщины были в него влюблены. Многие из-за него ходили по три-четыре раза на один и тот же фильм. «И ты тоже?» — спросил я. «Что — тоже?» — сердито спросила она, оглянувшись на молчаливого папу. «Ничего — проехали!» — тут же сказал я, привычно прерывая разговор.

О младшем Кирше тоже говорили, что он красивый мальчик, но я у него был в постоянном долгу из-за книг и ничего красивого в нем не видел. Если бы мои родители узнали, сколько всего разного я перетаскал ему за последний год, какие обменные операции проводил, чтобы добыть требуемое Киршем, они бы не обрадовались. За книгу «Остров сокровищ» он запросил, например, немецкую авторучку со стеклянным пером, и мне пришлось обменять стыренный у отца старый серебряный портсигар на немецкую же губную гармошку, а ее потом — на шикарную английскую бензиновую зажигалку, которую жаждал заполучить владелец авторучки.

У каждого из нас тогда был накоплен солидный запас нужных для выгодного товарооборота иностранных штучек в виде зажигалок, авторучек, открыток, марок, значков, брелков, бумажников, портсигаров и прочей ценной мелочи, обмененной на хлеб и сахар у военно-

пленных, работавших в городе. Свои накопления я давно уже перенес ненасытному Киршу и теперь должен был выкручиваться, воруя потихоньку в собственном доме, каждый день ожидая разоблачения.

Книгу за ночь я прочитать, конечно, не успел — огарок свечи, который я приспособил для освещения под одеялом, был совсем маленький и скоро угас. Полдня вместо того, чтобы учить уроки, я дочитывал книгу, а в школе Кирш за то, что я нарушил условия, наложил на меня штраф — целую плитку жмыха и на месяц лишил права пользоваться его библиотекой. Теперь он каждый день напоминал мне об этом жмыхе, грозя навсегда отлучить от своих книг, но я так же настойчиво клялся расплатиться, хотя в его книгах уже не нуждался. А вдруг, думал я, сосед перестанет давать книги и тогда, что я буду без Кирша делать?

У нас книг почти не было, если не считать моих школьных учебников и с десятков отцовских книг по сельскому хозяйству, финансам, охоте и рыбалке, да маминых любимцев Писемского, Лескова и Мамина-Сибиряка, которые мне были не интересны.

Читать родители любили, но в эти послевоенные годы было не до чтения — боялись опоздать на работу, поэтому вставали рано и рано уходили из дома, возвращались же поздно, когда часто отключали электричество, и приходилось зажигать керосиновую лампу или свечку, если не было керосина. И рано же ложились спать, чтобы не проспать и не жечь зря дефицитный керосин и тем более — свечи, которые тоже редко появлялись в магазинах. Но к моему увлечению книгами относились с пониманием, и когда я стал приносить книги от соседа, читали их по выходным тоже. Теперь я уже мог не глотать книги, как прежде, проскакивая глазами целые страницы.

Возвращал прочитанное я обычно через неделю утром в воскресенье, чтобы можно было спокойно читать новую до самого вечера. Я не знал, какую именно книгу мне даст сосед, но каждый раз, стуча костяшками пальцев в его дверь, я ждал чего-то необыкновенного

и неожиданного — так завораживали меня аккуратные стопки книг на столе старика, из которых он, не выбирая, давал мне новую взамен прочитанной.

Однажды я задержался у него, чтобы помочь ему затолкать недлинную складную лестницу под кровать. И пока он заправлял смявшуюся постель, стал рассматривать красивые книжные корешки на полках. Это были собрания сочинений разных писателей — Пушкина, Толстого, Тургенева, Чехова...

Старик кашлянул у меня за спиной. Вздвогнув от неожиданности, я обернулся.

— Все эти книги, — хрипло сказал он и широко обвел рукой вокруг себя, — написаны на бумаге, сделанной руками умирающих от голода, холода и унижения. Они пилили и рубили деревья на лесоповалах, — пояснил он после долгой паузы. — И когда я узнал об этом, я перестал читать эти книги.

Честно говоря, я ничего не понял, хотел было спросить, а зачем же ему тогда книги, которые он не читает, но он уже отвернулся, буркнув себе под нос — «ладно, иди!».

Сказанное стариком весь день ворочалось у меня в голове кучей вопросов, и я еле дождался родителей, ухаживавших навестить родственников.

Отец удивленно посмотрел на маму, мама испуганно — на отца.

— Он определенно псих ненормальный, — сказала, наконец, мама.

— Псих и есть ненормальный, — поправил ее отец.

— Тебе надо обязательно с этим психом поговорить, — сказала она, пропустив мимо ушей его реплику.

— О чем? — спросил отец. — Почему он не читает свои книги?

— Ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду. Зачем он морочит голову нашему сыну?

— Это не он морочит мне голову, — сказал я. — Это я хочу узнать у вас, почему книги пишутся на бумаге, сделанной руками умирающих от голода и холода людей?

— Ну вот, пожалуйста! — взмахнула руками мама.

— Сынок, это всего лишь художественный образ, — смущенно сказал отец. — Я потом тебе все объясню.

— Только не вздумай ни у кого больше об этом спрашивать, — строго сказала мама.

— Конечно, — пообещал я. — Я уже все забыл.

На другой же день на перемене я щегольнул перед друзьями новым знанием о том, на какой бумаге, оказывается, печатаются писатели, портреты которых висят у нас над головами в коридорах школы. Большого впечатления на них это не произвело и вскоре всеми забылось. Не возвращался к разговору и отец, видимо, посчитавший, что мне еще рано объяснять вещи, которые плохо укладывались и в головах взрослых.

Прошел месяц с того дня, когда я впервые переступил порог комнаты старика. Неделю назад, когда я был у него, он показался мне совсем худым и немощным, лицо было почти белым, а под запавшими глазами висели темные мешки кожи. Я спросил у него, как он себя чувствует. Он ответил — «замечательно» и сунул мне дрожащей рукой здоровый, как кирпич, первый том Фенимора Купера. «Раз есть первый, значит, будет и второй», — радостно подумал я и побежал вприпрыжку делиться своей радостью с родителями.

В следующее воскресенье я, как обычно, постучал в его дверь, но он открыл ее не сразу. Я слышал, как он тяжело вставал с кресла, как медленно, покашливая и шаркая подошвами ботинок по полу, шел к двери, как трудно открывал замок...

Лицо у него было неподвижное, как маска, и словно осыпанное пеплом. Он смотрел на меня немигающими светлыми глазами и тяжело дышал, придерживая открытую дверь.

— Проходи, — сказал он. — Я тебя ждал.

— Извините, я не знал, что вы болеете, — пробормотал я, не зная, что говорить и что делать дальше.

— Пустое! — сказал он свистящим шепотом. — Подвинь сюда кресло.

Я с трудом развернул кресло и подтащил его к старику. Согнувшись, он боком вполз в него и надолго замолчал.

Я стоял, как последний дурак, посреди комнаты. Потом сказал:

— Я сбегая за родителями.

И остался на месте, все больше пугаясь его закрытых глаз и молчания.

— Не надо, — вдруг сказал он. — Возьми все книги на столе и уходи.

Я оглянулся на стол со стопками книг и покачал головой.

— Я не могу...

Он открыл глаза и сказал, почти не разжимая губ:

— Вынеси их в коридор. Потом отнесешь домой. Они — твои. Там в конверте записка, что я тебе их подарил. Для твоих родителей, — уточнил он после длинной паузы.

Перетаскав книжки в коридор и уложив их в такие же аккуратные стопки, как на столе, я вернулся к старику.

Он по-прежнему полулежал в кресле с закрытыми глазами.

— Я все сделал, — сказал я.

— А теперь уходи, — проговорил он, не открывая глаз.

— Я сбегая за мамой, — повторил я и для убедительности добавил. — Она принесет лекарства. Она фармацевт.

Старик слабо отмахнулся кистью руки.

Родители недолго побыли в комнате, куда я их вскоре привел. Я оставался ждать их в коридоре — мне там уже нечего было делать. Отец пошел куда-то звонить по телефону, мама осталась со мной. Мы стояли у стопок книг, сложенных мною полчаса назад.

— Вот книги, которые он мне подарил, — сказал я. — Целая библиотека, да?

Я хотел, чтобы мама порадовалась вместе со мной.

— Да, целая библиотека, — подтвердила она, даже не взглянув на книги.

Я подумал, что она сердится на меня за то, что я выпросил эти книги у старика.

— Я у него не просил, — сказал я. — Он сам мне их подарил. И даже написал об этом. Я протянул ей конверт, но она его не взяла, сказала:

— Это все потом, давай подождем, когда вернется отец.

— А как он, старик? — спросил я, вдруг вспомнив, что ничего о нем она не рассказала.

— Он умер, малыш, — сказала она.

— Как умер? — поразился я. — Ты что? Я ведь недавно с ним разговаривал. Ему же надо было только дать лекарство, ты что — не смогла? Ты же фармацевт!

Она погладила меня по голове и ничего не ответила.

Потом пришел отец, потом мы долго ждали, когда приедут врачи и милиция, потом носилки с телом старика с трудом выносили на улицу к машине, потом печатавали его комнату. Потом я услышал, как человек в белом халате сказал отцу с матерью: «По-моему, он просто умирал себя голодом». «О, боже!» — воскликнула мама и посмотрела почему-то на меня.

Потом его повезли из морга хоронить на кладбище, и я сбежал с уроков, чтобы проводить его, как говорили, в последний путь.

Проводы были недолгими, а последний путь коротким — гроб вынесли из мрачного здания без окон четыре смурных мужика и со стуком поставили в открытый кузов грузовика. Во двор меня не пустили, и я попросился со стариком, имени которого так и не узнал, глядя в широкую щель между железными воротами.

Мне было его искренне жаль, но тогда я думал о том, что теперь навсегда пошлю к черту этого красавчика Кирша с его книгами. И был почти счастлив.

Обломок неба

Это был самый длинный отрезок пути за три дня их похода.

Уже который час они, согнувшись под тяжестью рюкзаков, шли угрюмо и молча.

Никто и глазом не моргнул, когда ведущий выбросил ненужную карту-двухверстку, на которой не то что деревни, но и гор, в которые они забрели, не значилось.

— Дерьмо, — сказал ведущий. — Большая туфта эта карта.

Они были друзьями и ровесниками, но он в цепочке всегда был первым, и с этим никто уже не спорил. Не спорили и на этот раз — если выбросил карту, значит, знал, что делать дальше. Только идущий вторым горестно сплюнул: «А коньячок бы нам пригодился, зазря отдали».

— Теперь ты у нас — Моисей, — сказал он ведущему на коротком привале. — Он знал, куда вести.

— Магомед, — поправил его другой. — Он знал дорогу к Аллаху.

— Будда, — не согласился третий. — Он верил в переселение душ. Сделай меня, пожалуйста, деревом. Я буду хорошим деревом.

— Нет, — сказал ведущий. — Я бы сделал тебя палаткой, которую ты забыл на первой же ночевке. Но я атеист, а ты будешь плохой палаткой.

О палатке вспоминали часто. Они поздно тогда спохватились, решили, что сойдет и так. Не сошло.

— Пусть его укусит самый большой комар в этой местности, — заключил дискуссию ведущий, и они снова впряглись в свои рюкзаки, ставшие после отдыха в два раза тяжелее.

Тропка, на которой их застал проливной дождь, была пошире прежних и натоптанней.

— Вселяет надежду, — сказал ведущий негромко, но все его услышали. Тем более что раньше он вообще ничего не говорил о тропинках, которые выбирал.

Кто-то крикнул тяжело за спиной, но он не оглянулся. Рюкзак у него был самый большой и увесистый, и об этом тоже все знали.

Останавливаться было нельзя — в горах ночь с дождем без укрытия опасна.

— Два раза. Нет, даже три, — сказал сквозь сжатые зубы идущий вторым.

— Ты о чем? — спросил, не оборачиваясь, ведущий.

— О твоём большом комаре. Пусть он укусит его три раза.

— Ты очень жесток, — укорил его ведущий.

И они опять надолго замолчали.

Остаток сил был потрачен ими на штурм каменистых осыпей, пока по крутой извилистой дуге не вышли к подножию скалистой вершины с налипшим на ней взлохмаченным войлоком облаков.

Стояли, опершись руками о спины друг друга, и широко открытыми ртами ловили ускользающий влажный воздух.

Ведущий оглянулся, скользнул взглядом по лицам каждого, потом шагнул вперед и, сдвинув на затылок бейсболку, стал разглядывать вершину.

— Ты чего? — спросил шедший вторым.

— Обломок неба нашел, — ответил ведущий. — Непорядок, надо ставить на место. Иначе дождь нас утопит. Подождите меня, я скоро вернусь.

И, сбросив рюкзак, пошел по узкой тропинке, ведущей к вершине горы.

— Куда это он? — спросил третий, вытирая мокрым рукавом лицо.

— Небо ремонтировать пошел, — сказал второй, выливая из своего ботинка воду.

— Он и это умеет? — удивился четвертый и повалился на камни, не снимая рюкзака.

— Зато у нас передых-передрем, — сказал второй, плюхнувшись рядом. — Господи, мокро-то и хорошо как!

— А если не получится? — спросил третий, садясь по-мусульмански на корточки.

— Обратно сюда принесет, — пояснил второй. — В музей сдадим.

— А-а, — протянул третий. — А где он этот обломок нашел?

— Тут и нашел. Под ногами валялся.

— Везет же человеку, — вздохнул третий и тоже опрокинулся на спину. — Под ногами... А я вот только спину твою и видел.

— Ну и что?

— Он нашел, а я — нет. Обидно. Ничего, если я в траве поплаваю?

— Валяй, если траву найдешь, — сказал второй. — Только не намокни.

— А чего? — удивился четвертый. — Теперь я мокрый на веки вечные. Как он там? Ремонтирует?

— Ага, — сказал второй. — Ремонтирует.

Все разом подняли головы и стали смотреть на вершину, еле видную сквозь потоки дождя.

Молчали и ждали, когда он начнет спускаться.

Ждать пришлось долго.

Они не отрывали взгляда от маленькой фигурки, то пропадающей из вида, то возникающей вновь между гребней горы. Иногда он взмахивал крохотными из-за расстояния руками, и все понимали, что там скользко...

— Как чижик-пыжик, — сказал третий. — Возьмет и улетит еще.

— Ага, — сказал четвертый. — Накаркаешь...

— А дождь, между прочим, кончился, — сказал второй и, шумно вздохнув в себя воздух, засмеялся, довольный.

— Качественный ремонт, — заметил четвертый. — А ты говоришь — чижик-пыжик...

Ведущий вернулся не с той стороны, откуда его ждали. От него, насквозь промокшего, казалось, шел горячий

пар. Руки были в царапинах, из развороченной правой кроссовки выглядывал большой палец.

— Подъем! — сказал он, спрыгивая на тропку. — К вечеру доберемся. Деревня за горой.

— А там музей есть? — спросил третий, с трудом поднимая рюкзак.

— А как же, что за деревня без музея, — сказал ведущий. — Давай помогу...

— Тебе нельзя теперь напрягаться.

— Это почему?

— Ты теперь у нас главный экспонат для музея. Небо как-никак починил.

И построившись в прежнюю цепочку, они двинулись дальше. Изредка кто-то из них вскидывал глаза на вершину и с улыбкой оглядывался на идущего следом.

Так и шли, улыбаясь поочередно.

Последнюю надежду уносит Бог

Я думал:
когда все люди на земле,
все до одного,
направят свои взгляды
одновременно
в одном направлении
и в одну точку пространства,
тогда они и увидят Бога.

Он — там, в той точке.

Но мне сказали,
что бог во мне.
В каждом из нас.

И вот теперь я спрашиваю:
Зачем ему прятаться там,

где его никто никогда
не будет искать?

Затаиться в людях
и затеряться среди людей —
это одно и то же.

Бог в человеке сам становится человеком,
или он не совсем бог.
Человек, в которого вселился бог,
богом, увы, не становится,
и тогда он исчезает вообще.

Затерявшийся же среди людей,
он уносит с собой последнюю надежду...
И зачем тогда мне Бог?

Удивительная история

Один человек рассказал мне удивительную историю.

Однажды утром он проснулся от того, что в комнате кто-то разговаривал. Причем голоса были очень странные, ни на что не похожие. Сначала он испугался, потому что в комнате никого не было, а потом понял, что это разговаривают рыбки в аквариуме.

Он подошел поближе, рыбки тоже подплыли к самому стеклу и разом зашевелили плавниками, а самая крупная стала что-то ему говорить.

Он пошел на кухню за женой, чтобы она тоже послушала. Но жена сказала, что он, видимо, спятил, потому что рыбы вообще не умеют разговаривать, тем более аквариумные, от которых пользы никакой — одна маята и сырость.

Она много чего наговорила ему под горячую руку и потом отправила его в магазин за хлебом, чтобы он

не путался под ногами и заодно проветрился на свежем воздухе.

Когда он вернулся, никаких голосов из аквариума не раздавалось.

И вот я думаю, а может быть, это была последняя попытка рыб установить с нами контакт, и когда он вышел из комнаты, они подумали, что, видимо, за той стороной стекла разумной жизни нет?..

Никто, конечно, в эту историю не верит, но я бы не стал спешить с выводами. Все-таки нам надо учиться и слушать и понимать даже аквариумных рыбок, потому что мы не знаем, кто к нам прилетит из космоса. Они могут быть совсем ни на что не похожи, а мы своими привычками широко открывать рот и размахивать при разговоре руками можем тоже показаться им неперспективными для общения.

Откуда нам знать, кто там у них плавает в домашних аквариумах?

ПОСЛЕ ТОЧКИ



Путь не окончен.
Виден горизонт,
хотя уже заметно
отдалился...
У ног моих небоязливо
птица
присела вдруг,
и был в том
свой резон.

Итоги подводить?
Не подвожу итог —
не может быть
последнею
страница,
покуда жизнь
неторопливо
длится,
блюдя отмеренный
природой
срок.

ОБ АВТОРЕ

Юрий Дмитриевич Поройков родился 23 февраля 1935 г. в г. Баймак Башкирской АССР.

Окончил Башкирский педагогический институт, работал учителем русского языка и литературы в сельской школе, редактором редакционно-издательского отдела Башкирского филиала Академии наук СССР. Многие годы находился на руководящей комсомольской работе в республике и в Москве, возглавлял журнал ЦК ВЛКСМ «Молодой коммунист», работал в аппарате ЦК КПСС, первым заместителем главного редактора «Литературной газеты», первым заместителем генерального директора ТАСС, а затем — ИТАР-ТАСС, советником Группы советников ООО «Роспром» и «Юкос-Москва».

В настоящее время — консультант генерального директора Института стратегических оценок и анализа, первый заместитель главного редактора журнала «Вестник аналитики».

Кандидат философских наук. Заслуженный работник культуры Российской Федерации (1985) и Башкортостана (1995).

Награжден двумя орденами «Знак Почета» (1971, 1977), Почетной грамотой Правительства РФ за заслуги перед государством (1997).

Лауреат премии Ленинского комсомола (1981) и литературной премии И. А. Бунина (2007).

Публикации

1967 г. — первая публикация — цикл стихотворений в коллективном сборнике молодых авторов «Комсомол — горячая планета». В последующем — активное сотрудничество с молодежными и литературными журналами «Юность», «Смена», «Молодая гвардия», «Дружба», «Сельская молодежь», «Студенческий меридиан», «Октябрь».

Сборники стихов

1980 г. — «Мгновение как жизнь». М.: Молодая гвардия.

1981 г. — «Звезда на снегу». Уфа: Башкнигоиздат.

1982 г. — Одноименное издание на башкирском языке. Уфа: Башкнигоиздат.

1982 г. — «Звезда на снегу». Романтическое повествование». М.: Молодая гвардия (Библиотечка журнала «Молодая гвардия»).

1985 г. — «Лесов зеленый вздох». М.: Современник.

1986 г. — Одноименное издание на казахском языке. Алма-Ата: Хозуши.

1985 г. — «Зерна». Иронические стихи. М.: Правда (Библиотечка журнала «Крокодил». № 16).

1995 г. — «Все здесь — со мною и во мне». М.: Логос.

2007 г. — «О будущем, которое прошло». Книга размышлений. М.: Граница.

Сборники повестей и рассказов

1988 г. — «Пока живу». Киев: Молодь.

1990 г. — «Один из многих». М.: Современник.

Публицистика

1972 г. — «Дети XX века» (в соавторстве). М.: Знание.

1973 г. — «От 14 до 17». М.: Знание.

1980 г. — «Трудная пора — взросление». М.: Знание.

Переводы

1984 г. — Вагиф Ибрагим. «Мгновенья уходящие звучат». Сб. стихов и поэм. Перевод с азербайджанского. М.: Молодая гвардия.

1984 г. — Тайфур Сагитов. «Сабантуй». Роман. Авторизованный перевод с башкирского. М.: Современник (Серия «Новинки «Современника»).

1985 г. — Наиль Гаитбаев. «Светят окна в ночи». Повести и рассказы. Перевод с башкирского. М.: Современник.

1985 г. — Равиль Бикбаев. «Звездный дом». Сб. стихов. Перевод с башкирского (совместно с поэтом Сорокиным). М.: Советский писатель.

1986 г. — Сергей Законников. «Встань раньше солнца». Сб. стихов. Перевод с белорусского. М.: Советский писатель.

1986 г. — Магомед Гамидов. «Родник». Сб. стихов. Перевод с даргинского. М.: Современник.

1989 г. — Станислав Репях. «Вербная дорога». Сб. стихов. Перевод с украинского. М.: Советский писатель.

1984 г. — песня «Помолчим» (А. Третьяков — Ю. Поройков) в исполнении Эдиты Пьехи становится лауреатом телевизионного песенного конкурса «Песня-84».

1986 г. — Всесоюзная фирма грампластинок «Мелодия» выпускает пластинку-гигант «Заповедная страна» — песни на стихи Юрия Поройкова (комп. А. Третьяков и Е. Ростовский).

1988 г. — в зале Политехнического музея показывается спектакль по поэме «Разлука», поставленный режиссером А. Зариковским.

Поройков Иван — внук, 17 лет; живет и учится в Германии.

СОДЕРЖАНИЕ

Мое время	3
<i>Вместо предисловия</i>	6
«Мгновение, как жизнь»	21
«Вот недоступный вроде человек...»	23
Душа.....	24
«Зачем нужны мне, человеку, звезды?..»	26
«Здесь снег лежит на лапах елей...»	28
«Как горячи — пока в душе — слова...»	29
«И ничего еще не сказано...»	30
«А может быть, я вправду виноват...»	31
Нечто фантастическое.....	33
«Мой собеседник — умный человек...»	35
«Начало века. Год десятый...»	37
«Ты рядом...»	39
Крылья.....	40
«Среди простых есть истины такие...»	41
«О зов трубы!..»	43
Добро.....	45
«Какие в нашем мире чудеса?..»	47
«С твоих берегов не доносятся вести...»	48
Тоска.....	49
«Любимая уходит...»	51
Письмо.....	52
Гороскоп.....	53
«Я говорю: освоен материк...»	54
«Луна к стеклу прильнула...»	56
«Мы побывали в сказке той...»	57
Родничок.....	58
Мастерская.....	59

«Нет, не пустынно небо...».....	60
«Только день предложили мне выбрать...»	61
«Нам не дано вернуться вновь к началу...»	62
«А я брожу по улицам...»	63
«Ты первая сказала...»	64
«Как дерево осеннее...»	65
«Я верю — переможется...»	66
<i>Мгновения</i>	
Начало.....	67
Нужная капля	67
Взгляд.....	68
Однажды в Доме отдыха «Елочка»	68
<i>Иронические стихи</i>	
«Неземная цивилизация подавала радиосигналы...»	70
«Носком сапога он разворошил муравейник...»	71
«Блажен, кто верит...»	72
«Невесте он подарил...».....	72
«История ведет себя престранно...»	73
«Незаезженная дорога...»	74
Святая простота.....	75
<i>Атлант и Геракл (Переложение мифа)</i>	77
«Звезда на снегу»	81
«Есть заповедная страна...».....	83
«Загадай желанье сокровенное...»	84
Ожидание	85
Мадонна.....	86
«В обидах весь...»	88
На выставке картин сюрр	90
Именины.....	91
«Как хотелось нам, так не спелось...».....	94
Элегическое	95
«Словно создана для показа!..»	98
«Ах, слова...»	100
«Вдруг день померк...».....	102
«Что из того, что было...»	103
«Все, что кончается, то кончится...».....	104

«Ну, вот и все...»	105
Читая Экзюпери	106
<i>Звезда на снегу (Романтическое повествование)</i>	107
«Лесов зеленый вздох»	151
«...Вот облако клубится...»	153
«Она из тех, которых мы всегда...»	154
«На известной картине Нестерова...»	155
О правде-правоте, или О том, как мы спорим друг с другом (<i>Опыт лирической притчи</i>)	156
Лесоруб	159
«Нет, не пустые сожаленья...»	160
Просто так	163
«Что ни день, то беда...»	164
Перелистай назад страницу	166
«Я устал...»	169
«Ты летаешь, тебе дано...»	171
«Обещана мне жизнь совсем другая...»	172
«Я, конечно, очень странный...»	173
«Вот окна — прозрачны...»	174
«Помолчим, давай помолчим...»	175
Невесенние стихи	176
«Что и взять с любви...»	178
«Не в том, конечно, суть...»	179
«И ты поверил в то, что не успел?..»	181
«К дождю ли, к снегу...»	183
Шутливое	185
«Стоим в ночи...»	187
«Бессрочна правда?..»	189
«И к истине пути окольные...»	190
<i>Этюды</i>	
«А ночь опять взялась за решето...»	193
«Опять мороз...»	193
«Томит неясностью все та же канитель...»	194
«А первый снег...»	195
«Вот я вижу — был ночью снег...»	195
Утро	196
Метель	196

Туча	197
На полустанке.....	198
«Зерна» (Иронические стихи).....	199
<i>Про иронию.....</i>	<i>201</i>
Три минуты.....	204
Однажды в театре	206
Не беда	208
Печальные стихи с оптимистическими вопросами	209
О ковре-самолете.....	210
«Что ты думаешь о смерти?..»	212
Романтическая история с печальным концом.....	212
«Разлуку ожидаешь, как обвала...»	213
Томление.....	214
«Пустяки какие, право...»	215
«К дороге сбегаются тропки...».....	216
Самопародия	217
<i>Про любовь</i>	<i>218</i>
Сентиментальное	221
«Ну, вот письмо...»	222
Признание	223
Раздраженное.....	224
Нету бога, помимо женщины	225
<i>Написанное на бегу</i>	
Непосланная записка.....	228
Подражание восточному.....	228
Грустная песенка.....	229
Стихи из дневника.....	229
<i>Про доброту</i>	<i>230</i>
<i>Зерна (Поэма)</i>	<i>231</i>
«Все здесь — со мною и во мне»	245
«Не сожалею о былом...».....	247
Откровение	248
«Проснулся с ощущением — все могу!..».....	250
Эволюция.....	251

Бабочка	253
О жизни (<i>Вариации на одну тему</i>)	256
«Зачем нужны нам сказки?..»	260
Старая вина	261
«Я пришел к мудрецу...»	262
«А колеса стучат...»	263
«Твоя судьба — моя судьба...»	264
Детская песенка	265
Взрослая песенка	266
«В жизни каждому отмерен свой срок...»	267
«Опадают годы, словно листья...»	268
«Протянули друг к другу мы тонкую нить...»	269
Ссора	270
«Когда-нибудь...»	272
«Таишься рядом где-то...»	273
«Вот дожди шелестят...»	274
«Ты запала в душу...»	275
«Нет проще истины простой...»	276
«Не в первый раз мне сон ужасный снится...»	277
«Ты живешь, придуманная мной...»	278
«Вот живу среди разных прочих...»	279
<i>Разлука (Поэма)</i>	280

«О будущем, которое прошло»	291
Эпоха	293
Время	294
Человек	302
Три стихии	304
Поправка к теории относительности	305
«Как чуден пруд...»	306
«Взгляд, улыбка, рук прикосновение...»	307
«Стремительно катится дней череда...»	308
Такая вот история	310
Испанский этюд	312
«Я возвращаюсь мысленно назад...»	313
«Никогда ничего у любви не выпрашивай...»	314
Куклы	315

Осенние стихи

«И вот душа опять у берегов...».....	318
«А вот и мысль в сознание покаянном...».....	318
«Вопросов — тьма...»	319
«Где верх, где низ?..»	319
«Не измениться — ни надежд, ни сил...»	320
«Как долга порой дорога...»	320
«Жизнь коротка...»	321
«Спокойное море и вправду красиво...».....	321
«Уходит все куда-то безвозвратно...».....	322
«Дорога избранных легка...»	322
«Когда ударит неудача...»	323
«Старый детский альбом...»	324

Посвящения

Письмо	325
«Есть уголок земли такой...»	328
«Такими именами одарив...».....	328
«Мы с тобою тогда в облаках не витали...»	329
«Загадочен и сложен мир живой...»	331
«С каждым годом жизнь длиннее...»	331
«Ну кто сказал, что жизнь не удалась...»	333
«Старый спор...»	334
Вершина.....	335

Памяти ушедших

О друге, которого нет... (<i>Триптих</i>)	336
«...Такая странная планида...»	344
«Не обидой живу...»	345
«Вновь возникают миражи...».....	347

Вглядеться в себя (Поэма) 348**Переводы** 357*С азербайджанского**Вагиф Ибрагим*

Неубитое слово	359
Если ты не придешь	367

*С болгарского**Лавчо Данков*

Провал.....	369
-------------	-----

<i>Йордан Милев</i>	
Река	371
Поэзия.....	372
«Читал я книги многих мудрецов...».....	372
<i>Василь Раковски</i>	
Пасторальное.....	373
<i>Добромир Тонеев</i>	
Памяти Ульяны	374
<i>С даргинского</i>	
<i>Магомед Гамидов</i>	
Чего-то жду	375
Песня о яблоне.....	377
«По тебе скучаю снова...»	377
«Ты у мира спроси...»	378
<i>С украинского</i>	
<i>Станислав Репях</i>	
«Мне мысль ночами не дает заснуть...».....	380
Февральский день.....	381
Бахчисарайские сонеты	381
<i>С башкирского</i>	
<i>Равиль Бикбаев</i>	
«Из стихов моих исчезла смелость...».....	384
«Есть точный срок у птиц...».....	384
Сак и Сук	385
Жизнь.....	387
<i>С белорусского</i>	
<i>Сергей Законников</i>	
«Года улетают куда-то...».....	389
Из рабочей тетради	391
Сказ о человеке, его гордыне и душе	393
Сказ о вкрадчивом голосе	396
Сказ о том, как правду делили.....	397
Большие часы государства и маленькие — людей.....	398
Как дважды два.....	398
О стране, где все наоборот	400
Про это.....	402
О времени	402

Душа расшифрована?	402
Мысли вразброс	404
Всего один патрон (<i>Рассказ</i>)	405
Замкнутый круг	415
«Законопатить жизни щели...»	416
«Много разных обличий мерзости...»	417
«Я заблудился в жизни, как в лесу...»	417
«О, как земля истоптана окрест!...»	418
«Среди известных нам философем...»	419
Когда я был мальчиком	419
Обломок неба	427
Последнюю надежду уносит Бог	430
Удивительная история	431
После точки	433
«Путь не окончен...»	435
Об авторе	436

Литературно-художественное издание

Поройков Юрий Дмитриевич

ВГЛЯДЕТЬСЯ В СЕБЯ

Стихи и поэмы разных лет

Литературные миниатюры

Корректоры *С. И. Мачехин, Т. Л. Ожиганова, Н. М. Шешеня*

Верстка *С. Н. Евсеевой*

Подписано в печать 15.01.2010.

Формат 84х108/32. Тираж 500 экз.

Усл. печ. л. 14. Изд. № 233. Заказ №

Издательство Московского гуманитарного университета,
111395, Москва, ул. Юности, 5/1

Отпечатано в ООО «Научно-информационный
производственно-коммерческий центр «Восход-А»,
111621, Москва, ул. Оренбургская, дом 15, офис 226,
тел./факс (495) 700-12-08, 700-12-17